

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОСТОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ МИНИСТЕРСТВА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
(ФГКОУ ВО РЮИ МВД России)

И. М. Вакула, В. Б. Рожковский

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

ХРЕСТОМАТИЯ

Ростов-на-Дону
2019

УДК 2 (075.8)

ББК 86.2

Р 31

Рецензенты:

профессор кафедры «Православная культура и теология»

ФГБОУ ВО «Донской государственный

технический университет»

доктор философских наук, профессор **Т. С. Оленич**;

доцент кафедры общенаучной подготовки

Северо-Кавказского филиала

ФГБОУ ВО «Московский технический университет

связи и информатики»

кандидат философских наук, доцент **Д. Л. Устименко**

Р 31 **Религиоведение:** хрестоматия / авт.-сост. И. М. Вакула, В. Б. Рожковский. – Ростов н/Д: ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2019. – 264 с.

ISBN 978-5-8928-8368-9

В хрестоматии представлены фрагменты текстов-первоисточников религиозных верований (от архаических до мировых религий) и текстов «классических» научных исследований различных аспектов духовно-религиозного опыта человечества в области истории и философии религии. Тексты сопровождаются краткими авторскими аннотациями.

Книга адресована преподавателям и студентам (курсантам, слушателям) и предназначена для самостоятельного творческого освоения религиоведческой науки.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
ФГКОУ ВО РЮИ МВД России.

ISBN 978-5-8928-8368-9

УДК 2 (075.8)

ББК 86.2

© ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
РАЗДЕЛ I. ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ	11
Мюллер Фр. М. Введение в науку о религии	11
Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии религии.....	15
Тайлор Э. Б. Теория анимизма.....	27
Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии	31
Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии	39
Пфлейдерер О. Религия и религии. Сущность религии	55
Вебер М. Социология религии (типы религиозных сообществ).....	60
Отто Р. Священное.....	64
Тиллих П. Значение истории религий для систематического теолога.....	89
Булгаков С. Н. Свет невечерний.....	100
Олпорт Г. Становление личности. Религиозное чувство	104
Лифтон Р. Технология «промывки мозгов»: Психология тоталитаризма.....	110
РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ	118
Ранние и национальные религии	118
Даосизм. Дао-дэ-цзин	118
Конфуцианство. Лунь Юй.....	122
Индуизм	125
Ригведа.....	131
Кена упанишад.....	131
Брахманы	134
Иудаизм	136
Зогар	136
Мировые религии	141
Буддизм.....	141
Джатаки. Джатака о Брахмане.....	141
Джатака о жертве	145

Джатака о змее	152
Предания о дзэнском монахе Иккю.....	154
Далай-Лама XIV. Буддизм Тибета.....	156
Христианство	166
Ветхий Завет. Бытие	166
Ветхий Завет. Исход	178
Ветхий Завет. Псалтирь. Псалом 50.....	179
Новый Завет. Евангелие от Иоанна	180
Новый Завет. Евангелие от Матфея	191
Новый Завет. Деяния апостолов	194
Новый Завет. Послание апостола Павла к Филиппийцам.....	196
Кирилл Иерусалимский. Огласительное поучение	197
Изречения египетских Отцов	204
Духовные наставления Серафима Саровского.....	209
Ислам	212
Коран. Суры 1-2.....	212
Аль-Мунтахаб фи тафсир аль-Куран аль-Карим. Толкование Священного Корана.....	216
Хадисы	226
Хишам ибн аль-Калби. Книга об идолах.....	233
Из арабской поэзии VIII-X вв. Абу аль-Атахия	235
Аль-Мутанабби.....	236
 Приложение	
ФЗ РФ «Закон о свободе совести и о религиозных объединениях» (1997 г.; с изменениями на 6 июля 2016 г.) [преамбула, главы I–II]	240
 Заключение	261
Литература.....	262

ВВЕДЕНИЕ

Со времени слома советской идеологической парадигмы российское общество продолжает оставаться в поиске идейной само тождественности. Исторически религиозная сфера была одной из определяющих в России в этом поиске себя, задавала вполне осязаемые ориентиры культуры, духовного опыта. Но духовный вакуум, наступивший вследствие исторических трансформаций конца прошлого столетия, остается, чем пользуются различные деструктивные и экстремистские религиозные организации. Сейчас мы уже пережили основную волну действия религиозных сект, однако в социально-политическом плане религиозный экстремизм продолжает активно проявлять себя.

Религиоведение в ряду иных гуманитарных наук является междотраслевой дисциплиной, которая в рамках религиозно-философских, философских и философски-религиоведческих подходов способна учитывать частноотраслевые результаты, исследовать наиболее общие основания становления культур и развития религиозных идей. Объектом религиоведения, в отличие от других обществоведческих наук, выступает религиозный и духовный опыт человечества в целом. Элементами опыта выступают: исторически сложившиеся представления о Боге и человеке (мифы, догматы и др.), практические формы религиозной жизни (ритуалы, обряды и др.); религиозное и нерелигиозное типы мировоззрений; религиозная и нерелигиозная деятельность индивида, религиозной группы (организации).

В религиоведческой науке одним из определяющих является вопрос о сущности религии. В настоящее время принято избегать крайней позиции отрицания специфической природы религии, редуцирования ее к каким-либо психическим, социальным или иным явлениям. Многочисленные попытки просто определить религию, выявить ее сущность предпринимались еще с античных времен, но потерпели неудачу в силу несогласия авторов друг с другом. И неудачи в определении религии вызваны тем, чтобы определить религию – это значит «определить» Бога, что невозможно. Природа религии в своей сердцевине, безусловно, апофатична – скрыта от полного рационального постижения. Поэтому часто, избегая вопроса о сущности религии, ученые пользуются

описательным методом в понимании религии, находя элементы, являющиеся общими для всех религий.

В самом общем виде религия – это связь человека с Богом. В религии человек обращен к потустороннему миру практически, онтологически. Его собственные устремления и поступки получают смысл и силу именно из этой потусторонней реальности. В этом отличие религии от этики, морали, науки, права, искусства и других «земных», «исторических» и «временных» форм культуры. Ядром религиозного сознания является «переживание» божественного, того иного, что принципиально отлично от возможных содержаний повседневного опыта. Оно нацелено на священное и сакральное – сокровенное, одновременно дистанцируясь от всего профанного и земного. В этом его специфика отношения к миру: религия – это «реакция человека на совершенно иное» (Г. Леув), форма отношения к «непостижимому» (С. Л. Франк), к той тайне, которая скрыта за чувственно воспринимаемым миром, которая одновременно притягивает человека и внушает ему трепет.

Если одним словом охарактеризовать отношение современного общества к религии, то этим словом будет «секуляризация». Секуляризация – обозначает всецелое обмирщение, лишение общественных, культурных отношений церковного характера. Именно процесс секуляризации, начавшийся в Новое время, предопределил падение в обществе авторитета Церкви и распространение атеистического мировоззрения. Говоря словами Ф. Ницше можно сказать, что с некоторого времени мир живет в состоянии, когда «Бог умер»...

Вместе с тем, в современном мире теперь намечается и противоположная – положительная тенденция отношения к религии. Ее можно наблюдать по тому значению, какое вновь приобретает религия в политической жизни, казалось бы, уже совершенно светской. Здесь и извечные конфликты на Ближнем Востоке, и нарастание религиозной конфликтности в других частях света. Можно говорить и об усилении внимания к религии в повседневной жизни, где повышается интерес к чему-то запредельному, тайному (правда, в большей степени этот интерес проявляется на примитивном религиозном уровне, в виде распространения суеверий, возрождения языческих обычаев в псевдорелигиозной форме и т. д.).

Особую актуальность приобретают процессы воцерковления России, ее культуры. Для обычного – «разбожествленного» сознания то, что сейчас происходит в России (с конца 80-х годов) является как бы «поворотом» вспять, к возрождению волшебного очарования миром (именно так определял религиозный феномен известный социолог М. Вебер). Этот «поворот» словно не поддается рациональному объяснению. Между тем, согласно многим социологическим опросам, в России среди других социальных институтов наибольшим доверием пользуется Церковь. Можно так же говорить о возрождении интереса к религиозной культуре, религиозному мышлению. Советская эпоха устами идеологии воинствующего безбожия предрекала скорую историческую гибель религии в любых ее формах. Однако фактически религия в современном мире – это неотъемлемая часть действительности.

Религиоведческая наука тоже сейчас ищет себя в системе образования и социальном мире. Система религиоведческого образования в России оставляет желать лучшей участи – на сегодня она недостаточна и требует последовательно развития, как на уровне вузовской науки, так и структур Академии наук. В свое время развитие этой отрасли было сопряжено с утверждением политической идеологии атеизма, что повредило учению в целом.

Религиоведение – объективная, не религиозная (конфессиональная) и не антирелигиозная научная дисциплина (по-видимому, не может быть профессионально ориентированной науки и религиоведение в этом смысле исключением никак не является). Но религиоведение – не «кабинетная наука». Впечатление о «кабинетности» иногда создается потому, что о проблемах религиоведения в обществе – состоянии и динамике религиозности, религиозных правах и свободах, религиозном и религиоведческом образовании – судят поверхностно, без настоящего проникновения в аксиомы религиозного опыта, без должной экспертизы и научно-отраслевого оформления. Если возобладают поверхностные оценки и суждения о религии, общество не сможет преодолеть негативные стороны секуляризации (десакрализации) как утраты целого ряда духовно-нравственных ценностей, а так же обращения их в высмеиваемое симулятивное поле духовности (например, в феномен оскорбления чувств верующих). Но и так называемой гиперсакрализации, когда религиозный опыт примитивизируется

в такой мере, что обращается в явления религиозной нетерпимости, разжигание религиозной розни и экстремизма.

Организаторы большой научно-практической конференции в Институте Европы РАН «Религиозный фактор в социально-политической жизни современной России (преодоление нетерпимости и экстремистских тенденций)», проводимой в июне 2011 г., пришли к следующему выводу: «В настоящее время наиболее остро стоит проблема профилактики конфликтов и разжигания вражды и розни на религиозной почве, противодействия различным экстремистским тенденциям, попыткам экстремистов скрыться за религиозными идеями. В связи с этим чрезвычайно важно с научной точки зрения проанализировать роль религиозных объединений в гражданском обществе, их социальную роль и существующие конфликтные ситуации, которые скрывают в себе целый ряд опасностей»¹. Вообще сейчас остается потребность уточнения религиозной политики, способов противодействия экстремизму и соблюдения в этой области прав граждан. Необходим и неизбежен активный диалог представителей различных конфессий, научного сообщества и представителей власти, правоохранительных структур. Назрело полноценное научно-практическое осмысление религиозной ситуации в России и действенное воспитание веротерпимости в обществе.

Реальный (соответствующий самой природе) и неизбежный путь религиозоведческой науки – образовывать в религиозном пространстве и обосновывать реальное поле социального взаимодействия. Каковы же должны быть стратегии религиозоведческого образования? Стратегически религиозоведческая подготовка должна помочь и научить видеть вообще Другое, Инаковое в плане альтернативных форм духовного и религиозного опыта человечества и сформировать основание для воспитания веротерпимости и уважения к чужим взглядам. Причем это должно стать повседневной ценностью, как способность дышать или утолять жажду.

¹ Материалы научно-практической конференции «Религиозный фактор в социально-политической жизни в современной России» (преодоление нетерпимости и экстремистских тенденций) // Религия и право. 2 июня 2011 г. URL: <http://www.sclj.ru/news/demail.php> (дата обращения: 12.12.2017).

Религиоведение призывается сейчас стать тем «воздухом», без которого любая отраслевая наука или профессиональная сфера деятельности становится бесцельной и бессмысленной в части составного элемента социального бытия. Религиоведение призвано «сформировать качественный гипертекст культуры, в арсенал которой на национальном языке войдет то наследие, на котором возростала современная цивилизация и неотъемлемой частью которой считает себя Россия. В связи с этим становится очевидным, что при организации данных работ «застрельщиками» и основными исполнителями в ряду специалистов-гуманитариев окажутся религиоведы»².

Важнейшая сторона религиоведческой подготовки (помимо образовательной) – это формирование концептуальной базы для взаимодействия представителей власти с религиозными объединениями. Появление и поддержка социально ориентированных религиозных объединений (обращенных в «пустоты» общества различных братств и сестричеств, организаций помощи инвалидам, престарелым и др.) – все только помогает укреплению социального партнерства власти и религиозных объединений, о котором много говорится и от лица власть предержащих.

Таким образом, для чего необходима качественная религиоведческая подготовка?

Во-первых, это она будет способствовать позитивному изменению сознания, недопущению экстремизма как следствия доминирования профанных, обыденных представлений, возводимых в ранг радикальных. Религиозная грамотность, образованность – есть фактор преодоления религиозной нетерпимости. Во-вторых, религиоведческая подготовка будет исполнять функцию социального регулятора – поможет осуществить взаимодействие отраслевого знания с религиозными социальными институтами.

Настоящая хрестоматия призвана способствовать совершенствованию религиоведческой подготовки, восполняя источниковедческий пробел в образовательном процессе по дисциплине «Религиоведение». Без изучения текстов-первоисточников трудно

² «Религиоведение в России: вчера, сегодня, завтра». URL: <http://www.pravmir.ru/religiovedenie-v-rossii-vchera-segodnya-zavtra> (дата обращения: 12.12.2017).

ожидать полноценной религиозной грамотности, сомнительна и общая и профессиональная культура личности. Структурно хрестоматия включает два основных раздела: первый – фрагменты классических трудов по философии, феноменологии, социологии, психологии религии; второй – тексты религий, как ранних и национальных ее форм, так и мировых религий.

В первом разделе помещены в сокращении произведения известных ученых-религиоведов и мыслителей, представляющие собой методологически примеры рефлексии над религиозным опытом «второго порядка» – его научно-объективное осмысление. Во втором разделе представлены первоисточники – «священные тексты» религий и тексты рефлексии над религиозным опытом «первого порядка» – его внутри конфессиональное (богословское) осмысление. Тексты философско-религиоведческой направленности и первоисточники, относящиеся к истории религии, предваряются аннотациями, в которых поясняется как их исторический контекст, так и основное идейное содержание.

В Приложении помещен в сокращении (до III главы) текст Федерального Закона Российской Федерации «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997 г., в редакциях 2000–2016 гг.), законодательно регулирующий отношения между государством и религиозными объединениями в современной России.

РАЗДЕЛ I. ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ

ФР. М. МЮЛЛЕР

Введение в науку о религии

Произведение немецкого философа, исследователя в области исторических форм религии Фридриха Макса Мюллера (нем. Friedrich Max Müller; 6 декабря 1823, Дессау – 28 октября 1900, Оксфорд) «Введение в науку о религии» (1873 г.) явилось классическим образцом рационального подхода к пониманию феномена религии во всей ее полноте и своеобразии и первым примером использования сравнительного метода в религиоведении. Для Ф. М. Мюллера, наука о религии есть рациональное изучение сущности религиозных верований, их исторического развития, без предубеждения о каком-либо изначальном преимуществе той или иной религии или отрицания религиозной веры. При этом, по его убеждению, важно исследование любых форм религиозного опыта, ведь «кто знает одну религию – не знает ни одной». Сопоставление священных текстов разных религий привело его к заключению, что есть возможность исследовать то общее, что присуще специфике религии в целом, как социокультурному феномену.

В наши дни почти невозможно говорить о религии, не обидев кого-нибудь. Некоторым религия кажется слишком священным предметом для научного изучения, другие ставят ее в один ряд с алхимией и астрологией, считая, что она сплетена из ошибок и галлюцинаций, недостойных внимания ученого. В некотором смысле я согласен с этими двумя мнениями. Религия есть священный предмет, и в ее самой совершенной или самой несовершенной форме она заслуживает наивысшего уважения. В этом отношении мы можем научиться кое-чему у тех, кого всегда готовы поучать. Я сошлюсь на «Декларацию принципов», которой руководствуется церковь, основанная Кешабчондро Сенем. После утверждения, что нельзя поклоняться ни одному сотворенному объекту, ни одному человеку, или более низшему существу, или материальному объекту, который идентифицируется с Богом, или уподобляется

Богу, или трактуется как воплощение Бога, и, что ни одна молитва или гимн не могут быть произнесены в чей-либо адрес, кроме Бога, декларация продолжает: «Ни одно сотворенное существо или объект, которым поклоняется или может поклоняться какая-либо секта, не будут подвергнуты осмеянию или осуждению в ходе богослужения, совершаемого здесь»; «ни одна книга не должна быть признана или истолкована как непогрешимое Божественное Слово: однако ни одна книга, которая признается или будет признаваться какой-нибудь сектой непогрешимой, не подлежит осмеянию или осуждению»; «ни одна секта не будет подвергнута очернению, осмеянию или ненависти».

Можно подумать, что эти открытые чувства религиозной терпимости были заимствованы Кешабчондро Сенем, а также Раммоханом Раем, основателем Брахмо самадж, у христианских авторов. Может, это и так. Но у них не было необходимости ехать в Европу для того, чтобы узнать эти подлинно христианские принципы. Они могли обнаружить их высеченными на скалах Индии более двух тысяч лет назад Ашокой, который правил с 259 по 222 г. до н. э. Ашока, который отверг старую ведическую религию и принял основные принципы учения Будды, утверждает в одном из своих эдиктов: «Царь Пиядаси желает, чтобы повсеместно существовали всевозможные секты, потому что каждая из них способствует воздержанности чувств и очищению души». И затем: «Царь Пиядаси почитает все секты, монахов и мирян; он чтит их, предоставляя им свободу и оказывая различные виды покровительства... Но для каждой секты существует основополагающий закон, а именно – сдержанность в речи, которая предполагает, что нельзя превозносить свою собственную секту, порицая другие, осуждать их легкомысленно, напротив, следует всегда оказывать надлежащее почтение другим сектам. Действуя таким образом, человек превозносит собственную секту и вместе с тем приносит пользу другим, действуя же иным способом, он наносит вред своей секте, и другим сектам также от этого нет пользы. Тот, кто превозносит свою секту и осуждает другие, руководствуется преданностью своей секте и желает прославить ее, но в действительности он только вредит ей. Следовательно, единственным благом является мир, при котором бы все люди проявляли готовность не только выслушать, но и понять мнение других».

Студентам, изучающим религию, безусловно, не следует быть менее беспристрастными, чем этот древний царь. Что касается меня, то я обещаю, что никто из присутствующих на этих лекциях, будь то христианин или иудей, индуист или магометанин, не услышит из моих уст непочтительных слов по поводу его пути служения Богу. Но подлинное почтение состоит не в том, чтобы объявить дорогой для нас предмет недоступным для свободного и честного исследования, отнюдь нет! Подлинное почтение к предмету, каким бы священным, каким бы дорогим для нас он ни был, проявляется в подходе к нему с полным уважением, без страха и без предубеждения, безусловно, с нежностью и любовью, но прежде всего с неуклонным и бескомпромиссным стремлением к истине. С другой стороны, я вполне допускаю, что религия, если посмотреть шире, и в прежние времена, и в нашу эпоху находилась иногда на высшем уровне, а иногда нисходила на уровень алхимии и астрологии. В религии можно обнаружить предрассудки, остатки фетишизма; и, что еще хуже, в ней можно найти нечто напоминающее лицемерие римских авгугов.

В практической жизни было бы неверным занимать нейтральную позицию между этими противоречивыми точками зрения. Как только мы видим, что теряется уважение к религии, мы обязаны выразить свой протест; как только мы видим, что предрассудки иссушают корни веры, а лицемерие отравляет источники морали, мы должны занять определенную позицию. Но как специалисты, изучающие религию, мы поднимаемся выше, в более спокойную атмосферу. Мы изучаем заблуждение, подобно тому, как физиолог изучает болезнь, выявляя ее причины, прослеживая ее влияние, размышляя о возможных лекарствах от этой болезни, но право применения лекарств мы предоставляем другим людям, например хирургу или практикующему врачу. Выражение «*Diversos diversa juvant*» имеет всеобщее значение, и разделение труда в соответствии со способностями и вкусами различных индивидов будет всегда обеспечивать наилучшие результаты. Студент, изучающий историю естествознания, не вступает в полемику с алхимиками и не спорит с астрологами, скорее он пытается проникнуть в их понимание вещей и открыть в ошибках алхимии зародыши химии, а в фантазиях астрологии жажду и поиски истинного знания о небесных телах. Аналогичным образом поступает и студент,

изучающий науку о религии. Он желает выяснить, что такое религия, какую основу она имеет в душе человека и каким законам следует в своем историческом развитии. В данном случае изучение заблуждений для него более поучительно, чем изучение той религии, которую он считает единственно истинной. Улыбающийся авгур является таким же интересным предметом, как римский верующий, который, закрывая свое лицо во время молитвы, думает, что он остается наедине со своим богом.

Я уверен, что само название «наука о религии» будет многим резать слух и сравнение всех религий мира, которое подразумевает, что ни одна из них не будет занимать привилегированное положение, несомненно покажется большинству опасным и достойным осуждения, так как в данном случае игнорируется особое предпочтение, своей собственной религии и своему собственному Богу. Позвольте мне сказать, что когда-то я и сам разделял эти описания, но я попытался преодолеть их, потому что я не хотел и не мог позволить себе отказаться ни от того, что я считал истиной, ни от того, что для меня дороже истины, а именно – от права проверки истины. И я не сожалею об этом. Я не утверждаю, что наука о религии уже всего достигла, но она не ведет к утрате тех многих вещей, которые дороги нам. По моему скромному мнению, она не ведет к утрате того, что является существенным для истинной религии, и, если мы честно взвесим все «за» и «против», выигрыш будет неизмеримо больше, чем потери.

[...]

Г. В. Ф. ГЕГЕЛЬ

Лекции по философии религии

Георг Вильгельм Фридрих Гегель (нем. *Georg Wilhelm Friedrich Hegel*; 27 августа 1770, Штутгарт – 14 ноября 1831, Берлин) – немецкий философ, один из создателей философии религии как особой систематической области знания. Г. Гегель исследовал проблемы философии религии в целом ряде своих произведений, таких, как «Феноменология духа», «Энциклопедия философских наук», «Философия истории» и др. В представленных же «Лекциях по философии религии» религия рассматривается в качестве специального предмета изучения. Понимание им религии является частью его общей философской интуиции и диалектической системы всего сущего. В этой системе религия занимает неотъемлемое место, являясь «сознанием абсолютной истины» и важнейшим этапом всемирно-исторического развития Абсолютного Духа. Философскую систему Г. Гегеля можно рассматривать как своего рода «учение о конкретности Бога и человека» (именно так охарактеризовал ее русский философ И. А. Ильин в одной из лучших книг о Гегелевской философии), т. е. как рационально-философскую демонстрацию религиозно-христианского Откровения. В ходе развития духовно-религиозного опыта человечества Бог (Абсолютный Дух) все более совершенным образом «конкретизируется», воплощается и очеловечивается. Одновременно происходит углубление сознания свободы, что и составляет содержание всемирной истории. Таким образом, по выражению А. В. Гулыги, «Лекции по философии религии Г. Гегеля содержат грандиозную для своего времени попытку осмыслить историю религиозных верований как единый, закономерный процесс». В приведенном фрагменте произведения содержится раскрытие Г. Гегелем предмета философии религии, отношения религии и философии, религии и науки, а так же отношения философии религии «к ее предпосылкам и принципам эпохи».

Часть 1. (1821–1831 гг.)

Введение в философию религии

Я счел необходимым обратиться к религии как к предмету философского рассмотрения и присовокупить это рассмотрение в качестве отдельной части к философии в целом. В качестве введения я изложу сначала в разделе А раздвоение сознания – из него возникает потребность, удовлетворить которую должна наша наука, затем отношение нашей науки к философии и религии, а также к принципам религиозного сознания эпохи. После того как в разделе В я коснусь предварительных вопросов, которые возникают из упомянутых отношений нашей науки, в разделе С будет дано деление этой науки на отдельные проблемы.

Прежде всего, необходимо напомнить, в чем заключается предмет философии религии и каково наше представление о религии. Мы знаем, что в религии мы отрешаемся от всего временного, что религия – это та сфера нашего сознания, в которой решены все загадки мироздания, устранены все противоречия глубокой мысли, стихает вся боль чувства; что она есть сфера вечной истины, вечного покоя, вечного мира. Человека делает человеком мысль как таковая, конкретная мысль или, более точно, то, что он есть дух; в качестве духа человек создает науку во всем ее многообразии, искусство, интересы политической жизни, отношения, связанные с его свободой, его волей. Однако все эти многообразные формы и все сложное переплетение человеческих отношений, деяний, наслаждений, все то, что ценит и чтит, в чем он видит свое счастье, славу и гордость, – все это находит свое высшее завершение в религии, в мысли, в сознании, в чувстве Бога. Поэтому Бог есть начало и конец всего. Все исходит из этой точки, и все возвращается к ней; Бог есть то средоточие, которое во все вносит жизнь, одухотворяет и одушевляет все формообразования жизни, сохраняя их существование. В религии человек ставит себя в определенное отношение к этому средоточию, которое поглощает все другие его отношения; и тем самым он поднимается на высшую ступень сознания, в сферу, которая свободна от всякого соотнесения с иным, полностью самодоста-

точна, безусловна, свободна и есть конечная цель самой себя. Поэтому религия как погружение в эту конечную цель совершенно свободна и есть самоцель, ибо к этой конечной цели возвращаются все другие цели и то, что ранее имело значение для себя, исчезает в ней. Ни одна цель не выдерживает противопоставления ей, и только в ней все они находят свое завершение. В сфере, где перед духом стоит эта цель, дух полностью освобождается от конечности и обретает совершенное умиротворение и освобождение, ибо здесь дух относится уже не к другому и ограниченному, а лишь к беспредельному и бесконечному, и это есть бесконечное отношение, отношение свободы, а не зависимости. Здесь сознание духа абсолютно свободно и само есть истинное сознание, ибо оно есть сознание абсолютной истины. Определенное как чувство, это отношение свободы есть наслаждение, которое мы называем блаженством. В качестве деятельности оно направлено лишь на то, чтобы свидетельствовать о славе Божьей и обнаруживать величие Бога. В этом отношении действия человека направлены уже не на себя, не на свой интерес или тщеславие, а на абсолютную цель. Все народы знают, что именно религиозное сознание есть та сфера, где они обладают истиной, и в религии они всегда видели свое достоинство и праздник своей жизни. Все то, что возбуждает в нас страх и сомнение, всю печаль, все заботы и ограниченные интересы конечной жизни мы оставляем «на отмели в безбрежном мире лет», и подобно тому как, достигнув горной вершины, вдали от определенных очертаний всего земного, мы спокойно обзреваем открывающийся перед нами ландшафт, мир со всеми его ограничениями, так и человек, вознесенный над суровой действительностью, созерцает ее своим духовным взором как некий отсвет в этой чистой сфере, как отражение, все оттенки, различия и освещения которого судьбу духа в ее всеобщности, а не возносит что-то совсем иное на эту высоту субъект в его индивидуальности.

[...] Извращенность и пассивность индивидуумов могут вмешаться в необходимость всеобщей духовной природы, могут заставить человека отклониться от нее, попытаться принять свою собственную точку зрения и отстаивать ее. Эта возможность пас-

сивно придерживаться ложной точки зрения или сознательно и преднамеренно отстаивать ее связана с наличием у субъекта свободы. Планеты, растения и животные, не способные отклониться от необходимости своей природы, от ее истины, становятся тем, чем они должны быть. В человеческой свободе, напротив, бытие и долженствование разделены, эта свобода несет в себе произвол и может обособиться от необходимости, от закона, может противодействовать своему назначению. Поэтому, если познание и постигает необходимость религиозной точки зрения, а воля ощущает ничтожность своего обособления, все это подчас не препятствует тому, что человек продолжает упорствовать и отклоняться от необходимости и истины своей природы.

В качестве аргумента против познания обычно выдвигается следующий малоубедительный довод: тот или иной человек обладает познанием Бога и тем не менее далек от религии, не становится верующим. Между тем познание не ведет и не должно вести к этому; его цель – познать религию, которая есть, а не пробуждать религию в том или ином отдельном, эмпирическом субъекте, если в нем полностью отсутствует какое бы то ни было религиозное сознание, и он совсем не стремится к нему.

В действительности, однако, нет человека столь испорченного, погибшего, дурного, и мы не можем считать кого-либо столь презренным, чтобы в нем полностью отсутствовало религиозное чувство, – пусть оно выражается в страхе, тоске или ненависти, – ибо и в последнем случае человек внутренне связан с религией и занимается ею. Для человека, поскольку он человек, религия существенна и не может быть чуждым ему ощущением. Все дело в отношении религии к другим сторонам его мировоззрения, и с этим связано философское познание, здесь оно оказывает свое существенное воздействие. В упомянутом отношении – источник раздвоения изначального, абсолютного стремления духа к религии, им вызваны к жизни разнообразные формы сознания и их различные отношения к религиозному интересу. Прежде чем философия религии подойдет к изучению своего собственного понятия, ей надлежит пройти сквозь сложное переплетение интересов эпохи.

Отношение философии религии к ее предпосылкам и принципам эпохи

I. Раздвоение религии и свободного мирского сознания

Уже в самом отношении религии в ее непосредственности к остальным формам человеческого сознания заключены ростки раздвоения, поскольку обе эти стороны находятся в состоянии взаимного обособления. Даже в своем непосредственном отношении они являют собой два различных рода деятельности, две области сознания, к каждой из которых человек обращается лишь попеременно. Так, человек в своей действительной мирской деятельности проводит ряд будничных дней, посвящая их своим особым интересам и вообще мирским целям и удовлетворению своих потребностей, но за ними следует воскресение, когда он откладывает все это в сторону, углубляется в самого себя и, отнесясь от конечных дел, в которые он ранее был погружен, живет самим собой и тем высшим, что в нем заложено, своей истинной сущностью. Однако это обособление обеих сторон сразу же подвергается двойной модификации.

Рассмотрим сначала религию верующего человека, т. е. того, кто действительно заслуживает подобного наименования. В этом случае вера предпослана безотносительно к чему бы то ни было, и она лишена противоречий, ибо вера в Бога в своей простоте – нечто совсем иное, чем утверждение: я верю в Бога. Последнее уже связано с рефлексией и сознанием, что вере противостоит другое. В упомянутом утверждении уже проступает потребность в самооправдании, резонировании, полемике. Непосредственное религиозное чувство набожного человека не замкнуто, не обособлено от других сторон его жизни, его наличного бытия, напротив, оно окрашивает все его ощущения и действия, его сознание соотносит все цели и предметы его мирской жизни с Богом как с бесконечным и последним ее источником. Все моменты своего конечного наличного бытия, своей деятельности, свои страдания и радости подлинно верующий человек возносит за пределы своей ограниченной сферы, и в этом вознесении он обретает представление и ощущение своей вечной сущности. Остальная его жизнь проходит

в доверии, следовании обычаям, послушании, привычке. Он есть то, чем его сделали обстоятельства и природа; и он принимает свою жизнь, ее отношения и права, как принимает и все остальное – как непонятную ему судьбу: она такова.

Соотнося все с Богом, он либо с благодарностью принимает данное ему, либо свободно приносит Богу в жертву то, что он рассматривает как дар Его милосердной воли. Таким образом, все остальные стороны его сознания непосредственно подчинены этой высшей сфере.

С мирской стороны различие в упомянутом выше отношении принимает, однако, форму противоположности. Развитие этой стороны как будто не наносит вреда религии, вся эта деятельность как будто ограничивается пределами данной сферы, и если судить по словесным признаниям, то религии и здесь воздается должное как наивысшему проявлению человеческого духа. Однако в действительности дело обстоит иначе, и со стороны мирского сознания в религию проникают испорченность и раздвоение (die Entzweiung). Эволюцию этого различия можно рассматривать как формирование рассудка и человеческих целей вообще. По мере того как в человеческой жизни и в науке пробуждается рассудок и рефлексия становится независимой, воля начинает ставить перед собой абсолютные цели в виде права, государства, предметов, которые должны быть в себе и для себя. Научное исследование познает законы, устройство, структуру и особенности природных явлений, а также деятельность и создания духа.

Такого рода опыт научного познания, полученный человеком в его стремлении к этим целям и их действительности, есть дело человека, его рассудка и воли. В них он видит свою собственность. Если он и исходит из того, что есть, что он обнаруживает как данность, то он уже есть не просто тот, кто знает об этом, кто имеет эти права. То, что он силой своего знания и своей воли сделал из преднайденного, есть его вещь, продукт его труда, и он преисполнен сознания, что он это создал. Создание предметов (die Productionen) – его честь и гордость; оно становится источником огромного, бесконечного богатства – мира человеческих воззрений, знаний, внешних благ, прав и поступков.

Так дух вступил в противоположность, сначала еще непреднамеренно, еще не сознавая этого; однако вскоре эта противо-

положность становится осознанной. Ибо теперь дух движется между двумя сторонами, различие которых определилось в своей действительности. Одна сторона есть та, в которой дух находится у самого себя, где он находит свои цели и интересы, где он независимо и самостоятельно определяет себя из себя самого. Другая сторона есть та, где дух признает существование высшей силы, абсолютные обязанности без соответствующих им прав и где то, что он получает за выполнение своих обязанностей, всегда остается только милостью. В одном случае основой является самостоятельность духа, в другом он скромнен и зависим. Отличие его религии от той сферы, где он самостоятелен, заключается в том, что он ограничивает познание, науку мирской стороной, оставляя для религиозной сферы чувство, веру.

Тем не менее, в сфере самостоятельности духа его деятельность также остается обусловленной, и познание, и воля неминуемо должны испытать на себе эту обусловленность. Человек требует того, что ему принадлежит по праву, но обретет ли он это в действительности, зависит не от него, находится во власти другого. В своем познании человек исходит из устройства и структуры природы, а это есть данность. Содержание его науки составляет материя, находящаяся вне его. Таким образом, обе стороны, независимая и обусловленная, вступают в отношение друг с другом, и это отношение приводит человека к признанию того, что все создано Богом: все вещи, составляющие содержание его знаний, вещи, которыми он владеет и которые служат средством для достижения его целей, и он сам. [...]

Однако признание это холодно и мертво, так как в нем отсутствует именно то, что составляет жизненность данного сознания, в котором он у себя и есть самосознание, отсутствуют это воззрение и это познание. Все определенное относится к сфере познания и положенных самим человеком целей; и здесь также присутствует лишь собственная деятельность самосознания. Таким образом, данное признание неплодотворно, так как оно не идет дальше абстрактно-всеобщего, т. е. того, что все есть творение Бога, и, что бы познание такого рода ни рассматривало (движение планет и его законы, муравья, человека), оно продолжает утверждать одно и то же: все это создал Бог. Подобное религиозное соотнесение отдельных вещей с Богом, монотонное и однообразное, стало бы

утомительным и назойливым, если бы оно повторялось в каждом отдельном случае. Поэтому, провозгласив раз, что Бог сотворил все, к этому больше не возвращаются; раз и навсегда удовлетворив этим религиозную сторону, в дальнейшем в процессе познания и реализации своих целей об этом больше не думают. Создается впечатление, будто это признание делается лишь для того, чтобы с этим покончить, а отчасти и для того, чтобы предотвратить возможную с этой стороны, как бы извне, угрозу; в общем признание это может быть серьезным и может не быть таковым.

Верующий не устает во всех случаях жизни поднимать взор к небу, хотя бы это и повторялось ежедневно и ежечасно. Однако, будучи благочестивым чувством, набожность вообще целиком выражает себя в единичном акте и в каждый данный момент есть полностью то, что она есть, без какой-либо рефлексии и сравнивающего сознания. Там же, где господствует познание и определение из себя (Aussichbestimmen), там важную роль играют сравнение и сознание упомянутого однообразия, и там раз и навсегда высказывается утверждение общего характера. В этой сфере действует рассудок, и ему противостоит религиозное чувство зависимости.

Однако и благочестие не избежало той же судьбы, и оно впало в раздвоение. Более того, это раздвоение уже само по себе настолько в нем наличествует, что действительное содержание благочестия может быть только многообразным и случайным. Оба эти отношения – благочестия и сравнивающего рассудка при всем их кажущемся различии имеют то общее, что отношение Бога другой стороне сознания берется как неопределенное к всеобщее. Второе из названных отношений прямо высказало это в упомянутом выше утверждении: «Бог создал все».

Но благочестивый подход, рефлексия которого выражена более обстоятельно, рассматривает все свойства вещей и все устройство мира с точки зрения целевых отношений и сводит все происшествия индивидуальной жизни, а равно и великие исторические события к божественной цели, к ее осуществлению или к отклонениям от нее. Здесь, следовательно, речь уже идет не о всеобщем отношении к Богу, оно превращается в определенное отношение и тем самым наполняется более конкретным содержанием; самые разнообразные содержания полагаются в отношениях друг к другу, а Бог провозглашается действенным принципом этих от-

ношений. С данной точки зрения звери и окружающая их среда устроены так или иначе для того, чтобы они могли находить корм, вскармливать детенышей, могли защищаться против того, что может нанести им вред, способны были пережить зиму и защититься от врагов. В человеческой жизни сторонники данной точки зрения обнаруживают, как то или иное как будто случайное происшествие, подчас даже несчастье, ведет человека к счастью, будь то вечное или земное счастье. Короче говоря, в определенных поступках, естественных отношениях, событиях и т. д. всегда усматривается вмешательство Бога, Его воля.

Однако само это содержание, эти цели, конечное содержание случайны, восприняты лишь в рамках определенного времени, и сами исчезают без всякой видимой последовательности. Так, например, если восхищаться мудростью Божьей, которая находит свое выражение в устройстве природы, в том, что звери обладают всем необходимым и для того, чтобы находить корм, и для защиты от врагов, то опыт тут же показывает, сколь мало помогают эти орудия защиты и как создания, только что считавшиеся целью, используются другими в качестве средства.

И в самом деле, развитие знания опровергло [...] этот внешний целевой подход; более высокое познание требует, прежде всего, по меньшей мере последовательности, видит в подобных целях, которые принято считать божественными, лишь подчиненные и конечные цели, нечто такое, что в опыте и наблюдении само раскрывает все свое ничтожество и никак не может быть предметом вечной Божественной воли.

Рассматриваемый здесь подход, даже если отвлечься от его непоследовательности, нельзя не считать неопределенным и поверхностным, потому что в своей индифферентности он может иметь любое содержание, ибо ни в природе, ни в обстоятельствах жизни нет такого предмета, в котором нельзя было бы найти какое-нибудь полезное свойство. И благочестие перестает быть непосредственным чувством, оно исходит уже из всеобщей идеи цели, добра и, рассуждая, подчиняет упомянутой всеобщей идее имеющиеся вещи. Подобное рассуждение ставит благочестие в трудное положение, так как в явлениях природы, в которых оно усматривает такую поразительную целесообразность и такую полезность, легко может быть обнаружена столь же поразительная нецелесообразность

и вредоносность. То, что служит на пользу одному, оборачивается вредом для другого и, следовательно, нецелесообразно: сохранение жизни и связанных с наличным бытием интересов, которые в одном случае как будто поддерживаются, в другом в такой же степени нарушаются и уничтожаются. Таким образом, раздвоение в самом себе заключается здесь в том, что вопреки вечной форме божественной деятельности конечные вещи возвышаются до существенных целей. Эта непоследовательность противоречит представлению о Боге, согласно которому Бог и его деяния всеобщи и необходимы, более того, она разрушает это всеобщее определение.

Если же благочестие рассматривает внешние цели и внешнюю сторону вещей, посредством которой эти вещи полезны для другого, то создается впечатление, будто та естественная определенность (*Bestimmtheit*), которая служила здесь отправным пунктом, заключается лишь в том, чтобы быть для другого. Однако при ближайшем изучении все это оказывается лишь собственным отношением вещей, их собственной природой, имманентной природой соотносимого, его необходимостью. Так для благочестия осуществляется действительный переход к другой стороне, которую мы ранее определили как момент самости.

Поэтому рассуждение благочестия оказывается опровергнутым, поскольку оно обратилось к мышлению и мыслительным отношениям, то мышление стало требовать и искать того, что ему, прежде всего, присуще, т. е. последовательности и необходимости, и противопоставлять их точке зрения случайности. Тем самым полностью развивается и принцип самости; «я» как нечто простое, всеобщее, как мышление есть отношение вообще, а поскольку «я» для себя есть самосознание, то и отношение должно быть для меня. Мыслям, представлениям, которые я делаю своими, я даю определение, которое есть я сам. «Я» есть эта простая точка, и то, что есть для меня, я хочу познать в этом единстве.

Поэтому познание направлено на то, что есть, и на его необходимость и постигает эту необходимость в отношениях причины и действия, основания и следствия, силы и ее проявления, всеобщности, рода, и единичных существований, которые относятся к сфере случайного. Познание и наука полагают таким образом во взаимоотношения самые разнообразные вещи, лишают их случайности, присущей им в их непосредственности, и, рассматривая

отношения, свойственные многообразию конечного явления, охватывают конечный мир в нем самом и превращают его в систему универсума таким образом, что познанию для постижения этой системы не нужно ничего иного, кроме самой этой системы. Ибо то, чем является вещь, что она есть по своей существенной определенности, познается в результате восприятия и наблюдения. От свойств вещей идут к их отношениям, которыми они связаны с другими вещами, причем к отношениям не случайным, а определенным, указывающим на изначальную вещь, производным которой они являются. Так, когда задается вопрос о причинах и основаниях вещей, вопрос этот следует понимать в том смысле, что познание ищет особенные причины. Уже недостаточно указать на то, что причиной молнии, падения республиканского строя в Риме или Французской революции является Бог. Очень скоро обнаруживается, что данная причина носит лишь самый общий характер и не дает требуемого объяснения. Стремясь понять естественное явление или тот или иной закон, его действие или следствие, люди хотят постигнуть основание именно этого явления, т. е. не то основание, которое лежит в основе всего, а основание именно этой определенности. [...] Таким образом, наука создает универсум познания, который не нуждается в Боге, находится вне религии и непосредственно с ней не связан. В этом своем царстве познание утверждает свои отношения и связи, присваивая себе всю определенность материала и все содержание; для другой стороны, для бесконечного и вечного, тем самым не остается ничего.

Таким образом, обе стороны достигли в своей противоположности полного развития. На стороне религии душа, преисполненная божественного, но лишенная свободы, самосознания и последовательности в своем объяснении мира определенных вещей, который выступает здесь скорее в форме случайного. Последовательность связей определенных вещей относится к стороне познания, которое в конечном мире чувствует себя дома и свободно движется среди многочисленных связей в их мысленных определениях, создавая, однако, систему без абсолютной значимости, без бога. На область религии приходится абсолютное содержание и цель, но только в качестве абстрактно позитивного. Познание захватило весь конечный материал, втянув его в сферу своего господства, к нему отошло все определенное содержание, однако,

устанавливая в нем необходимую связь, оно не способно ввести в него связь абсолютную. И наконец, поскольку наука подчинила себе познание, поскольку она есть сознание необходимости в конечном мире, религия лишилась познания и превратилась в одно только чувство, в лишенное содержания стремление духа ввысь, к вечному. Религия ничего не может сказать о нем, ибо всякое познание неминуемо было бы сведением вечного до уровня конечной сферы, конечных связей.

Когда обе эти сложившиеся указанным образом стороны вступают в соприкосновение друг с другом, они проявляют взаимное недоверие. Религиозное чувство не доверяет конечному, которое заложено в познании, и упрекает науку в суетности, исходя из того, что в ней субъект держится самого себя, есть в себе, и «я» в качестве познающего, противостоящего всему внешнему миру есть для себя. Познание в свою очередь также не доверяет той тотальности, в которой пребывает чувство, сводящее к одному все развертывание и развитие. Познание опасается того, что, следуя требованиям чувства безоговорочно признав истину, которую оно, но усматривает со всей определенностью, оно может потерять свою свободу. И когда религиозное чувство выходит из своей всеобщности и ставит перед собой цели, т. е. переходит в область определенного, то познание способно увидеть в этом лишь случайную прихоть, и оно сочло бы, что само стало жертвой случайности, если бы оно попыталось таким же способом постигнуть определенное. Поэтому, когда рефлексия бывает вынуждена в качестве образованности проникнуть в сферу религии, она не находит себе там применения, и все определения этой сферы лишь возмущают ее.

Однако как только противоположность между обеими сторонами достигает той стадии, на которой каждая из них враждебно отталкивает от себя другую, возникает потребность в сближении, где бесконечное являло бы себя в конечном, а конечное в бесконечном, и каждое из них не составляло бы более особенного царства. Это было бы примирением чистого религиозного чувства с познанием и интеллектом. Подобное примирение должно было бы полностью удовлетворить все требования познания и понятия, ибо они не могут поступиться ничем. Однако в такой же степени ничто не может быть утеряно и из абсолютного содержания, и оно не может быть снижено до конечного, и перед лицом бесконечного конечная форма знания должна снять себя.

В христианской религии потребность в таком примирении должна была проявиться сильнее, чем в других религиях, ибо она сама начинается с абсолютного раздвоения, и началом ее служит страдание, в котором она разрывает естественное единство духа и разрушает естественный мир (Frieden). Человек являет себя в ней злым от природы, следовательно, негативным самому себе по своей внутренней природе, и дух, загнанный в самого себя, обнаруживает свое раздвоение с бесконечной, абсолютной сущностью. Примирение, потребность в котором находит здесь свое наивысшее выражение, обнаруживает себя, прежде всего, для веры, но не только для нее как непосредственной.

Так как дух возвращается в себя от своей непосредственной естественности, то в качестве грешного он есть другое по отношению к истине, он отдален, отчужден от нее. Поставленное в это положение разорванности «я» не есть истина, поэтому истина дана как самостоятельное содержание представления, истина представлена, прежде всего, основанной на авторитете.

Однако если я тем самым перемещен в такую интеллектуальную сферу, где предметом познания служат природа Бога, Божественные определения и деяния, а достоверность всего этого покоится на созерцании и уверениях других, то я вынужден обратиться к самому себе, ибо это я мыслю, познаю, во мне есть разум и это я свободен впасть в грех и подвергнуть его рефлексии. В силу вышесказанного познание заключено в самой христианской религии. В христианской религии я сохраняю свою свободу или, вернее, становлюсь в ней свободным. В ней субъект, спасение души, спасение отдельного человека как такового, а не только всего рода есть существенная цель. Эта субъективность, самостность (но не себялюбие) и есть принцип познания.

[...]

Э. Б. ТАЙЛОР

Теория анимизма

Эдвард Бернетт Тайлор (в англ. Edward Burnett Tylor; 1832, Лондон – 1917, Веллингтон) – английский религиовед, этнолог и культуролог. Тайлор – лидер английской школы эволюционизма в

области этнографии и антропологии, согласно которой все народы и культуры можно поместить в один непрерывно и прогрессивно развивающийся эволюционный ряд. Известность Тайлору принесла его анимистическая теория происхождения религии, согласно которой в основе всех религий лежат первобытные представления о душе и духовных сущностях. При обосновании данной теории Тайлор использовал разнообразный этнографический материал, связанный с жизнью первобытных племен и народов. По его убеждению, вера в одушевленность всего сущего есть «минимум всякой религии» и, чтобы составить основательное представление о природе религии, необходимо начинать изучение религии не с развитых форм религиозности, в которых уже присутствует идея Бога или загробной жизни, а именно с наиболее примитивной их формы, лежащей в основе более развитых форм.

Первое, что представляется необходимым при систематическом изучении религии примитивных обществ, – это определение самой религии. Если в этом определении требовать для религии верования в верховное божество или суд после смерти, поклонения идолам, обычаев жертвоприношения или других каких-либо более или менее распространенных учений или обрядов, то, конечно, придется исключить многие племена из категории религиозных. Но столь узкое определение имеет тот недостаток, что оно отождествляет религию скорее с частными проявлениями верований, чем с более глубокой мыслью, которая лежит в их основе. Целесообразнее всего будет просто принять за определение минимума религии верование в духовных существ.

Если приложить эту мерку к описанию примитивных обществ в отношении их религий, получатся следующие результаты. Нельзя положительно утверждать, что каждое из живущих племен признает существование духовных существ, потому что первобытное состояние значительного числа их в этом отношении темно и вследствие быстрых изменений или вымирания племен оно может остаться совсем неизвестным. Еще менее основательно было бы считать, что каждое племя, упоминаемое в истории или известное нам по древним памятникам, безусловно, обладало принятым нами минимумом религии. Но, конечно, всего неразумнее было бы признавать такое зачаточное верование естественным

или инстинктивным у всех человеческих племен во все времена. В самом деле, нет никаких фактов, оправдывающих мнение, будто человек, способный, как известно, к столь высокому умственному развитию, не мог возвыситься из нерелигиозного состояния, предшествовавшего тому религиозному уровню, к которому он пришел в настоящее время. Желательно было бы, впрочем, взять за основание наших исследований наблюдение, а не умозрительное заключение. Здесь, насколько я могу судить на основании громадной массы фактов, мы должны допустить, что верование в духовных существ обнаруживается у всех примитивных обществ, которые удалось узнать ближе. Сведения же об отсутствии такого верования относятся или к древним племенам, или к более или менее неполно описанным современным народам.

Точное значение такого положения вещей может быть вкратце выражено в следующих словах: если бы было ясно доказано, что безрелигиозные дикари существуют или существовали, эти последние могли бы служить по крайней мере представителями того состояния человека, которое предшествовало достижению религиозной фазы культуры. Употребление подобного аргумента, впрочем, нежелательно, так как указания племен, не знающих религии, опираются, как мы видели, на факты, часто ложно понятые или всегда лишенные доказательности. Доводы в пользу естественного и постепенного развития религиозных идей в человеческом роде не теряют своей силы, если мы отвергнем союзника, пока еще не слишком слабого, чтобы служить надежной опорой. Племена, не знающие религии, может быть, не существуют в наши дни, но этот факт в вопросе о постепенном развитии религии значит не более, чем невозможность найти в настоящее время английское селение, в котором не было ножиц, книг или спичек, по отношению к факту, что было бы время, когда в стране не знали подобных вещей.

Я намерен проследить здесь под именем анимизма глубоко присущее человеку учение о духовных существах.

Анимизм характеризует племена, стоящие на весьма низких ступенях развития человечества, он поднимается отсюда без прерывов, но глубоко видоизменяется при переходе к высокой современной культуре. Там, где отдельные личности или целые школы придерживаются противных мнений, последние можно обыкновенно объяснить не низкой степенью цивилизации, а позднейши-

ми изменениями в ходе интеллектуального развития, как уклонение от веры предков или как отрицание ее. Такие позднейшие уклонения, однако, вовсе не мешают изучению основного религиозного состояния человечества. Анимизм составляет в самом деле основу философии как у дикарей, так и у цивилизованных народов. И хотя на первый взгляд он представляет как бы сухое и бедное определение минимума религии, мы найдем его на практике вполне достаточным, потому что где есть корни, там обыкновенно развиваются и ветви.

Обыкновенно находят, что теория анимизма распадается на два главных догмата, составляющих части одного цельного учения. Первый из них касается души отдельных существ, способной продолжать существование после смерти или уничтожения тела. Другой – остальных духов, поднимаясь до высоты могущественных богов. Анимист признает, что духовные существа управляют явлениями материального мира и жизнью человека или влияют на них здесь и за гробом. Так как, далее, анимисты думают, что духи сообщаются с людьми и что поступки последних доставляют им радость или неудовольствие, то рано или поздно вера в их существование должна привести естественно и, можно даже сказать, неизбежно к действительному почитанию их или желанию их умилостивить. Таким образом, анимизм в его полном развитии включает верования в управляющие божества и подчиненных им духов, в душу и в будущую жизнь, верования, которые переходят на практике в действительное поклонение.

Весьма важный элемент религии, именно тот нравственный элемент, который ныне составляет саму жизненную часть ее, встречается весьма слабо выраженным в религии примитивных племен. Это не означает отсутствия у них нравственного чувства или нравственного идеала – и то и другое есть у них, хотя и не в форме определенных учений, а в виде того традиционного сознания, которое мы называем общественным мнением и которое определяет у нас добро и зло. Дело в том, что соединение нравственной и анимистической философии, столь тесное и могущественное в высшей культуре, по-видимому, едва начинается в низшей. Я почти не намерен касаться чисто морального характера религии. Хотелось бы изучить анимизм на земном шаре, насколько он составляет древнюю и новую философию, которая в теории

выражается в форме веры, а на практике в форме почитания. Пытаясь обработать материал для исследования, которое оставалось до сих пор в странном пренебрежении, я ставлю своей задачей представить со всевозможной ясностью анимизм примитивных обществ и проследить в общих чертах его развитие до высших ступеней цивилизации.

Мне хотелось здесь раз и навсегда установить два главных принципа, которыми я руководствуюсь в настоящем исследовании. Во-первых, религиозные учения и обряды рассмотрены здесь как части религиозных систем, созданных человеческим умом, независимо от сверхъестественной помощи, или откровения, другими словами, как дальнейшие ступени развития естественной религии. Во-вторых, мы будем разбирать связь между сходными понятиями и обрядами в религиях дикарей и цивилизованных народов. При рассмотрении с некоторой обстоятельностью учений и обрядов примитивных обществ мне придется по особым причинам останавливаться на сходных с ними учениях и обрядах народов высокой культуры, однако я не ставлю своей задачей разрабатывать подробно связанные с этим вопросы об отношениях между различными учениями и верованиями христианства. Такие вопросы стоят слишком далеко от прямого предмета сочинения о первобытной культуре.

ДЖ. ФРЭЗЕР

Золотая ветвь

Исследование магии и религии

12-томная книга британского историка религии, антрополога, этнолога и культуролога Джеймса Джорджа Фрэзера (Sir James George Frazer; 1 января 1854, Глазго, Шотландия – 7 мая 1941, Кембридж) «Золотая ветвь» («The Golden Bough», 1890 г.) представляет собой систематизацию многообразного фактического материала по архаическим формам религии, таким, как магия, анимизм, тотемизм, мифология, а так же по иным религиозным верованиям и обычаям древних народов. Для исследования Дж. Фрэзера характерен сравнительно-исторический метод, позволивший выявить

истоки и эволюцию религиозного опыта на протяжении длительного периода истории человечества. Дж. Фрэйзер – один из родоначальников сравнительного религиоведения.

По мнению Дж. Фрэйзера, существует три последовательных стадии духовного развития человечества, между которыми можно наблюдать значительные отличия: магия, религия и наука. Причем магия, придерживаясь которой люди верили в свои способности изменять окружающий мир магическим способом, предшествует религии и почти полностью исчезает с ее появлением. Для господства религии характерна идея, что мир подчиняется богам и сверхъестественным силам. На третьей – научной стадии человек отказывается от этой идеи, их мировоззрение определяет убеждение, что мир управляется не Богом, а «законами природы», познав которые, можно управлять им.

В публикуемом фрагменте книги содержатся представление Дж. Фрэйзера о природе религии и различии между магическим и религиозным мировоззрением.

Нет такого предмета, в отношении которого мнения расходились бы так сильно, как в отношении природы религии. Невозможно дать определение религии, которое удовлетворило бы всех. Автор может лишь, во-первых, выразить, что он понимает под религией, во-вторых, во всей работе последовательно употреблять этот термин в указанном смысле. Так вот, под религией я понимаю умилоствление и умиротворение сил, стоящих выше человека, сил, которые, как считается, направляют и контролируют ход природных явлений и человеческой жизни. Религия в таком понимании состоит из теоретического и практического элементов, а именно из веры в существование высших сил и из стремления умилоствить их и угодить им. На первом месте, конечно, стоит вера, потому что, прежде чем угождать божеству, надо верить в его существование. Но если религия не ведет к религиозному образу действий, это уже не религия, а просто теология, так как, по выражению святого Иакова, «одна вера без дел мертва». Другими словами, тот, кто не руководствуется хоть в какой-то мере в своем поведении страхом перед богом или любовью к нему, тот не религиозен. С другой стороны, нельзя назвать религиозным и поведение, не подкрепленное религиозной верой. Два человека могут ве-

сти себя одинаково, и, тем не менее, один из них будет человеком религиозным, а другой – нет. Если человек действует из любви к богу или из страха перед ним, он религиозен. Если же он действует из любви и страха перед человеком, он является человеком моральным или аморальным в зависимости от того, согласуется его поведение с общим благом или находится в противоречии с ним. Поэтому верование и действие или, говоря языком теологии, вера и «дела» равно важны религии, которая не может существовать без того и другого. Но необязательно и не всегда религиозное действие принимает форму ритуала, то есть состоит в произнесении молитв, совершении жертвоприношений и других внешних обрядовых действий. Цель их – угодить божееству. Но если божеество, по мнению его приверженцев, находит удовольствие в милосердии, прощении и чистоте, а не в кровавых жертвах, пении гимнов и курении фимиама, то угодить ему лучше всего можно, не простираясь перед ним ниц, не воспевая хвалы и не наполняя храмы дорогими приношениями, а исполнившись чистотой, милосердием и состраданием к людям. Ведь, поступая таким образом, они подражают, насколько позволяет им их человеческая слабость, совершенству божественной природы. Такова этическая сторона религии, которую неустанно внедряли иудейские пророки, вдохновленные благородными идеалами божественной святости и доброты. И в позднейшие времена христианство черпало силу, с помощью которой оно завоевало мир, из того же высокого представления о моральной природе бога и о возложенной на людей обязанности сообразоваться с ней.

Но если в религии заложена, во-первых, вера в существование сверхъестественных существ, во-вторых, стремление снискать их благосклонность, это предполагает, что ход природных событий в какой-то мере эластичен и изменчив и что можно уговорить или побудить всемогущие сверхъестественные существа для нашей пользы вывести его из русла, в котором он обычно протекает. Предположение об эластичности и изменяемости природы прямо противоречит принципам магии и науки, которые считают, что природные процессы жестки и неизменны в своем течении, поэтому их невозможно вывести из своего русла ни уговорами и мольбами, ни угрозами и запугиванием. Различие между этими двумя соперничающими мировоззрениями зависит от ответа на следующую

щий принципиально важный вопрос: носят ли управляющие миром силы сознательный и личный или бессознательный и безличный характер? Стремясь к умиротворению сверхъестественных сил, религия признает за богами сознательный и личный характер. Всякое умиротворение подразумевает, что умиротворяемое существо является сознательным и личным, что его поведение несет в себе какую-то долю неопределенности и что рассудительным обращением к его интересам, склонностям и эмоциям его можно убедить изменить свое поведение. Умиротворение никогда не применяется к вещам, которые считаются неодушевленными, и к лицам, поведение которых в конкретных обстоятельствах известно с абсолютной точностью. Так что религия, поскольку она предполагает, что миром управляют сознательные агенты, которых можно отвлечь от их намерений путем убеждения, фундаментально противоположна магии и науке. Для последних, само собой разумеется, что ход природных процессов определяют не страсти и причуды личных сверхъестественных существ, а действие неизменных механических законов. Правда, в магии это допущение содержится имплицитно, зато наука его эксплицирует. Магия часто имеет дело с духами, то есть с личными агентами, что роднит ее с религией. Но магия обращается с ними точно так же, как она обращается с неодушевленными силами, то есть, вместо того, чтобы, подобно религии, умиловать и умиротворять их, она их принуждает и заставляет. Магия исходит из предположения, что все личные существа, будь они людьми или богами, в конечном итоге подчинены безличным силам, которые контролируют все, но из которых, тем не менее, может извлечь выгоду тот, кто знает, как ими манипулировать с помощью обрядов и колдовских чар. Например, в Древнем Египте колдуны считали, что они могут принуждать даже высших богов выполнять их приказания, и в случае неповиновения грозили им гибелью. Иногда колдун, не доходя до таких крайностей, заявлял в подобных случаях, что разбросает на все четыре стороны кости Осириса или, если тот будет упрямиться, разгласит посвященный ему священный миф. В Индии до настоящего времени великая троица индуизма – Брахма, Вишну и Шива – «подчиняются» брахманам, которые с помощью своих чар оказывают на самые могучие божества такое воздействие, что те вынуждены на небе и земле смиренно выполнять приказания,

которые их хозяевам-колдунам заблагорассудится отдать. В Индии имеет хождение поговорка: «Весь мир подчинен богам; боги подчинены чарам (мантрам); а чары – брахманам; поэтому брахманы – наши боги».

Радикальной противоположностью магии и религии объясняется та непреклонная враждебность, с которой священнослужители на всем протяжении истории относились к колдунам. Священника не могла не возмущать высокомерная самонадеянность колдуна, его надменность в отношении к высшим силам, бесстыдное притязание на обладание равной с ними властью. Жрецу какого-либо бога с его благоговейным ощущением божественного величия и смиренным преклонением перед ним такие притязания должны были казаться неблагочестивой, богохульной узурпацией прерогатив, принадлежащих одному богу. Иногда обострению этой враждебности способствовали более низменные побуждения. Жрец провозглашал себя единственным подлинным заступником и истинным посредником между богом и человеком, и его интересы, равно как и чувства, часто шли вразрез и с интересами соперника, который проповедовал более верную и гладкую дорогу к счастью, нежели тернистый и скользкий путь снискания божественной милости.

Но вот антагонизм, каким бы привычным он нам ни казался, по-видимому, появляется на сравнительно поздней стадии религии. На более ранних стадиях функции колдуна и священника часто сочетались или, вернее, не разделялись. Человек добивался благосклонности богов и духов с помощью молитв и жертвоприношений и одновременно с этим прибегал к чарам и заклинаниям, которые могли возыметь желаемое действие сами по себе, без помощи бога или дьявола. Короче говоря, человек совершал религиозные и магические обряды, произносил молитвы и заклинания на едином дыхании, при этом не обращал внимания на теоретическую непоследовательность своего поведения, если всеми правдами и неправдами умудрялся достичь желаемого. С примерами такого слияния и смещения магии и религии мы уже сталкивались у меланезийцев и других народностей.

У народов, поднявшихся на более высокую ступень культуры, смещение магии и религии сохранилось в качестве пережитка. Оно наблюдалось в Древней Индии и Древнем Египте и поныне еще встречается в среде европейского крестьянства.

Если предположить, что эпоха магии повсеместно предшествовала эпохе религии, то, естественно, подлежат исследованию причины, которые побудили человечество (или его часть) оставить теорию и практику магии и перейти к религии. Если взять в расчет количество, разнообразие и сложность подлежащих объяснению фактов и скудность наших сведений, то едва ли можно надеяться на совершенно удовлетворительное разрешение столь глубокой проблемы. Самое большее, чего можно достичь при нынешнем состоянии наших знаний, – это выдвижение более или менее правдоподобной гипотезы. Со всей надлежащей скромностью я бы предложил следующую гипотезу: признание присущей магии ложности и бесплодности побудило мыслящую часть человечества заняться поисками более истинной теории природных явлений и более плодотворного метода использования природных ресурсов. Со временем проникательные люди, должно быть, заметили, что в действительности магические обряды и заклинания не приносят результатов, на которые они рассчитаны. Великое открытие недейственности магических процедур и произвело, вероятно, радикальный, хотя и медленный, переворот в умах тех, у кого достало сообразительности его сделать. Открытие это привело к тому, что люди впервые признали свою неспособность по собственному произволу манипулировать силами природы, которые до того времени считались полностью находящимися в их власти. Это было признанием своего невежества и слабости. Люди увидели, что принимали за причины то, что таковыми не являлось, поэтому все старания действовать с помощью этих воображаемых причин оказались тщетными. Мучительный труд затрачивался даром, пытливая изобретательность расточалась бесцельно. Люди дергали нити, к которым ничего не было привязано. Им казалось, что они шли прямо к цели, тогда как в действительности они блуждали по кругу. Природные явления, которые люди с помощью магии старались вызвать, происходили, но совершалось это без вмешательства человека; дождь все так же падал на иссохшую почву, солнце все также совершало свое дневное, а луна ночное круговращение, молчаливая процессия времен года все так же двигалась по земле в любую погоду. На свет по-прежнему рождались люди для трудов и страданий, и по-прежнему после короткого пребывания на земле они навечно уходили к праотцам в заоблачную обитель. Все шло своим обычным ходом, но для того, с

чьих глаз спала пелена, это теперь выглядело иначе. Он не мог более тешить себя приятной иллюзией, что руководит движениями земли и неба, что стоит ему убрать с рулевого колеса свою слабую руку, и светила прекратят свои великие круговращения. Он более не видел в смерти своих врагов или друзей доказательство неодолимой силы своих собственных или вражеских заклинаний. Теперь он знал, что как друзья, так и враги пали жертвами силы более могущественной, чем та, которой обладал он сам: они подчинялись судьбе, перед которой и он бессилён.

Итак, наш примитивный философ, оторвавшийся от прежних якорных цепей, носимый по бурному морю сомнения иной неопределенности, жестоко поколебленный в своей прежней вере в себя и свои силы, должно быть, был совершенно сбит с толку и выведен из равновесия, пока, подобно кораблю, который после бурного путешествия прибывает в тихую гавань, не остановился на новой системе веры и действия, разрешившей его тревожные сомнения и давшей замену (пусть непрочную) верховной власти над природой, от которой он был вынужден отречься. Если весь огромный мир продолжал идти своим ходом без помощи его и ему подобных, то происходило это, конечно, потому, что имелись другие существа, похожие на него, но куда более могущественные, направляющие, будучи сами невидимыми, течение природы и порождавшие разнообразные серии явлений, которые человек до сих пор ставил в зависимость от совершаемых им магических обрядов. Теперь он понял, что эти высшие существа заставляли дуть штормовой ветер, блистать молнию и гроыхать гром. Это они заложили основание земной тверди и положили пределы беспокойному морю. Это они заставили сиять славные небесные светила, дали пищу птицам небесным и добычу диким зверям пустыни, приказали плодородно земле рожать в изобилии, высоким холмам – одеться лесами, кипящим источникам – бить из-под скал в долинах, а зеленым пастбищам – раскинуться на берегах спокойных вод. Это они вдохнули в человека дыхание жизни и насылали на него голод, чуму и войны. Человек обращался теперь к этим могущественным существам, униженно признаваясь в своей зависимости от их незримой силы, умоляя даровать ему всевозможные блага, защитить от опасностей, которыми со всех сторон окружена жизнь смертного, привести его бессмертный дух, освобожденный

от телесного бремени, в счастливый мир, недостижимый для боли и тревог, в мир, где он мог бы навечно успокоиться в блаженстве и радости вместе с душами других благочестивых людей.

Можно предположить, что так, или примерно так, самые прозорливые из людей совершили великий переход от магии к религии. Но даже в них подобная перемена не могла произойти внезапно. Совершалась она, вероятно, очень постепенно и для своего более или менее полного завершения потребовала многих лет. Признание человеком того, что он бессилен оказать существенное влияние на ход природных процессов, пришло, должно быть, постепенно: он не мог сразу, одним махом отказаться от своего воображаемого господства. Шаг за шагом освобождался человек от своей гордыни, пядь за пядью со вздохом сожаления сдавал свои позиции. То он признавал себя неспособным подчинить своей воле ветер, то дождь, то солнце, то гром. Природные стихии одна за другой выпадали из-под влияния до тех пор, пока то, что когда-то казалось царством, не сжалось до размеров тюрьмы. Человек все более проникался чувством собственной беспомощности и сознанием могущества невидимых существ, которые его окружали. Религия начинается со слабого, частичного признания существования сверхличных существ, но с накоплением знаний человек приходит к признанию своей полной и абсолютной зависимости от божественного начала. Его в прошлом непринужденная манера держать себя с богом сменяется глубочайшей протрацией перед таинственными, невидимыми силами, и подчинение их воле становится величайшей добродетелью. Но это углубление религиозного чувства и прогрессирующее подчинение божественной воле во всех вопросах касается только людей высокого ума, чей кругозор достаточно широк, чтобы постичь громадность мира и незначительность места человека в нем. Люди же недалекого ума не в состоянии постичь великих идей: их слабому зрению ничто, кроме них самих, не представляется действительно великим и важным. Они вообще едва ли поднимаются до религиозных воззрений. Их, правда, обучают внешнему соблюдению религиозных предписаний и исповеданию религиозных учений, но в глубине души они цепляются за старые магические суеверия, которые религия может отвергать и осуждать, но искоренить, которые она не властна, поскольку своими корнями они глубоко уходят в ментальную (психическую) структуру огромного большинства рода человеческого.

Э. ДЮРКГЕЙМ

Элементарные формы религиозной жизни

Книга французского социолога и философа Эмиля Дюркгейма (фр. David Emile Durkheim, 15 апреля 1858 г. – 15 ноября 1917 г.) «Элементарные формы религиозной жизни» (1912 г.) относится к одной из первых фундаментальных работ по социологии религии. В ней Э. Дюркгейм предложил рассмотреть религию как прежде всего социальное явление и выявить социальную сущность и функции религии, обратившись к «элементарным формам религиозной жизни».

В противоположность концепциям, в которых сущность религии «выводилась» из некоей общей идеи, будь то идея «Бога» или «Сверхъестественного», французский социолог исходил из эмпирического исследования наиболее примитивных, начальных коллективных представлений, а для примера была взята тотемическая система в Австралии.

В целом для взглядов Э. Дюркгейма характерна оценка религии как неотъемлемой части общества, играющей важную роль в его жизни и с течением истории лишь меняющей свои формы. Религия заложила основы функционирования современного общества, определила его моральные, культурные, правовые нормы.

Тотемическая система в Австралии

Введение

Объект исследования

Социология религии и теория познания

В этой книге мы ставим перед собой цель исследовать наиболее простую и неразвитую первобытную религию из всех религий, известных в настоящее время, проанализировать ее и попытаться ее объяснить. Мы говорим о религиозной системе, что ей в наибольшей степени присущи черты первобытности, из всех религий, доступных нашему наблюдению, если она соответствует двум условиям. Во-первых, необходимо, чтобы общества, в кото-

рых она встречается, не имели себе равных по простоте организации. Во-вторых, необходимо, чтобы ее можно было объяснить, не прибегая к какому бы то ни было элементу, заимствованному из предшествующей религии.

Мы постараемся описать устройство этой системы настолько точно и достоверно, насколько это мог бы сделать этнограф или историк. Но наша цель этим не ограничивается. У социологии иные задачи, нежели у истории или этнографии. Она стремится исследовать отжившие формы цивилизации не только с целью познать и реконструировать их. Как и у всякой позитивной науки, ее предмет, прежде всего, состоит в объяснении реальности современной, близкой к нам и, следовательно, способной повлиять на наши идеи и поступки. Эта реальность – человек, главным образом, человек сегодняшнего дня, так как нет для нас ничего более интересного. Стало быть, весьма архаичную религию, о которой пойдет речь, мы исследуем не просто ради чистого удовольствия от рассказа о ее особенностях и странностях. Если мы выбрали ее в качестве объекта исследования, потому, что в нашем представлении она больше, чем любая другая, способна прояснить религиозную природу человека, иначе говоря, раскрыть нам существенный постоянный аспект человеческой природы.

Но такой подход нередко вызывает резкие возражения. Находят странным, что для того, чтобы познать современное человечество надо отвернуться от него и перенестись к началу истории. Такой подход представляется особенно парадоксальным в занимающем нас вопросе. В самом деле, считается, что ценность и достоинство различных религий не одинаковы. Обычно говорят, что не все они заключают в себе одинаковую долю истины. Отсюда представление о том, что невозможно сравнивать наивысшие формы религиозного мышления с низшими, не низводя при этом первые до уровня вторых. Допустить, что грубые культы австралийских племен могут помочь нам понять, например, христианство, не значит ли тем самым предположить, что последнее коренится в том же сознании. Иначе говоря, что оно содержит те же суеверия и базируется на тех же заблуждениях? Вот каким образом теоретическое значение, приписываемое иногда первобытным религиям, могло истолковываться как признак систематизированной ирре-

лигиозности, которая, предрешая результаты исследования, заранее порочит их.

У нас нет надобности выяснять, существовали ли в действительности ученые, заслужившие этот упрек и сделавшие из истории и этнографии религии орудие войны против нее. Во всяком случае, точка зрения социолога не может быть таковой. В действительности основной постулат социологии состоит в том, что созданный человеком институт не может базироваться на заблуждении и обмане: иначе он не смог бы существовать достаточно долго. Если бы он не основывался на природе вещей, он встретил бы в вещах сопротивление, которое не смог бы преодолеть. Стало быть, мы приступаем к изучению первобытных религий, будучи уверены в том, что они укоренены в реальности и выражают ее. Мы увидим постоянное применение этого принципа в дальнейшем, в ходе анализа и обсуждения, и как раз в его непризнании мы упрекаем школы, с которыми расходимся. Несомненно, если ограничиваться только буквой религиозных формул, эти верования и действия кажутся иногда странными, и возникает соблазн объяснить их чем-то вроде глубинной аберрации. Но под символом надо суметь обнаружить представляемую им реальность, которая и придает ему его истинное значение. Самые варварские или диковинные обряды, самые странные мифы выражают какую-то человеческую потребность, какой-то аспект жизни, либо индивидуальной, либо социальной. Причины, которыми обосновывает их сам верующий, возможно, а чаще всего и действительно, ошибочны. Но истинные причины, тем не менее, существуют, и дело науки – раскрыть их.

Таким образом, в целом, нет религий, которые были бы ложными. Все они по-своему истинны; все они, хотя и по-разному, соответствуют данным условиям человеческого существования. Вероятно, можно расположить их в иерархическом порядке. Одни могут считаться выше других в том смысле, что приводят в действие более высокие мыслительные функции, богаче идеями и чувствами, включают в себя больше понятий и меньше ощущений и образов, отличаются более изощренным характером систематизации. Но как бы сложны и идеалистичны ни были в действительности соответствующие религии, этого недостаточно, чтобы поместить их в особые виды. Все они в равной мере являются религиями, так же как все живые существа равным образом относятся

к живым, начиная от низших пластид и кончая человеком. Стало быть, мы обращаемся к первобытным религиям не с тайным намерением умалить значение религии в целом, так как эти религии достойны не меньшего уважения, чем другие. Они отвечают тем же самым нуждам, играют ту же самую роль, зависят от тех же самых причин. Они могут поэтому так же хорошо послужить выявлению сущности религиозной жизни и, следовательно, решению проблемы, которую мы хотим рассмотреть.

Но почему эти религии надо наделять чем-то вроде прерогативы? Почему именно их надо предпочесть всем другим в качестве объекта нашего исследования? Все это исключительно по причинам, связанным с методом.

Прежде всего, мы можем прийти к пониманию новейших религий, только проследивая тот исторический путь, которым они постепенно сформировались. В действительности история составляет единственный метод объяснительного анализа, который можно к ним применить. Только она позволяет нам разложить институт на его составные элементы, поскольку она показывает нам их рождающимися во времени друг за другом. С другой стороны, помещая каждый из них в совокупность обстоятельств, в которых он возник, она дает нам в руки единственный возможный метод определения породивших его причин. Поэтому всякий раз, когда предпринимается попытка объяснить какое-нибудь человеческое явление, взятое в определенный момент времени – будь то религиозное верование, нравственное правило, правовое предписание, художественная техника, экономический порядок – надо начать с восхождения к его наиболее простой, первобытной форме, постараться понять его особенности, характерные для этого периода его существования, затем показать, как оно постепенно развилось и усложнилось, как оно стало тем, что оно есть в рассматриваемый момент. Отсюда легко представить себе, насколько важно для этого ряда последовательных объяснений определить отправной пункт, от которого они отталкиваются. Согласно картезианскому принципу, в цепи научных истин первое звено играет решающую роль. Речь, конечно, не идет о том, чтобы положить в основу науки о религиях представление, разработанное в картезианском духе, т. е. логическое понятие, чистую возможность, сконструированную исключительно силой ума. Нам необходимо обнаружить

конкретную реальность, раскрыть которую нам поможет только историческое и этнографическое наблюдение. Но, хотя к этой основной концепции следует идти иными путями, тем не менее, она призвана оказать значительное влияние на весь ряд утверждений, выдвигаемых наукой. Биологическая эволюция стала пониматься совершенно иначе, начиная с того момента, когда узнали, что существуют одноклеточные существа. Подобно этому и совокупность религиозных фактов объясняется по-разному, в зависимости от того, помещают ли в начало эволюции натурализм, анимизм или какую-либо другую религиозную форму. Даже наиболее узко специализированные ученые, если они не намерены ограничиваться просто демонстрацией эрудиций, если они хотят попытаться понять анализируемые факты, обязаны выбрать ту или иную из этих гипотез и руководствоваться ею. Хотят они того или нет, вопросы, которыми они задаются, неизбежно принимают следующую форму: как здесь или там натурализм или анимизм были детерминированы таким образом, что приняли такой-то облик, развились или деградировали в той или иной форме? Поскольку, стало быть, неизбежно надо занять какую-то позицию в этой исходной проблеме и поскольку предлагаемое ее решение призвано повлиять на науку в целом, следует вплотную и прямо приступить к ее рассмотрению. Именно это мы и намереваемся сделать.

Кроме того, даже помимо этих косвенных следствий, изучение первобытных религий само по себе представляет непосредственный, первостепенной важности интерес.

В самом деле, если полезно знать, в чем состоит та или иная отдельная религия, то еще важнее исследовать, что есть религия вообще. Проблема эта вызывала любопытство философов во все времена, и не без основания, так как она интересует все человечество. К сожалению, метод, обычно применяемый ими для ее решения, сугубо диалектический: они ограничиваются лишь анализом идеи, формируемой ими по поводу религии, иллюстрируя результаты этого мыслительного анализа примерами, взятыми из религий, наилучшим образом реализующих их идеал. Но если от этого метода и следует отказаться, то проблема целиком остается, и большая заслуга философии состоит в том, что она не была забыта из-за пренебрежительного отношения эрудитов. А подойти к ней можно и другими путями. Поскольку все религии сопоставимы,

поскольку все они составляют виды одного и того же рода, постольку неизбежно существуют основные, общие для них всех элементы, под ними мы подразумеваем не просто внешние и видимые черты, всем им в равной мере присущие и позволяющие. В самом начале исследования дать им предварительное определение. Обнаружить эти явные знаки относительно легко, так как наблюдение, необходимое для этого, не должно идти дальше поверхностной стороны вещей. Но эти внешние сходства предполагают существование других, глубинных. В основе всех систем верований и всех культов с необходимостью должно существовать некоторое число основных представлений и ритуальных установок, которые, несмотря на все возможное разнообразие принимаемых ими форм, везде имеют одно и то же объективное значение и выполняют одинаковые функции. Это постоянные элементы, образующие в религии то, что есть в ней вечного и человеческого; они составляют объективное содержание идеи, которую выражают, когда говорят о *религии* вообще. Как же можно прийти к их постижению?

Это возможно отнюдь не путем наблюдения сложных религий, возникающих в ходе истории. Каждая из них сформировалась из столь разнообразных элементов, что очень трудно отличить в них вторичное от главного, существенное от проходящего. Возьмем религии Египта, Индии или классической древности! Это запутанное переплетение многочисленных культов, меняющихся в зависимости от местности, храмов, поколений, династий, вторжений и т. д. Народные суеверия смешаны в них с самыми рафинированными догмами. Ни религиозное мышление, ни деятельность не распределены здесь равномерно в массе верующих; разными людьми, кругами, в различных обстоятельствах верования, как и обряды, воспринимаются по-разному. В одном случае это жрецы, в другом – монахи, в третьем – миряне; встречаются мистики и рационалисты, теологи и пророки и т. д. В этих условиях трудно уловить то общее, что присуще всем. Можно найти полезное средство изучить через ту или иную из этих систем какой-то отдельный факт, который получил в ней особое развитие, например, жертвоприношение или пророчества, монашество или таинства. Но как обнаружить общее основание религиозной жизни под скрывающимися его пышно разросшимися зарослями? Как за теологическими столкновениями, изменчивостью ритуалов,

множественностью группировок, разнообразием индивидов выявить фундаментальные состояния, характерные для религиозного сознания вообще?

Совершенно иначе обстоит дело в низших обществах.

Незначительное развитие индивидуальностей, меньшие размеры группы, однородность внешних условий – все способствует сведению различий и изменчивости к минимуму. Группа постоянно создает интеллектуальное и моральное единообразие, которое в более развитых обществах мы находим лишь в редких случаях. Все одинаково присуще всем. Движения стереотипизированы: все выполняют одни и те же в одинаковых обстоятельствах, и этот конформизм поведения лишь выражает конформизм мышления. Поскольку все сознания втянуты в один и тот же круговорот, индивидуальный тип почти полностью смешивается с родовым. В то же время все не только единообразно, но и просто. Ничто так не примитивно, как эти мифы, состоящие из одной-единственной, бесконечно повторяемой темы, чем эти обряды, состоящие из небольшого числа беспрерывно возобновляемых жестов. Воображение народа или духовенства еще не располагало ни временем, ни средствами, чтобы рафинировать и преобразовать исходный материал религиозных идей и действий. Последний поэтому оказывается открытым и доступным наблюдению, которому требуется лишь малейшее усилие, чтобы его обнаружить. Преходящее, второстепенное, избыточное еще не стало скрывать главное. Все сведено к необходимому, к тому, без чего религия не может существовать. Но необходимое – это также и существенное, т. е. то, что нам важно прежде всего познать.

Таким образом, первобытные цивилизации составляют для нас факты исключительного значения, потому что факты эти просты. Вот почему среди всех категорий фактов наблюдения этнографов часто были настоящими откровениями, обновившими изучение институтов, созданных человеком. Например, до середины XIX в. все были убеждены, что отец является главным элементом семьи, даже представить себе не могли, что возможно существование семейной организации, где отцовская, власть не составляет ее основу. Открытие Бахофена разрушило эту старую концепцию. До совсем недавнего времени считалось очевидным, что моральные и юридические отношения, образующие родство, составляют лишь

иной аспект физиологических отношений, вытекающих из общности потомства. Бахофен и его последователи, Мак-Леннан, Морган и многие другие находились еще под влиянием этого предрассудка. С тех пор, как мы узнали природу первобытного клана, мы, напротив, знаем, что родство не может определяться единокровием.

Возвращаясь к религиям, отметим, что рассмотрение только наиболее близких к нам религиозных форм в течение длительного времени заставляло считать понятие бога характерным для всего религиозного. Однако религия, которую мы далее исследуем, в значительной мере далека от всякой идеи божества. Силы, к которым обращены в ней обряды, весьма отличны от сил, занимающих первостепенное место в наших современных религиях, и тем не менее они помогут нам лучше понять последние. Нет, стало быть, ничего несправедливее, чем пренебрежение, с которым многие историки относятся к трудам этнографов. Несомненно, что этнография очень часто вызывала в различных отраслях социологии наиболее плодотворные, революционные изменения. Впрочем, именно по такой же причине открытие одноклеточных существ, о котором мы только что говорили, перестроило бытовавшее представление о жизни. Поскольку у этих простейших существ жизнь сведена к ее основным чертам, последние могут легче распознаваться.

Но первобытные религии не только позволяют выявить конститутивные элементы религии. Но ни обладают также тем большим преимуществом, что облегчают их объяснение. Поскольку факты в них проще, связи между фактами в них также проступают более явственно. Причины, которыми люди объясняют себе свои действия, еще не были разработаны и искажены изощренной рефлексией, они ближе, интимнее связаны с теми движущими силами, которые реально определили эти действия. Чтобы лучше понять бред и иметь возможность применить к нему наиболее подходящее лечение, врачу надо узнать, какова была его исходная точка. А это событие тем легче распознать, чем в более ранний период можно бред наблюдать. И наоборот, чем больше времени оставляется для развития болезни, тем дальше он ускользает от наблюдения. Дело в том, что попутно вторгаются всякого рода истолкования, стремящиеся отеснить исходное состояние в сферу бессознательного и заменить его другими состояниями, сквозь которые иногда трудно обнаружить первоначальное. Между систематизированным

бредом и породившими его первыми впечатлениями дистанция часто велика. Так же обстоит дело и с религиозным мышлением. По мере того, как оно прогрессирует в истории, вызвавшие его к жизни причины, по-прежнему сохраняя свое действие, заметны уже только сквозь обширную систему искажающих их истолкований. Народные мифологии и изощренные теологии сделали свое дело: они напластовали на чувства изначальные весьма различные чувства, хотя и связанные с первыми (развитой формой которых они являются), но все же очень мешающие проявлению их истинной природы. Психологическая дистанция между причиной и следствием, между причиной внешней и причиной реально действующей стала более значительной и трудной для познающего ума. Продолжение этой работы будет иллюстрацией и проверкой этого методологического замечания. Мы увидим далее, как в первобытных религиях религиозный факт еще несет на себе видимый отпечаток своего происхождения. Нам было бы гораздо труднее понять его путем рассмотрения лишь более развитых религий.

Таким образом, предпринимаемое нами исследование представляет собой подход к решению старой, *но рассматриваемой в новых условиях*, проблемы происхождения религий. Правда, если под происхождением понимать абсолютное первоначало, то постановка вопроса будет совершенно ненаучна, и ее следует решительно отвергнуть. Не существует четкого мгновения, когда начала существовать религия, и речь не идет об обнаружении хитроумного способа, позволяющего мысленно перенестись в него. Как и всякий созданный человеком институт, религия не начинается нигде. Поэтому все умозрительные построения такого рода справедливо дискредитированы, они могут заключаться лишь в субъективных и произвольных конструкциях, не поддающихся никакой проверке. Мы ставим перед собой совсем иную задачу. Мы хотели бы найти средство выявления постоянно действующих причин, от которых зависят наиболее существенные формы религиозного мышления и религиозной практики. А эти причины, по только что изложенным соображениям, наблюдать тем легче, чем менее сложны общества, в которых они наблюдаются. Вот почему мы стремимся приблизиться к истокам. Это не значит, что мы приписываем низшим религиям особые добродетели. Наоборот, они рудиментарны и грубы, стало быть, речь не может идти о том,

чтобы делать из них нечто вроде образцов, которые последующим религиям оставалось лишь воспроизводить. Но даже сама их грубость делает их поучительными, так как в них таким образом осуществляются удобные эксперименты, в которых легче обнаружить факты и их отношения. Физик, открывая законы изучаемых им явлений, стремится упростить последние, освободить их от второстепенных характеристик. Что касается институтов, то природа стихийно производит такого же рода упрощения в начале истории. Мы хотим лишь воспользоваться ими, и, вероятно, этим методом мы сможем постичь весьма элементарные факты. Когда же мы объясним их в той мере, в какой нам это удастся, всякого рода новшества, возникшие в ходе дальнейшей эволюции, уже не будут объясняться подобным образом. Не думая отрицать важность проблем, связанных с этими новшествами, мы полагаем, что они будут исследованы в свое время, и что приступить к их изучению уместно только после тех проблем, исследование которых мы сейчас предпримем.

II

Наше исследование может заинтересовать не только науку о религиях. В действительности у всякой религии имеется такая сторона, которую она выводит за пределы собственно религиозных идей, тем самым изучение религиозных явлений дает нам возможность нового подхода к проблемам, которые до сих пор обсуждались только среди философов.

Давно известно, что первые системы представлений, созданных человеком о мире и о самом себе, имеют религиозное происхождение. Нет такой религии, которая, будучи умозрением относительно божественного, не была бы в то же время космологией. Философия и науки родились из религии потому, что религия вначале заменяла науки и философию. Менее заметно, однако, было то, что она не ограничилась обогащением человеческого ума известным числом идей, а внесла вклад в формирование самого этого ума. Люди в значительной мере обязаны ей не только содержанием своих познаний, но также и формой, в которую эти познания отлиты.

В основе наших суждений существует некоторое число важнейших понятий, господствующих над всей интеллектуальной жиз-

нию. Это те понятия, которые философы, начиная с Аристотеля, называют категориями разума: понятия времени, пространства, рода, числа, причины, субстанции, личности и т. д. Они соответствуют наиболее универсальным свойствам вещей. Они представляют собой как бы прочные рамки, охватывающие мышление. Последнее не может освободиться от них, не подвергнувшись разрушению, ибо невозможно представить себе, чтобы мы могли мыслить объекты, которые не находились бы во времени или в пространстве, которые бы не были исчислимыми и т. д. Другие понятия носят подвижный и случайный характер, мы допускаем, что человек, общество, эпоха могут быть их лишены. Эти же понятия представляются нам почти неотделимыми от нормального функционирования ума. Они являются как бы каркасом умственной деятельности. Но когда мы методично анализируем первобытные религиозные верования, мы, естественно, встречаем на своем пути главные из этих категорий. Они родились в религии и из религий они – продукт религиозного мышления. Данное утверждение нам предстоит многократно высказывать в ходе нашей работы.

Это замечание существенно само по себе, но вот что придает ему его подлинное значение.

Общий вывод этой книги состоит в том, что религия – явление главным образом социальное. Религиозные представления – это коллективные представления, выражающие коллективные реальности. Обряды – это способы действия, возникающие только в собравшихся вместе группах и призванные возбуждать, поддерживать или восстанавливать определенные ментальные состояния этих групп. Но в таком случае, если категории имеют религиозное происхождение, они должны составлять часть общей сущности, свойственной всем религиозным фактам, они также должны быть социальными явлениями, продуктами коллективного мышления. По крайней мере (ибо в нынешнем состоянии наших познаний в этих предметах следует остерегаться любых радикальных и односторонних утверждений), правомерно предположить, что они изобилуют социальными элементами.

Впрочем, уже в настоящее время это можно увидеть в некоторых из указанных категорий. Попробуйте, например, представить себе, чем было бы понятие времени без тех способов, которыми мы делим, измеряем, выражаем с помощью объективных знаков, времени, которое бы не было чередой лет, месяцев, недель, дней,

часов! Это было бы нечто почти невыносимое. Мы можем воспринимать время только при условии различения в нем разных моментов. Но каково происхождение этой дифференциации? Несомненно, состояния сознания, которые мы уже испытали, могут воспроизводиться в нас, в том самом порядке, в каком они первоначально развились. Таким образом, частицы нашего прошлого вновь обнаруживают для нас свое присутствие, в то же время спонтанно отличаясь от настоящего. Но как бы важно ни было это отличие для нашего частного опыта, его далеко недостаточно для того, чтобы создать понятие или категорию времени. Последняя состоит не просто в частичном или целостном воспоминании о нашей прошедшей жизни. Это абстрактная и безличная рамка, которая охватывает не только наше индивидуальное существование, но существование человечества. Это как бы бесконечная доска, на которой перед умственным взором выставлено все время, и все возможные события могут быть расположены в соответствии с определенными, четкими ориентирами. Это не мое *время* организовано подобным образом, а то время, которое мыслится объективно всеми людьми одной и той же цивилизации. Одного этого уже достаточно, чтобы предположить, что подобная организация должна быть коллективной. И действительно, наблюдение показывает, что эти необходимые ориентиры, в соответствии с которыми любые вещи классифицируются во времени, взяты из социальной жизни. Деления на дни, недели, месяцы, годы и т. д. соответствуют периодичности обрядов, праздников, общественных церемоний. Календарь выражает ритм коллективной деятельности, и в то же время его функция состоит в том, чтобы обеспечивать ее упорядоченный характер.

[...]

Глава первая

Определение религиозного явления и религии

Чтобы иметь возможность исследовать наиболее простую и первобытную из религий, доступных нашему наблюдению, нам нужно прежде всего определить, что следует понимать под религией, иначе мы рискуем либо называть религией систему идей и

действий, не содержащую ничего религиозного, либо пройти рядом с религиозными фактами, не замечая их истинной природы. О том, что такая опасность не является воображаемой, и речь не идет об уступке бесполезному методологическому формализму, говорит пример Фрэзера, ученого, который не принял соответствующих предосторожностей и которому, однако, наука о сравнительном изучении религий многим обязана. Он не сумел распознать глубоко религиозный характер верований и обрядов, которые будут рассмотрены далее и являются, на наш взгляд, первоначальным зародышем религиозной жизни человечества. Здесь, стало быть, имеется преюдициальный вопрос, требующий рассмотрения прежде любого другого. Разумеется, мы не можем сразу же постичь глубинные и подлинно объяснительные черты религии, их можно определить только в конце исследования. Но необходимо и возможно указать известное число внешних, легко воспринимаемых признаков, позволяющих узнавать религиозные явления всюду, где бы они ни встречались, и не позволяющих спутать их с другими. Именно к этой предварительной процедуре мы сейчас и приступим.

Чтобы она дала ожидаемые результаты, следует начать с освобождения нашего ума от всякой предвзятой идеи. Люди вынуждены были создавать себе понятие о том, что есть религия, задолго до того, как наука о религиях смогла методически осуществить свои сравнения. Жизненная необходимость вынуждает нас всех, верующих и неверующих, представлять себе каким-то образом явления, среди которых мы живем, о которых мы постоянно должны выносить суждения и которые нам нужно учитывать в своем поведении. Однако, поскольку эти предпонятия образовались без всякого метода, под влиянием разного рода случайностей и жизненных обстоятельств, они никак не могут пользоваться доверием и должны быть решительно устранены из последующего рассмотрения. Элементы необходимого нам определения должны быть взяты не из наших предрассудков, страстей, привычек, а из самой реальности, которую требуется определить.

Станем же прямо перед лицом этой реальности. Оставив в стороне всякую концепцию религии вообще, рассмотрим религии в их конкретной реальности и постараемся выявить, что они могут иметь общего, так как религия может определяться только посредством тех черт, которые обнаруживаются повсюду, где есть религия. Поэтому мы включим в сравнение все доступные нашему

познанию религиозные системы, теперешние и прошлые, наиболее простые и первобытные так же, как и наиболее новые и утонченные, ибо мы никоим образом не имеем ни права, ни логического средства исключать из рассмотрения одни и оставлять другие. Для того, кто видит в религии лишь естественное проявление человеческой деятельности, все религии без исключения поучительны, так как все они по-своему выражают человека и могут таким образом помочь нам лучше понять эту сторону нашей природы. Впрочем, мы уже отметили, насколько ошибочно считать лучшим способом изучения религии преимущественное рассмотрение ее в той форме, в которой она выступает у наиболее цивилизованных народов.

Но чтобы помочь уму освободиться от этих ходячих концепций, которые из-за своего авторитета могут помешать ему видеть вещи такими, каковы они есть, следует, прежде чем приступить к нашему собственному рассмотрению вопроса, проанализировать некоторые наиболее распространенные определения, в которых выразились отмеченные предрассудки.

I

Одно из понятий, которые считаются обычно характерными для всего религиозного – это понятие сверхъестественного. Оно обычно применяется ко всякой категории явлений, выходящей за пределы нашего разума сверхъестественное – это мир таинственного, непознаваемого, непостижимого. Религия, стало быть, представляет собой нечто вроде умозрительного размышления о всем том, что не поддается научному и, шире, строгому мышлению. «Религии, – говорит Спенсер, – диаметрально противоположные своими догмами, едины в молчаливом признании того, что мир со всем его содержимым и окружением есть тайна, жаждущая объяснения», поэтому он видит их сущность в «вере в вездесущность чего-то, что превосходит разум». Точно так же Макс Мюллер видел во всякой религии «усилие к постижению непостижимого, к выражению невыразимого, устремление к бесконечному».

Несомненно, чувство таинственного играло важную роль в некоторых религиях, особенно в христианстве. Следует также добавить, что его значение удивительным образом менялось в различные эпохи истории христианства. Были периоды, когда это понятие отходило на второй план и исчезало. Например, для людей

XVII в. догма не содержала в себе ничего смущающего разум, вера без труда мирилась с наукой и философией, а мыслители вроде Паскаля, живо чувствовавшие то, что в вещах глубоко непонятно, настолько мало гармонировали со своей эпохой, что оставались непонятыми своими современниками. Было бы поэтому несколько поспешно делать из идеи, подверженной периодическим исчезновениям, основной элемент даже одной христианской религии.

Во всяком случае, несомненно, что она весьма поздно появляется в истории религий, она совершенно чужда не только народам, называемым первобытными, но также и всем тем, которые не достигли известной степени интеллектуальной культуры. Конечно, когда мы видим, как они приписывают ничтожным предметам необычайное могущество, населяют Вселенную странными принципами, сотканными из совершенно бессвязных элементов и наделенных какой-то трудно вообразимой вездесущностью, мы охотно обнаруживаем в этих концепциях атмосферу тайны. Нам кажется, что люди могли смириться со столь смущающими современный разум понятиями только вследствие неспособности найти такие, которые были бы более рациональными. В действительности, однако, эти удивляющие нас объяснения представляются первобытному человеку простейшими в мире. Он не видит в них нечто вроде *ultima ratio*, которому ум подчиняется лишь за неимением лучшего, но наиболее непосредственный способ, которым он представляет себе и понимает то, что наблюдает вокруг себя. Для него нет ничего странного в том, что можно голосом или жестами управлять стихиями, останавливать или замедлять движение звезд, вызывать или прекращать дождь и т. д. Обряды, используемые им для обеспечения плодородия почвы или плодовитости животных, которыми он питается, не более иррациональны в его глазах, чем в наших глазах технические приемы, используемые нашими агрономами для тех же целей. Силы, которые он приводит в действие этими разнообразными средствами, ему представляются не содержащими ничего особенно таинственного. Это силы, которые несомненно отличаются от тех, которые изучает и учит нас использовать современный ученый, они иначе ведут себя и требуют иных способов воздействия. Но для того, кто в них верит, они не менее понятны, чем сила тяжести или электричество для нынешнего физика. К тому же мы увидим далее в этой работе, что понятие естественных сил весьма вероятно произошло из понятия сил

религиозных. Стало быть, между первыми и последними не может быть пропасти, отделяющей рациональное от иррационального. Даже тот факт, что религиозные силы часто мыслятся в форме духовных сущностей, сознательных воль, отнюдь не есть доказательство их иррациональности. Разум не отвергает *a priori* предположение, что так называемые неодушевленные тела, подобно телам человеческим, могут быть наделены умом, хотя современная наука с трудом допускает эту гипотезу. Когда Лейбниц предложил понимать внешний мир как огромное сообщество умов, между которыми существуют, и только и могут существовать, духовные отношения, он считал свою позицию рационалистической и не видел в этом универсальном анимизме ничего, что могло бы задеть разум.

К тому же идея сверхъестественного в том виде, как мы ее понимаем, возникла недавно. Она предполагает в действительности противоположную идею, отрицанием которой она является и которая не содержит в себе ничего первобытного. Для того, чтобы о некоторых фактах можно было сказать, что они сверхъестественные, нужно было уже обладать чувством, что существует *естественный порядок вещей*, т. е., что явления Вселенной связаны между собой необходимыми отношениями, называемыми законами. Когда этот принцип был принят, все, что нарушает эти законы, с необходимостью должно было представляться находящимся как бы вне природы и, следовательно, вне разума, ибо все, что естественно в этом смысле, также и рационально, а эти необходимые отношения лишь выражают то, как явления логически следуют друг за другом. Но это понятие об универсальном детерминизме – недавнего происхождения даже величайшим мыслителям классической древности не удалось осознать в полной мере. Это завоевание позитивных наук, это постулат, на котором они основываются и который они обосновали своими успехами. Но постольку – поскольку их не было или они не были достаточно прочными, постольку самые чудесные события не могли иметь ничего такого, что не было бы вполне постижимым. Так как не было известно, что в существующем порядке вещей устойчиво и незыблемо, постольку в нем видели творение случайных волеизъявлений, должны были находить естественным, чтобы эти волеизъявления или другие могли произвольно изменять сложившийся порядок. Вот почему чудесные вмешательства, которые древние приписывали своим богам, не были в их глазах чудесами в современном смысле

этого слова. Это были для них прекрасные, редкостные или страшные зрелища, предметы удивления или восхищения, но они никоим образом не видели в них нечто вроде просветов в таинственном мире, куда разум не может проникнуть.

О. ПФЛЕЙДЕРЕР

Религия и религии

Книга «Религия и религии» (1906 г.) немецкого протестантского теолога и религиоведа Отто Пфлейдерера (нем. Otto Pfleiderer; 1 сентября, 1839 г., Кернен – 18 июля, 1908 г. Берлин) представляет собой образец теологического исследования, имеющего, вместе с тем, философско-религиоведческое значение. О. Пфлейдерер был критиком натуралистического подхода к изучению религии, согласно которому религия прежде всего рассматривается исходя из собранных эмпирических фактических данных о тех или иных примитивных ее формах. Он не принимал позиции тех «ученых-натуралистов, которые прилежно и старательно роются в ворохе примитивных религиозных верований, не имея при этом, по-видимому, никакого представления о сущности религии как таковой». Считая именно христианство высшей исторической формой развития человеческого духа, он, вместе с тем, был сторонником необходимости рационального объяснения феномена религии и сравнительного исторического изучения религий, признавая право на существование и достоинства любой формы религии. Такие установки позволили О. Пфлейдереру не только разрабатывать теологические вопросы христианской религии, но и успешно формулировать различные проблемы истории и философии религии.

Сущность религии

Прежде чем рассматривать конкретные исторические религии, следует условиться о том, какой смысл мы будем вкладывать в само понятие «религия». Простейшее, исходящее из этимологии слова определение религии дал в древности Отец Церкви Лактанс

ций: «Религия – это связь с Богом посредством благочестия». Это определение совершенно правильно, но чтобы принять его как общезначимое, необходимы некоторые разъяснения.

Известно, что существуют религии, исповедующие веру не в единого Бога, а во множество богов или духов или же в некое неопределенное божественное начало, в судьбу и т. п. Поэтому, чтобы наше определение подходило и к ним, мы будем употреблять понятие «Бог» в самом общем смысле – как сверхъестественную силу, господствующую над миром. Правда, на это можно возразить, что в примитивных религиях боги отнюдь не властвуют над «миром», да и такого понятия, как «мир», у дикаря еще не было. Во всяком случае, наше понимание «мира» как универсума предполагает наличие уже довольно развитого мышления, а на ранних этапах развития человечества вряд ли оправдано говорить о чем-то подобном. Но все же можно уверенно утверждать, что уже дикарь верит в связь «своего мира» (т. е. совокупность явлений, данных ему в опыте) со своим богом как с властвующей над ним силой. В любом случае божество предстает как та сила, которая связывает разнообразные виды бытия с целым, отдельного человека с социальной группой и природной средой и своей властью каким-то образом упорядочивает это целое.

По отношению к этой высшей силе человек изначально испытывает чувства бессилия и зависимости, зная, что от нее исходят его беды и радости. Страдания, естественно, переживаются сильнее, и поэтому есть доля истины в словах «страх создал богов». Но это не вся правда, поскольку человек считает зависящим от божественной силы не только пугающее его зло, но и те жизненные блага, которые он имеет или к которым стремится. Таким образом, человек чувствует, что с этой силой его связывает не только страх, но и благодарность. [...]

Существо, которому я могу с благодарностью верить себя, вызывает не только страх, но и доверие. Поэтому простой страх превращается в благоговение, а чувство зависимости – в осознание своего долга повиноваться божественной воле, в добровольное смирение и преданность. Мы испытываем благоговение и чувство долга и по отношению к людям, которые выше нас, к людям, перед чьей властью мы склоняемся и на чью доброжелательность мы полагаемся. Но по отношению к людям это чувство связанности всегда ус-

ловно, поскольку при всем своем превосходстве они все же остаются людьми – существами ограниченными и несовершенными. С божественной силой, властвующей над всем миром, дело обстоит совсем иначе: она неизмеримо превосходит нас и нам подобных, по отношению к ней мы чувствуем себя абсолютно зависимыми, безусловно подчиненными, связанными с ней всем нашим существом и всеми нашими стремлениями. Шлейермахер был прав, определяя религиозное чувство как «безусловную зависимость». Но это определение может породить недоразумение – представление, что суть религии заключается в несвободной, рабской зависимости, исключаящей всякую свободу. Это совершенно неверно. Мы чувствуем себя обязанными подчиняться божественной силе, и одно это свидетельствует о том, что подчинение является свободным актом нашей воли, требуемым от нас самостоятельным решением, а не пассивным следованием предначертанному. Слепая необходимость господствует лишь в природе, ее законы действуют сами по себе; в человеке же закон целого становится обращенным к его воле требованием, выполнение которого может и должно быть осуществлено не под принуждением, а исключительно добровольно. [...]

Обусловленная волей связанность с Богом и есть благочестие, вера, которую апостол Павел называл «послушанием сердца». Вверяя себя в свободном послушании Богу, человек вовсе не боится потерять свою свободу и достоинство. Как раз напротив, он верит в то, что в союзе с Богом он только и сможет обрести подлинную свободу от внешней необходимости сопротивляющегося его воле мира, от гнета природы вне нас и еще худшего принуждения природы внутри нас. Благоговение и ужас природного человека, дикаря, порабащают его, лишают его счастья и свободы. В этом библейская мудрость совпадает с утверждениями авторитетов всех времен – вспомним стоиков и Спинозу. Освобождение от этого презренного рабства, от унижающей человека зависимости от природы состоит в возвышении над природой, приближающем его к Богу, в доверительном и покорном подчинении собственной воли воле Божественной. «Повиновение Богу есть свобода», – говорил уже Сенека.

Однако смысл этого освобождения, содержание того счастья, которое верующий ищет в Боге и которое он надеется обрести с Его помощью, может пониматься по-разному и зависит от степени духовного и нравственного развития человека. Обращенная к богам

просьба примитивных народов о помощи в борьбе с врагами или о дожде и плодородии полей далеко отстоит от молитвы благочестивого псалмопевца: «Даруй мне, Господи, чистое сердце и награди меня новым просветленным духом!». Этапы этого длительного развития мы сможем проследить, занимаясь историей религий.

Но, несмотря на различие целей, которых люди добиваются с помощью религии, неизменным остается одно – их стремление в союзе с Богом обрести свободу от мирских пут и от беспокойства своего собственного сердца. Вам знакомы прекрасные слова из «Исповеди» Августина: «Ты создал нас для себя, и потому сердце наше неспокойно, пока не обретет покоя в Тебе!». Это можно было бы считать темой всей истории религий, движущей силой и законом ее развития от примитивных форм естественной религии до высочайших вершин религии духа. При этом следует помнить следующее. Чтобы понять внутренний смысл и принцип развития какого-либо явления в природе или в духовной жизни, нельзя считать масштабом и основой для объяснения всего целого его низшие формы. Наоборот, именно в высшем, в результате развития нужно искать ключ к пониманию целого, в том числе к объяснению низших стадий. Что такое дуб можно понять не из желудя, а из выросшего дерева. О том, что такое человек, можно судить не по новорожденному младенцу, а по зрелому мужу. И в том случае, если речь идет о религии, тоже нельзя принимать за основу ее низшие ступени. О ее сущности следует судить исходя из высших, развитых форм, поскольку именно в них проявляется ее глубинный смысл, изначально скрытый, как бессознательный инстинкт в детской игре. К сожалению, в наши дни об этом часто забывают, и это приводит к появлению на свет удивительных теорий некоторых ученых-натуралистов, которые прилежно и старательно роются в ворохе примитивных религиозных верований, не имея при этом, по-видимому, никакого представления о сущности религии как таковой. Исключения составляет лишь Фейербах, известнейший и в своем роде талантливейший представитель этого одностороннего направления, который в немалой степени способствовал тому, что многие друзья религии стали с подозрением и без особой симпатии относиться к историко-религиозным исследованиям. Из того очевидного факта, что на низших этапах развития религии превалируют чувственные и эгоистические желания, достижение которых связывается с молитвами и жертвоприношениями, Фей-

ербах сделал вывод, что религия вообще есть не что иное, как порождение эгоистического сердца и мечтательной фантазии, а боги – выдуманные человеком «желаемые существа», необходимые ему для иллюзорного преодоления собственного бессилия.

Но как тогда решить загадку религии, чем объяснить, что чистое заблуждение все же смогло сохраниться у всех народов на протяжении тысячелетий? И как могло случиться, что именно этот ложный образ, рожденный больным эгоистическим сердцем, явился самым действенным средством для преодоления природного эгоизма, для установления и сохранения разумных нравов, порядка и культуры, т. е., как неоспоримо свидетельствует история религий, оказался основополагающим для нравственного воспитания человечества? Если исходить из справедливости утверждения «по плоти их узнаете их», то на основании тех разумных последствий, которые порождены религией, мы можем с полным правом утверждать, что ее глубочайшая сущность (в отличие от всегда несовершенных форм проявления) не заблуждение, а высшая истина. Истоки ее следует искать не в неразумии эгоистического сердца, а в разуме – божественном даре, в котором заключены и призвание человеческого рода к возвышению над природой, и сама возможность этого возвышения.

В том, что идея Бога с необходимостью присуща нашему разуму, едины все серьезные мыслители, начиная с Платона и Аристотеля. [...]

Ключевое слово к отгадке всех тайн мироздания, даже той сложнейшей из них, которая скрыта в противоречии должного и сущего, – это Бог. В идее Бога стремящийся к единству разум может успокоиться, достигнув своей конечной цели, которая изначально была предзадана ему как движущая сила и регулятор всей познавательной и целеполагающей деятельности. Эта цель действительно является альфой и омегой, предпосылкой и результатом всех мыслей разума. Но именно потому, что идея Бога является результатом истинности всего мышления, основанием, связывающим наши представления о мире в целостную картину, ее собственная истинность не может быть доказана посредством частных умозаключений. Ее нельзя выделить как единичное звено в цепи наших мировоззренческих представлений, поэтому мы противоречили бы сами себе, если бы стали требовать или ожидать этого. Вот почему Бог всегда остается предметом веры, а не

знания, которое можно обосновать разумно. Но эта вера – не произвольное допущение, основывающееся лишь на чужом авторитете или даже на отрицании разума. Напротив, вера в Бога – это раскрытие глубочайшей сущности разума как такового, его божественной необходимости, превосходящей любой произвол. Иначе говоря, это – откровение Бога в человеческом духе. Это «откровение», естественно, ни в коем случае не означает уничтожения самостоятельности человека, оно не дано ему в качестве чего-то готового, как подарок. Напротив, оно задано человеку как неодолимое стремление к преодолению всех противоречий конечного мира в высшем единстве, которое есть основа всего сущего и цель всего должного («Ибо все из Него, Им и к Нему». Рим. 11, 36). Необходимый характер этой задачи уже сам по себе говорит о том, что она каким-то образом и в какой-то степени разрешима. Если существует божественное стремление духа, принуждающее нас искать Бога, то есть и божественная сила духа, позволяющая нам найти Его, по крайней мере, обрести его в той степени, в какой возможно постичь вечный дух нам, детям времени. Такое знание всегда приблизительно, скрыто за чувственным образом, оно есть лишь зеркальное отражение конечного мира, лишь неясная догадка об исполненной предчувствий тайне. Но как бы ни были недостаточны наши слова и неполны наши понятия о Боге, эта неполнота и недостаточность не могут подорвать истинность веры в Бога как таковой, поскольку она покоится на «явлении духа и силы» (1 Кор. 2, 4). Вера в Бога дает нашему разуму гарантию истинности самой себя и одновременно всего остального мышления и познания. Она дает нашей совести твердую опору в чувстве долга, нашей воле – мужество надежды, а нашим действиям – силу осуществления.

[...]

М. ВЕБЕР

Социология религии (типы религиозных сообществ)

Произведение «Социология религии (типы религиозных сообществ) немецкого философа, одного из основоположников социологии религии Макса Вебера (1864–1920 г.) было издано в собрании его

сочинений по социологии религии в 1920–1921 гг. Данная работа является продолжением исследований в избранной области, начатых знаковой для современников книгой «Протестантская этика и дух капитализма» (1904 г.). В «Протестантской этике...» М. Вебер ограничивает свое исследование вопросом влияния религиозной (протестантской) этики на общественно-экономические институты в Европе. В приводимой же ниже работе он, не ставя целью изучение метафизической сущности религии, стремится охарактеризовать ее в качестве специфического целерационального социального действия, причем на ранних стадиях не имеющего четкого религиозно-го характера, не обращенного именно в потусторонний мир.

1. Возникновение религии

[...]

Религиозные и магически мотивированные действия на ранней ступени своего развития ориентированы на потусторонний мир. Религиозные и «магические» действия или мышление не выходят из сферы повседневной целенаправленной деятельности, тем более что и цели их преимущественно экономические.

Харизма может быть природным даром, присущим объекту или лицу, обрести который невозможно никакими усилиями. Она может быть и искусственно сообщена объекту или лицу какими-либо необычными средствами. Они уже существуют, но остаются скрытыми, пока их не «пробуждают», например, «аскезой».

Вначале дух не является ни душой, ни демоном, ни тем более Богом, а чем-то неопределенным, материальным, хотя и невидимым, безличным, но обладающим своего рода волей. Он придает конкретному существу некую специфическую силу воздействия, может войти в объект или человека, а также выйти из него, как из ставшего негодным орудия, выйти из колдуна, харизма которого перестает действовать, в ничто или перейти в другого человека или в другой объект. Магическими свойствами харизмы обладают лишь особо квалифицированные для этого люди и что тем самым вера в духов становится основой древнейшего «призвания», призвания профессионального колдуна.

Выражением или опосредствованием харизмы является экстаз. Под влиянием профессиональной практики колдуна с развитием мышления появляется представление о «душе» в качестве

некоей сущности, отличной от предмета, так же присутствующей позади, вблизи или внутри природных объектов, как в человеческом теле присутствует нечто, покидающее его во сне, в беспомысленности, в экстазе и в смерти. Уже на первой, более простой стадии абстракции бытует представление о «сверхчувственных» силах, способных вмешиваться в судьбы людей, подобно тому как люди вмешиваются в события внешнего мира.

«Бог» может мыслиться как сила, ведающая ходом определенных конкретных событий, о которой впоследствии никто больше не вспоминает или вспоминает, когда данное событие повторяется. Как персонификация, так и деперсонификация может в каждом отдельном случае быть актом более позднего развития.

Специфическим для всего развития является не личностность, безличность или сверхличность этих «сверхъестественных» сил, а то, что теперь в жизни играют роль не только вещи и события, которые существуют и происходят, но помимо них и такие, которые нечто «означают», именно потому, что означают. Тем самым колдовство превращается из прямого воздействия силы в символику.

Если связь с умершим возможна только посредством символических действий и Бог выражает себя только в символах, то можно удовлетвориться не реальными, а символическими дарами. Все большее число вещей и событий стало привлекать не только своими действительными или мнимыми свойствами, но также своей «значимостью», люди пытаются теперь получить реальные результаты посредством значимых действий. В сферу магического символизма втягиваются все виды человеческой деятельности. Поэтому даже внутри рационализированных религий величайшие противоречия чисто догматического характера переносятся легче, чем нововведения в символике, которые могут помешать магическому действию или даже вызвать гнев Бога или души предка.

Первое и основополагающее воздействие «религиозных» представлений на жизненное поведение и хозяйство осуществлялось посредством общей стереотипизации. Любое изменение обычая, который, так или иначе, находится под защитой сверхъестественных сил, может задеть интересы духов и богов. Тем самым к присущему человеку от природы страху перед всяким новшеством религия присоединяет дополнительные могущественные факторы: святое – всегда специфически неизменное.

Мышление, лежащее в основе развитого символизма, названо «мифологическим», и была предпринята попытка определить его своеобразие в каждом отдельном случае. Для нас важна лишь общая черта этого мышления, а именно, значение для него аналогии в ее наиболее действенной форме, в форме уподобления. Важно оно для нас потому, что оказало длительное воздействие не только на формы религиозного выражения, но и на юридическое мышление вплоть до вынесения приговоров на основании прецедентов в чисто эмпирических правовых учениях и лишь постепенно вытеснялось силлогистическим формированием понятий посредством рационального подведения под определенный закон. Источник мифологического мышления – символически рационализированная магия, полностью основанная на применении этого метода.

После того как неизменность божественных образов твердо установлена, профессионально занятые этой деятельностью люди могут перейти к систематизации сфер таких представлений. «Боги» часто являют собой и отнюдь не только при незначительной социальной дифференциации – бессистемное смешение творений, случайно возникших в культе. Как только религиозная практика и рационализация жизни вообще с их растущими типическими требованиями к свершениям богов достигают определенной ступени, происходит «образование пантеона богов», наделение их определенными атрибутами и разграничение их компетенций. Однако рост антропоморфизма и персонификации богов отнюдь не тождественен и не параллелен разграничению и прочному установлению их компетенций, скорее наоборот.

С представлением о богах в первую очередь связано следующее: частично идущие параллельно, частично расходящиеся процессы антропоморфизации. С одной стороны, ограничения компетенции богов, с другой, примыкают к уже существующим типам, однако содержат тенденцию к все большей рационализации как характера культа, так и самих понятий богов.

Растущее объективное значение типичных компонентов и видов деятельности и субъективная рефлексия в этой области ведут к овеществленной специализации богов. Так же, как не существует индивидуальной деятельности без своего особого бога, нет и совместной деятельности, которая не имела бы такого бога и не нуждалась бы в нем для того, чтобы ее существование было длительно гарантировано.

Там, где существует религиозная связь домашней общины и рода, могут возникнуть лишь два типа более широких, в частности политических, сообществ: 1) конфедерация родов (действительных или фиктивных) на сакральной основе; 2) патримониальное господство по типу несколько ослабленного господства в домовых общинах, управление крупным хозяйством (королевским), возвышающимся над хозяйствами «подданных».

Как правило, каждое прочное политическое объединение имеет своего особого бога, который гарантирует успех политической деятельности данного союза. Чужой остается не только вне политического, но и вне религиозного союза.

Каждая победа является победой своего, более сильного, бога над чужим, более слабым. Как правило, качества локального бога и «монархия», которой он подчас требует от поклоняющихся ему, отнюдь не ведут к монотеизму, а, напротив, усиливают религиозный партикуляризм, в частности на почве полиса.

Возникновение подлинных местных богов связано не только с постоянным поселением, но и с другими предпосылками, которые придают местному союзу политическое значение. Своего полного развития это явление достигает на почве города, который существует в качестве политического объединения с корпоративными правами независимо от двора и личности правителя.

Так же, как в зависимости от природных и социальных причин меняются сами образы богов, меняются и их возможности занять первое место в пантеоне или монополизировать божественность в своем лице. Строго «монотеистичны» по существу только иудаизм и ислам. В процессе различного продвижения к монотеизму мир духов и демонов нигде не был полностью уничтожен, он был только, во всяком случае, теоретически подчинен власти единого Бога (не составляла исключения и Реформация). [...]

Р. ОТТО

Священное

Книга «Священное» (1917 г.) немецкого теолога и религиоведа Рудольфа Отто (нем. Karl Lui Rudolf Otto, 25 сентября 1879, Пайне – 6 марта 1937, Марбург) относится к классическим работам

по религиоведению XX века, наряду с такими произведениями, как «Элементарные формы религиозной жизни» Э. Дюркгейма (1912 г.) и «Протестантская этика» М. Вебера (1905 г.). Произведение Р. Отто, переведенное на более чем 20 языков мира, оказало большое влияние на становление науки религиоведения на протяжении всего прошлого столетия и положило начало феноменологии религии.

Основная идея книги – представить религию как уникальный, специфический опыт, опыт личных мистических переживаний человека, лежащий в основе любых верований, и представленный феноменом «Священного». Для немецкого теолога любая религия отнюдь не сводится к своему внешнему социальному выражению в ритуалах, обрядах, формулах и т.п. В противоположность Э. Дюркгейму, он рассматривает социальные функции религии, а так же данные в ней моральные нормы, культурные формы и артефакты как нечто безусловно вторичное, производное, формирующееся уже вокруг опыта «Священного», но никак не до него.

Однако Р. Отто не сводит религию к непостижимой мистике, напротив, он доказывает сращенность иррационального и рационального в духовно-религиозном опыте. Он старается избежать отвлеченных теоретических конструкций и схем, ведь, по его мнению, религиозному опыту «нельзя в строгом смысле научить, его можно только вызвать, пробудить – как и все, что приходит “от духа”». Поэтому рациональный анализ религиозного опыта в качестве особого рода переживаний он проводит как высвечивание, реконструкцию изнутри него рождающихся «свидетельских» показаний. Книга так же интересна тем, что в ней проводится систематическое сопоставление мистического опыта Запада (Мейстер Экхарт, Генрих Сузо, Эрнст Ланге, Герхард Терстеген) и Востока (мусульманского, индуистского, буддистского).

В представленном фрагменте книги Р. Отто религиозное чувство «Священного» описывается в специфических категориях религиозного опыта, таких, как «чувство тварности», «смирение», «энергийное», «совершенно иное». С помощью данных категорий можно выявить религиозный опыт как нечто избыточное по отношению к известным в психологии, этике и социологии понятиям «страха», «зависимости», «одушевленности», «воздаяния» и др.

Глава 2. Нуминозное

[...] Осознание и признание чего-либо «священным» является в первую очередь своеобразной оценкой, которая осуществляется *так* только в религиозной области. Правда, она тут же переходит и в другие области, например в область этики, но сама она из иного не проистекает. Как таковое, священное, оно содержит в себе совершенно своеобразный момент, который ускользает от рационального в указанном выше смысле, а потому оно совершенно недоступно для *понятийного* постижения.

1. Это утверждение было бы изначально ложным, если бы священное было тем, за что его принимают при некотором словоупотреблении, скажем, в философии, а иногда и в теологии. Дело в том, что мы имеем обыкновение говорить о «священном» исключительно в переносном, но никак не в изначальном смысле. А именно, мы понимаем его обычно как абсолютный, *нравственный* предикат, как нечто совершенно *доброе*. Так, Кант называет священной такую волю, которая без колебаний подчиняется моральному закону из побуждения долга. Но тогда это будет просто совершенная моральная воля. Точно так же говорят о святости долга или закона, когда подразумевают не что иное, как их практическую необходимость, их общезначимую обязательность. Но такое употребление слова «священное» нельзя считать строгим. Хотя священное включает все это, тем не менее оно содержит в себе, даже на уровне нашего чувства, некий отчетливый избыток, который собственно и позволяет его *отличать*. Более того, слово «священное» и равноценные ему слова в семитских, латинском, греческом и других древних языках означали, прежде всего и преимущественно *лишь* этот избыток. Момент же морального они либо вообще не касались, либо затрагивали его не изначально и уж никак не сводились к нему исключительно. Поскольку наше нынешнее чувство языка, несомненно, всегда подводит священное под нравственное, то при поисках той особенной специальной составной части (по крайней мере для временного использования в самом нашем исследовании) было бы полезно отыскать какое-то особое наименование, которое обозначало бы священное *минус* его нравственный момент и, стоит сразу добавить, минус его рациональный момент вообще.

[Священное] живет во *всех* религиях как подлинное их внутреннее ядро, без которого они вообще не были бы религиями. Но с особой силой оно живет в религиях семитских, а среди них неповторимо выделяется библейская религия. Здесь оно получило и свое собственное имя – qadosch, соответствующее hagios и sanctus, а еще точнее – sacer. Несомненно, что во всех трех языках это наименование означает «благо» или добро как таковое, т. е. на высочайшей ступени развития и зрелости идеи, а потому мы переводим его как «священное». Но в таком случае это «священное» является лишь последующей этической схематизацией и подменой своеобразного первоначального момента, который сам по себе может быть равнодушен к этическому, но который можно принять во внимание ради него самого. И у истоков развития этого момента все указанные выражения, бесспорно, обозначают нечто совсем иное, нежели благо. Это признается практически всеми сегодняшними интерпретаторами. Толкование qadosch как «добра» правомерно считается рационалистическим искажением.

2. Так что для этого момента во всем его своеобразии нужно найти имя, которое, во-первых, сохраняло бы его специфику, а во-вторых, позволяло бы уловить и обозначить его возможные разновидности и ступени развития. Для этого я образую слово *нуминозное*. Таким образом, речь пойдет о нуминозном как своеобразной категории толкования и оценки и равным образом о нуминозной настроенности души, которая всякий раз наступает там, где есть первое, т. е. там, где объект может считаться нуминозным. Поскольку эта категория целиком относится к *sui generis*, то она как все изначальное и основополагающее, не является строго определяемой, но лишь возможной для обсуждения. Пониманию нуминозного можно помочь, указав на тот пункт, куда следует направить свой дух слышащему это слово, дабы он сам мог осознать, откуда оно проистекает. Такой способ можно подкрепить, указав на сходное с ним или характерное для него противоположное, что имеет место в других, уже известных и заслуживающих доверия сферах духа, а затем прибавить: «Наше X не является этим, но сходно с ним, а тому оно – противоположно. Не придет ли оно теперь *само* тебе на ум?» Иными словами, нашему X нельзя в строгом смысле научить, его можно только вызвать, пробудить – как и все, что приходит «от духа».

Глава 2. «Чувство тварности» как отражение нуминозного чувства-объекта в чувстве самого себя

1. Мы призываем вспомнить момент сильной и наивозможно односторонней религиозной возбужденности. Того, кто не может этого сделать или кто вообще не испытывал такого момента, мы просим далее не читать. Ибо с тем, кто может вспоминать о своих периодах полового созревания, о своих запорах или своих социальных чувствах, а вот о собственно религиозных чувствах – нет, с тем тяжело обсуждать учение о религии. Его можно простить, если он пытается для самого себя с помощью известных ему принципов объяснения продвинуться вперед настолько, насколько это возможно, и, скажем, толкует «эстетику» как чувственное удовольствие, а «религию» – как функцию влечения к общению и социальным ценностям, или даже еще примитивнее. Но эстетик, который способен сам испытать эстетическое переживание в его особенности, поблагодарит и отставит в сторону эти теории. Еще скорее это сделает человек религиозный.

Мы призываем далее при испытании и анализе таких моментов и душевных состояний торжественного благоговения и умиления как можно точнее обратить внимание на то, что отличает их от состояний, скажем, нравственной *приподнятости* при лицезрении доброго дела, т. е. на то, чем они превосходят их и отличаются от них в содержании чувств. Как христиане, мы, прежде всего, сталкиваемся здесь с чувствами, которые знакомы нам в ослабленном виде и по другим областям, – с чувствами благодарности, доверия, любви, уверенности, смиренного подчинения и преданности. Но это никоим образом не исчерпывает момента набожности, и все это еще не передает совершенно своеобразных черт «праздничности», «торжественности» редкого и только здесь встречающегося умиления.

2. Один весьма примечательный элемент такого переживания был удачно уловлен Шлейермахером. Он называет его чувством «зависимости». Однако это значительное его открытие нуждается в поправках двояким образом.

Во-первых, то чувство, которое он, по сути, *имеет в виду*, как раз не является по своему качеству чувством зависимости в «естественном» смысле этого слова. В других областях жизни и пе-

реживания чувство зависимости может встречаться как чувство собственной недостаточности, бессилия, скованности, связанности условиями окружающего мира. То чувство, о котором идет речь, пожалуй, соответствует таким чувствам, а потому может по аналогии обозначаться с их помощью. Благодаря им оно может «рассматриваться» и подвергаться воздействию, чтобы затем становиться доступным чувству уже благодаря самому себе. Но сама суть дела, вопреки всем сходствам и аналогиям, все же *качественно* иная, чем у этих аналогичных чувств. И сам Шлейермахер настоятельно отличает чувство *благоговеющей* зависимости от всех прочих чувств зависимости. Но именно как «единственное» от просто относящегося к этому, т. е. он отличает его только как завершенное от всего в какой-то степени к нему причастного, но отличает не по особенному его качеству. Он не замечает того, что мы, собственно, имеем в виду лишь *аналогию* с сутью дела, если называем ее чувством зависимости.

Обнаружит ли теперь читатель с помощью такого сравнения и противопоставления у себя самого то, что я имел в виду, но не мог выразить иначе? Не мог как раз потому, что речь идет об изначальной и основополагающей данности, т. е. об определяемой лишь через саму себя данности в душевном мире. Быть может, я смогу помочь ему, привлекая хорошо известный пример, где именно этот момент, о котором мы здесь говорим, представлен самым ярким образом. Когда Авраам осмелился говорить с Господом об участии содомитов (Быт. 18, 27), он сказал: «*Вот, я решился говорить Владыке, я, прах и пепел*». Здесь мы имеем само себя признающее «чувство зависимости», но оно есть нечто большее и одновременно качественно иное, чем всякое естественное чувство зависимости. Я ищу для него имя и называю его *чувством тварности* – чувством твари, которая тонет в собственном ничто и склоняется перед тем, что выше всякого творения.

Легко видеть, что и это выражение «чувство тварности» дает отнюдь не больше, чем *понятийное* объяснение сути дела. Ибо речь здесь идет не просто о том, что может выразить только это новое имя, т. е. не просто о моменте собственной ничтожности, в которой утопают перед лицом абсолютного всемогущества вообще, но о том, что это происходит перед лицом *такого* всемогущества. Причем это «такое», это «Как» подразумеваемого объекта

само как раз и неуловимо для рациональных понятий, оно «несказанно». На него можно указать лишь окольным путем – через самоосмысление и указание на своеобразие тона и содержания реакции чувства, которое разряжает то, что оно испытывает в душе, и которое необходимо пережить в себе самому.

3. Второй ошибкой определения Шлейермахера является то, что с помощью чувства зависимости, или, как мы теперь сказали бы, чувства тварности, он хотел определить подлинное содержание религиозного чувства как такового. Тогда религиозное чувство прямо и непосредственно было бы чувством самости, т.е. чувством своеобразной определенности меня *самого*, а именно моей зависимости. По Шлейермахеру к божественному мы приходим только посредством вывода, т.е. примысливая к чувству некоторую причину вне меня. Но это целиком расходится с фактическим душевным опытом. «Чувство тварности» само есть, скорее, лишь субъективный сопровождающий момент и воздействие, есть как бы тень другого момента чувства (а именно «трепета»), который сам *прежде всего и непосредственно*, без сомнения, указывает на *объект вне меня*. Как раз это и будет *нуминозным* объектом. Только там, где *питеп* переживают как *graesens*, как в случае с Авраамом, либо там, где нас переполняет Нечто, нуминозное по своему характеру, т.е. лишь вследствие применения категории нуминозного к действительному или мнимому объекту, в душе может возникнуть чувство тварности как *отражение* этого объекта.

Это настолько ясный опытный факт, что он должен в первую очередь бросаться в глаза психологам, когда они расчлняют на элементы религиозное переживание. Так, Уильям Джеймс в своей книге «Многообразие религиозного опыта» почти наивно пишет о возникновении греческих представлений о богах: «Теперь мы не можем больше останавливаться на происхождении верования эллинов в их богов; но вся совокупность наших данных приводит приблизительно к следующему выводу: есть, по-видимому, в сознании человека чувство реальности, ощущение объективного бытия, восприятие объективного бытия, представление о том, что существует нечто. Это чувство, более глубокое и более общее, чем всякое другое «чувство», согласно выводам современной психологии должно было бы считаться непосредственным источником наших откровений. И если это так, то все наши чувства должны прежде всего пробуждать в нас чувство реальности».

Поскольку Джеймс придерживается эмпиристской и прагматистской точки зрения и тем самым закрывает себе путь к признанию способностей познания, присущих самому духу, и основоположений идей в нем, то для объяснения этого факта он вынужден прибегать к довольно странным и таинственным предположениям. Но сам факт он улавливает ясно и остается в достаточной степени реалистом, чтобы не отбрасывать его с помощью перетолкований. «Чувство зависимости», или, лучше, «тварное чувство», есть лишь первое следующее воздействие такого «чувства реальности» как первой и непосредственной данности, т. е. чувства *объективно* данного нуминозного, и это воздействие – девальвация переживающего *субъекта* относительно себя самого. Или иными словами, предпосылкой моего чувства «совершенной зависимости» является чувство его «совершенного превосходства (и неприступности)».

Глава четвертая. *Mysterium Tremendum*

Но что такое и каково оно – это объективное, осязаемое вне меня – нуминозное?

Будучи само иррациональным, т. е. необъяснимым в понятиях, оно уловимо лишь посредством особых реакций чувства, которые оно вызывает в живой душе. «Чувством постигает человеческая душа, им она движима». Именно эту определенность чувства мы должны попытаться обрисовать, стремясь с помощью сопоставлений и противопоставлений ее с родственными ей чувствами и с помощью символизирующих выражений позволить ей зазвучать. Ведь мы здесь ищем, в отличие от Шлейермахера, именно саму ту, связанную с объектом, первичную определенность чувства, за которым, как мы только что видели, чувство тварности, будучи лишь вторичным, следует как ее тень в нашем чувстве самости.

Если мы рассмотрим нижайшее и наиглубочайшее во всяком сильном благоговейном чувстве, где оно является еще чем-то большим, чем вера во спасение, доверие или любовь, тем, что может временами совершенно независимо от этих сопровождающих чувств, с почти ошеломляющей силой возбуждать и переполнять нам душу. Если с помощью вчувствования, сочувствия мы проследим его у других вокруг нас в сильных порывах набожности и

проявлениях его в праздничности и торжественности ритуалов и культов, в том, что чувят вокруг религиозных памятников, строений, храмов и церквей, то лишь одно наименование близко подходит к выражению существа дела: чувство *mysterium tremendum*, заставляющее таинство трепетать. Это чувство может пронизывать душу мягким потоком, в форме успокаивающе парящей погруженности в молитву. Оно может своей непрерывной данностью потрясать душу, а затем трепет ее оставляет и она вновь возвращается в профанное. Неожиданными вспышками, порывами оно может вырываться из души. Оно способно приводить к странному волнению, упоению, восторгу и экстазу. У него бывают дикие и демонические формы. Оно может повергать в какой-то почти призрачный ужас и дрожь. Ему могут предшествовать грубые и варварские ступени и проявления, переходящие в тонкий перезвон и просветленность. Оно может стать тихим, смиренным содроганием и онемением твари перед... – да, перед чем? Перед тем, что в несказанной тайне возвышается над всяким творением.

Мы говорим так, чтобы хоть что-то сказать. Но тут же становится очевидным, что мы этим, собственно, ничего не сказали или, по крайней мере, что и здесь наша попытка хоть как-то определить это чувство посредством понятия опять оказывается чисто негативной. *Mysterium* же понятийно, отвлеченно именуется не что иное, как сокрытое, т. е. не явное, не постигаемое и не понимаемое, не обычное и хорошо знакомое, не обозначая ближе его самого в соответствии с «Как». Но подразумевается этим нечто безусловно положительное, переживаемое только в чувствах. И эти чувства мы способны в себе различить, даже прояснить их в себе, если они вызывают отклик у нас в душе.

А) Момент «*tremendum*» (ужасающего)

На положительное «Как» этой предметности указывает прежде всего прилагательное *tremendum*. Слово *tremor* само по себе означает просто страх – хорошо знакомое «естественное» чувство. Это слово служит нам здесь ближайшим, но лишь аналогичным обозначением совершенно своеобразной чувственной реакции, которая, правда, похожа на страх, и потому по аналогии с ним может быть обрисована, но представляет собой все же нечто совсем иное.

В некоторых языках имеются выражения, которые то исключительно, то преимущественно служат наименованиями это-

го «страха», который есть нечто большее, чем просто страх. Например, древнееврейское *hiq'disch* = священному. Назвать нечто «священным в сердце своем», отличить его с помощью особенного чувства боязни, которое нельзя перепутать со всеми остальными, значит подвести его под категорию нуминозного. Ветхий Завет богат на параллели к этому чувству. Особенно примечателен здесь «*emat Jahveh*», «страх Божий», который Яхве может изливать и даже посылать, который словно какой-то демон сковывает члены человека и в этом смысле полностью родственен *deima panikon* (панический ужас) греков. В качестве примера можно привести слова из Библии (Исх. 23, 27; либо Иов. 9, 34; 13, 21): «Ужас Мой пошлю перед тобою, и в смущение приведу всякий народ, к которому ты придешь...»

Это испуг, полный внутреннего ужаса, которого не может внушить никакое создание, даже самое опасное и могущественное. В этом ужасе есть даже нечто «призрачное».

У греков на это было слово «*sebastos*». Ранние христиане отчетливо ощущали, что титул «*sebastos*» не подходит ни к какому творению, будь то даже император, что это обозначение нуминозное, а потому было бы идолопоклонством применять категорию нуминозного к какому-либо человеку, называя его *sebastos*. В английском для этого есть слово «*awe*», которое в своем глубоком и собственном смысле примерно отвечает нашему предмету. Сравните также английское «*he stood aghast*». Немецкое «*Heilige*» применяется лишь по образцу библейского словоупотребления, тогда как наше собственное, самостоятельно выросшее выражение подходит для более грубых и низших начальных ступеней этого чувства. Речь идет о наших «*Grauen*», «*Sich Grauen*», а для облагороженных, более высоких его ступеней довольно определенно пользуются словом «*Erschauern*», которое в основном передает то же чувственное содержание. «*Schauervoll*» и «*Schauer*» обычно даже без всяких прилагательных равнозначно для нас священному трепету (*Schauer*). В свое время, полемизируя с учением Вундта об анимизме, я предложил в качестве его обозначения слово «*die Scheu*», хотя особенное-то, а именно нуминозное, тут передавалось разве что кавычками. Точно так же можно сказать «религиозный ужас». Предшествующей ему ступенью будет тогда «демонический ужас» (равен паническому испугу с его апокрифическим дериватом – «призрачным ужасом»). Его пер-

вое движение обнаруживается в чувстве «жуткого» (uncanny). Из этого «ужаса» с его «сырыми» формами, из этого когда-то однажды в первом порыве прорвавшегося чувства «жути», возникшего во всей своей странности и новизне в душах первоначального человечества, произошло все дальнейшее религиозно-историческое развитие. Вместе с его прорывом началась новая эпоха для человеческого рода. В нем коренятся как «демоны», так и «боги», все то, что «мифологические апперцепции» или «фантазии» произвели для овеществления данного чувства. И без признания этого как первого, качественно своеобразного, невыводимого из чего-то другого основополагающего фактора и основного импульса религиозно-исторического хода событий в целом, все анимистические, магические или относящиеся к психологии народов объяснения происхождения религии с самого начала обречены на бесплодные блуждания и уведат от подлинной проблемы.

Религия родилась не из естественного страха и не из некоей предполагаемой всеобщей «мировой тревоги». Ибо ужас является не обычным естественным страхом, но уже первым самопробуждением и ощущением таинственного, пусть еще в сырой форме «жуткого», некоей первой оценкой в соответствии с категорией, которая не относится к остальной обычной естественной сфере и не относится к области естественного. Оно доступно только тем, в ком пробудилась особенная, от «естественных» склонностей определенно отличная склонность души, обнаруживающаяся поначалу лишь сыро и сбивчиво, но, как таковая, она знаменует совершенно особую, новую функцию переживания и оценки человеческого духа.

Остановимся еще на мгновение на этом первом, примитивном и сыром проявлении этого нуминозного ужаса. В форме «демонического ужаса» это есть, собственно, отличительная черта так называемой «первобытной религии» – наивное, сырое и первоначальное ее пробуждение. Вместе с присущими ей фантастическими образами она в дальнейшем преодолевается и вытесняется более высокими ступенями и формами развития того же таинственного влечения, которое впервые заявляет о себе в ней как нуминозное чувство. Но и там, где это чувство уже давно достигло более высокого и чистого выражения, его изначальные движения могут снова и снова совершенно непринужденно прорываться из души, и их заново переживают. Это проявляется, например, в той

силе и привлекательности, которыми даже на высоких ступенях общего душевного строения все еще обладает «страшное» в рассказах о «призраках» и «привидениях». Примечательно, что этот своеобразный ужас перед «жутким», также совершенно своеобразный при естественном страхе и испуге, никогда не вызывает столь значимого телесного воздействия: «У него все тело заледенело», «у меня мурашки по спине пошли». Мурашки есть нечто «сверхъестественное». Тот, кто способен к более острому различению душевных состояний, должен видеть, что подобный «ужас» совершенно отличается от естественного страха не только степенью или силой и уж никак не является просто особенно высоким уровнем последнего. Сущность «ужаса» совершенно независима от уровня интенсивности. Он может быть столь сильным, что пронизывает до мозга костей, так, что волосы становятся дыбом, а руки-ноги трясутся. Но он может заявить о себе и в самом легком возбуждении, как едва заметная и мимолетная смена душевного состояния. Это чувство содержит в себе свои степени, не будучи само степенью чего-то другого. Никакому естественному страху не достичь его путем своего простого возрастания. Меня может охватить безмерный страх или испуг, я могу тревожиться, но при этом не будет и следа чувства «жути». Если бы психология более решительно различала и сортировала «чувства» по их качественным отличиям, это стало бы еще яснее. Нам по-прежнему препятствует здесь примитивное деление на «удовольствие» и «неудовольствие». Словом, сами «удовольствия» различаются лишь по уровню напряжения. Здесь нужно четко проводить видовые различия. Когда речь идет об удовольствии, радости, эстетическом наслаждении, этической возвышенности или, наконец, о религиозном блаженстве и благоговении, то мы имеем дело с разнородными состояниями души. Между ними имеются соответствия и сходства, а потому их можно подвести под общее понятие класса, отличного от других классов душевных явлений. Но такое подведение не делает различные виды простыми отличиями по степени в одном и том же явлении, да и с помощью такого понятия мы ничего не поймем в «сущности» того отдельного, что оно охватывает.

На своих более высоких ступенях чувство нуминозного далеко уходит от простого демонического ужаса. Но и здесь оно не может отречься от своего происхождения и родства с ним. Даже

там, где вера в демонов очень давно возвысилась до веры в богов, сами «боги» всегда сохраняют для чувства, как *pumina*, нечто «призрачное» как таковое, а именно специфический характер «жутко-страшного», который составляет их «величие» или к нему причастен. Этот момент не исчезает даже на высшей ступени, на ступени чистой веры в Бога, да и не может исчезнуть по самой своей сути. Он здесь лишь приглушается и облагораживается. «Ужас» обращается здесь в бесконечно облагороженную форму глубочайшего внутреннего трепета и безмолвия, пронизывающего душу до последних ее корней. Он со всей силой охватывает душу и в христианском культе при словах: «Свят, свят, свят». Он прорывается в песнопении Терстеегена: «Бог присутствует. Все в нас безмолвствует. И искреннейше пред ним склоняется».

Здесь утрачена спутанность чувств, сопровождающая ужас, но не объемлющая душу несказанная робость. Сохраняется мистическое содрогание, сопровождаемое описанным выше чувством тварности, собственной ничтожности, падшести перед лицом объективно переживаемого Ужаса и Величия.

Для обозначения момента, вызывающего нуминозный тремор, на первое место выходит то «свойство» *pumen*, которое играет важную роль в нашем Священном Писании и которое своей загадочностью и непостижимостью доставило много трудностей как интерпретаторам, так и вероучителям. Речь идет об *orge*, гнев Яхве, который в Новом Завете встречается вновь как *orge theou*. Мы вернемся к тем местам из Ветхого Завета, где еще ясно ощущимо родство этого «гнева» с демонически-призрачным, о котором мы только что говорили. Ему легко найти соответствия во встречающемся во многих религиях представлении о таинственном «*ira deorum*». Странные черты «гнева Яхве» всегда бросались в глаза. Прежде всего, во многих местах Ветхого Завета ощущимо, что этот «гнев» изначально не имеет ничего общего с нравственностью. Он «возгорается» и загадочным образом о себе заявляет как «скрытая природная сила», как скопившаяся электроэнергия, разряжающаяся на того, кто слишком близко подходит. Гнев «непредсказуем» и «произволен». Тому, кто привык мыслить божество только в рациональных предикатах, это должно казаться капризностью и произволом. Но такую точку зрения решительно отвергли бы набожные люди библейских времен. Им это никак не казалось приу-

меньшением достоинства, но естественным выражением и некоторым моментом самого «священного», казалось чем-то совершенно неустрашимым. И с полным на то правом. Ибо этот *ira* есть ничто иное, как само «*tremendum*» – нечто само по себе совершенно иррациональное. Это улавливается и выражается с помощью наивной аналогии с природной сферой – с жизнью человеческой души. Причем это в высшей степени яркое и меткое сравнение, которое всегда сохраняет свою ценность и еще совершенно неизбежно для нас при выражении религиозного чувства. И нет сомнения в том, что христианство учило и учит о «гневе Божьем», вопреки Шлейермахеру и Ричлю.

При этом опять сразу бросается в глаза, что здесь мы имеем дело не с рациональными «понятиями», но лишь с чем-то, похожим на понятие, с идеограммой или просто знаком момента своеобразного чувства в религиозном переживании, но момента странно отталкивающего характера, переполняющего ужасом. Это явно мешает тем, кто желает признавать в божественном только доброту, мягкость, любовь, доверие и им подобные моменты в отношении Бога к миру. Рационализация этого обычно ложно именуемого «естественным» (на деле совершенно «неестественного») нуминозного *ira* заключается в его наполнении рационально-этическим моментом божественной справедливости, воздаяния и наказания за моральные прегрешения. Но в мире библейских представлений божественная справедливость остается еще слитой с тем, что она наполняет, с тем, что ей предшествует. В «гневе Божьем» всегда ощутимо трепещет и светится это иррациональное, которое потрясает естественного человека.

Наряду с «гневом» или «яростью» Яхве стоит родственное им выражение – «ревность Яхве». «Ревность, или рвение, по Яхве» – тоже нуминозное состояние, которое переносит на того, кто в нем пребывает, черты *tremendum*. (Ср. Пс. 68, 10: «Ибо ревность по дому Твоем сдает меня»).

В) Момент всемогущего («*majestas*»)

Сказанное выше о *tremendum* можно свести к идеограмме «совершенной неприступности». Но затем сразу чувствуется, что необходимо присоединить еще один момент, чтобы полностью исчерпать ее, а именно, момент «власти», «силы», «всемогущества», «полновластия». Изберем для него в качестве имени-символа сло-

во «majestas». Тем более, что даже в немецком «Majestat» для нашего чувства языка еще дрожит последний слабый отзвук нуминозного.

Момент *tremendum* поэтому вполне можно передать как «*tremenda majestas*». Этот момент может живо сохраняться там, где первый момент, момент «неприступности» отступает и затихает, как то может происходить, например, в мистике. В особенности с этим моментом совершенного всемогущества – «majestas» соотносится, как его тень и как субъективное его отображение, то «чувство тварности», которое выявляется по контрасту с объективно ощутимым всемогуществом в виде чувства собственно и падшести, ничтожности, праха и пепла, небытия. Оно образует, так сказать, нуминозный сырой материал для чувства религиозного «смирения».

Здесь нам нужно вернуться к «чувству зависимости» Шлейермахера. Мы уже порицали его выше за то, что он делает исходным пунктом само по себе являющееся отображением и следствием, чего объективного он хочет достичь путем умозаключения на основе лишь тени, которую оно получает в самоощущении. Но здесь следует сделать еще одно возражение, третье. «Чувствовать себя зависимым» у Шлейермахера означает «чувствовать себя обусловленным», а потому этот момент «зависимости» весьма последовательно развивается у него в параграфах о «творении и сохранении». Эквивалентом «зависимости» у человека применительно к божеству была бы каузальность, т. е. всеобщая причинность, лучше даже сказать, всеобусловленность. Но этот момент вовсе не является первым и самым непосредственным в том, что мы обнаруживаем, когда припоминаем «набожное чувство» в миг молитвы. Сам этот момент тоже не является нуминозным, это лишь его «схема». Он не представляет собой иррационального момента, но целиком относится к рациональной стороне идеи Бога, он четко развивается в понятиях, у него совсем другой источник происхождения. Но та «зависимость», которая выражается в словах Авраама, есть зависимость не сделанного, но сотворенного. Это – бессилие перед лицом всемогущества, собственное ничтожество, а отношение «majestas» к «праху и пеплу», о котором здесь идет речь, ведет, как только спекуляция овладевает им, совсем к другому ряду представлений, а не к идеям творения и сохранения. Он ведет к «аннигиляции» самости, с одной стороны, и к исключительной и всеохватывающей реальности трансцендентного, с другой.

Этот опыт свойственен некоторым формам мистики. Мы встречаем в них одну из главных черт – характерное умаление себя самого, отчетливо повторяющее самоуничижение Авраама, а именно умаление самости, «Я», «твари» вообще, как несовершенно действительного, существенно или даже как совсем ничтожного. И это умаление становится затем требованием практически осуществить его по отношению к якобы ложной химере самости и таким образом изничтожить ее. Этому отвечает оценка трансцендентного объекта-отношения, бесконечно превосходящего полноту бытия, нашу самость, перед лицом которого обретает возможность ощутить себя в своем ничто. «Я – ничто, Ты – все!» Здесь не идет речи о причинном отношении. Не чувство безусловной зависимости (меня самого как находящегося под воздействием извне), а чувство абсолютного превосходства (Его как всемогущего) является здесь исходным пунктом умозрения, которое там, где оно осуществляется посредством онтологических терминов, превращает затем полноту «власти» *tremendum* в полноту «бытия». Можно привести по этому поводу слова христианского мистика: «Человек погружается и растворяется в своем собственном ничто и в своей малости. И чем яснее открывается ему величие Бога, тем заметнее становится ему его малость».

Или слова исламского мистика Баязида Бостами: «...Тут раскрыл мне Господь, Всевышний свои тайны и явился мне во всей своей славе. И взглянув не моими уже, но его глазами, узрел я, что мой свет в сравнении с его светом есть лишь тьма и мрак. И точно так же мое величие и мое могущество было ничто перед Его величием и могуществом. Посмотрев глазом истины на дела мои, в благоговении и преданности ему содеянные, узнал я, что происходят они не от меня, но от Него самого».

Можно взять также размышления Мейстера Экхарта о бедности и смирении. Для бедного и смиренного человека Бог становится всем во всем. Он становится бытием и сущим как таковым. Из *majestas* и из смирения растет в нем «мистическое» понятие Бога, т. е. не из плотинизма и пантеизма, но из переживания Авраамова.

Эту мистику, произрастающую из *majestas* и чувства тварности, можно было бы назвать «мистикой *majestas*». По своему источнику она явно отлична от мистики «созерцания единого», как бы ни была она с нею внутренне связана. Но пристает она не из

такого созерцания, но определенно является высшим напряжением, перенапряжением иррационального момента в *sensus numinis*, которое мы здесь обсуждаем, и только если ее понимать в качестве такового, она делается понятной. Она образует у Мейстера Экхарта отчетливо ощущаемую примесь, которая тотчас интимнейше соединяется с его умозрениями о бытии, пронизывает его «созерцание единого», но все же представляет собой совершенно особенный мотив, какового мы не обнаруживаем, например, у Плотина. Этот мотив выражает сам Экхарт, когда говорит:

«Да будет Господь в вас велик,

или, в еще более отчетливом согласии с Авраамом:

Когда же ты свое так увидел, то зри: вот Я, а тебя нет»,

или:

«Поистине, я и тварь всякая суть ничто, только Ты еси и еси все сущее».

Это мистика, но мистика, которая, очевидно, произросла не из его метафизики бытия, но, пожалуй, может поставить последнюю себе на службу. То же самое обнаруживается в словах мистика Терстеегена:

«Господи Боже, сущность необходимая и бесконечная, высшая сущность, единосущая и более, нежели сущность! Лишь ты можешь подчеркнуть: Я есмь и это Я есмь столь безгранично и несомненно истинно, что никакой присяги не требуется тому, кто полагает истину без всякого сомнения, как если бы это слово шло слышит слова из уст твоих: Я есмь, Я живу.

Аминь. Ты еси. Дух мой склоняется и самое нутро мое признает Твое бытие.

Но что же тогда Я? И что все остальное? Существу ли я и существует ли все остальное? И что есть это мое Я и это остальное? Мы есть лишь потому, что Ты есть, и потому, что Ты хочешь, чтобы мы были. Ничтожное сущее, которое, в сравнении с тобой и перед Твоей сущностью должно называть не сущим, но призраком и тенью. Моя сущность и сущность всех вещей равно исчезают пред Твоей сущностью, вроде того, как в ярком свете Солнца не виден огонь свечи, ибо настолько превосходит его Свет великий, что вместе с Ним его как бы больше уже нет».

Но то, что звучало у Авраама, Экхарта и Терстеегена, встречается и поныне с явными чертами мистического переживания.

В журнальном изложении одной книги о Южной Африке я нашел следующий рассказ:

The author repeats some significant words, uttered by one of those tall powerful strong-willed silent Boers whom she had never heard speaking of anything more profound than his sheep and cattle and the habits of tiger-leopards upon which he was an authority. After driving for about two hours across a great African plain in the hot sun, he said slowly in the Taal: «There is something I have long wanted to ask you. You are learned. When you are alone in the veld like this and the sun shines so on the bushes, does it ever seem to you that something speaks? It is not anything you hear with ear, but it is as though you grew so small, so small, and the other so great. Then the little things in the world seem all nothing».

Автор повторяет важные слова, сказанные одним из тех высоких и могучих, наделенных сильной волей и молчаливых буров, от которого ей ранее не доводилось слышать ничего более глубокого, чем разговоры о своих овцах и коровах, о повадках тигрового леопарда – тут он был признанным авторитетом. Проехав пару часов при жарком солнце по великой африканской равнине, он медленно проговорил на своем языке: «Я давно хотел вас спросить кой о чем, ведь вы из образованных. Когда ты одинок в вельде, когда солнце так светит на всю эту ширь, не кажется ли, что кто-то говорит? Это слышишь не ухом, но так, что ты словно делаешься таким малым, таким малым, а тот, другой – таким огромным. И вся малость мирских вещей кажется такой ничтожной».

С) Момент «энергийного»

Наконец, моменты *tremendum* и *majestas* несут с собою еще один, третий момент, который я назвал бы энергией нуминозного. Он особенно живо ощутим в «orge» и выражается в идеограммах жизненности, страсти, преисполненной аффектов сущности, воли, силы, движения, возбуждения, деятельности, стремления. Эти его черты опять таки простираются от ступени демонического вплоть до представления о «живом» Боге. Опыт этого момента *pimpen* активизирует человеческую душу, вызывает «рвение», наполняет ее необычайным напряжением и динамикой, идет ли речь об аскезе, о «ревности» против мира и плоти, либо о героических деяниях, в которых возбуждение прорывается вовне. В этом иррациональном моменте божественной идеи всегда в наибольшей мере и

сильнее всего прочего заявляет о себе противостояние «философскому» Богу чисто рациональных спекуляций и дефиниций. Стоит ему обнаружиться, и «философы» тут же выдвигают обвинение в «антропоморфизме». И они правы, поскольку сами его защитники чаще всего признают аналогический характер этой идеогаммы, которую они заимствовали из мира человеческой души. Но они и неправы, поскольку, вопреки всем ошибочным аналогиям, здесь верно чувствовали подлинное, т. е. иррациональный момент «theion» (numen), и посредством такой идеогаммы религия охраняется от ее рационализации. Ибо где бы ни спорили о «Богe живом» и о «волютаризме», там спорят иррационалисты с рационалистами, как спорил Лютер с Эразмом. «Omnipotentia dei» в «De servo arbitrio» Лютера есть ничто иное, как соединение majestas как совершеннейшего превосходства с этой «энергией» как непрестанно и неустанно Напирающим, Деятельным, Побуждающим, Живым. В некоторых формах мистики, а именно, в «волютаристских» ее формах, мы со всей силой ощущаем это энергийное. Для сравнения можно привести главу о «динамической мистике у Экхарта» в моей недавно вышедшей книге «Западно-восточная мистика». Это «энергийное» возвращается также в волютаристской мистике Фихте и в его умозрении относительно абсолюта как гигантского беспокоящего стремления к деянию, равно как и в демонической «воле» Шопенгауэра – у того и другого с одной и той же ошибкой, которую совершает уже миф: «естественные» предикаты, которыми следует пользоваться лишь в качестве идеогамм ineffabile, реально переносятся на иррациональное, а чистые символы выражения чувства принимаются за адекватные понятия и за основоположения «научного» познания. Этот момент нуминозно-энергийного, как мы увидим далее, совершенно своеобразно пережит и подчеркнут у Гете в его странных описаниях того, что он называет «демоническим».

D) Момент *mysterium*. «Совершенно иное»

«Понятый Бог – не Бог»

Терстееген

«*Mysterium tremendum*» – так мы назвали нуминозный объект и обратились прежде всего к прояснению прилагательного *tremendum*, потому что с ним это проделать легче, чем с существительным *mysterium*. Попытаемся теперь подойти к этому су-

щественному. Ведь момент *tremendum* никоим образом не является простой экспликацией, истолкованием «*mysterium*», но его синтетическим предикатом. Правда, реагируя на одно, наши чувства, переполняя нас, с легкостью перетекают в такие чувства, которые реагируют уже на другое. Момент «*mysterium*» для нашего чувства языка обычно так крепко связан со своим синтетическим предикатом *tremendum*, что едва ли можно назвать один момент без того, чтобы тотчас не зазвучал второй. «Тайна» уже сама по себе является «страшной тайной». Но так происходит далеко не всегда. Моменты *tremendum* и *mysteriosum* хорошо отличимы друг от друга, причем момент «таинства» в нуминозном может перевешивать момент *tremendum* в нашем переживании и даже так сильно выступать на передний план, что момент *tremendum* рядом с ним почти замирает. Иногда один момент проникает в душу и не сопровождается вторым.

а) *Mysterium* минус момент *tremendum* мы можем ближе обозначить как *mirum* или *mirabile*. Это *mirum* само по себе еще не есть *admirandum* (для этого требуются еще моменты *fascinans* и *augustum*, которые мы назовем позднее). Ему соответствует еще не «восхищение», но лишь «удивление». Мы уже почти забыли, что «удивление» происходит от «дива», от «чуда» и первоначально означает «быть душевно захваченным чудом», чем-то диковинным, неким *mirum*. Таким образом, изумление в подлинном смысле слова – это душевное состояние, располагающееся в области нуминозных чувств и лишь в стершейся и обобщенной форме оно становится «удивлением» вообще.

Если поискать для *mirum* соответствующую реакцию души, то поначалу и здесь мы находим только одно наименование, которое само вполне близко «естественному» душевному состоянию и потому имеет лишь аналогичное значение – «ступор». *Stupor* четко отличается от *tremor*. Оно обозначает остолбенелое изумление, когда мы «застываем с открытым ртом» перед чем-то абсолютно чуждым. Можно привести и другое латинское слово – «*obstupescere*». Еще точнее греческие – «*thambos*», «*thambeisthai*». Уже по своему звучанию *thamb* превосходно изображает это душевное состояние остолбенелого изумления. Одно место в Евангелии от Марка (10, 32) очень тонко передает различие между *stupendum* и *tremendum*: *kai ethamboynto, hoi de akoloyates efoboyonto* («и они ужасались и,

следуя за ним, были в страхе»). С другой стороны, к *thambas* относится сказанное выше о легкости и быстроте смешения двух этих моментов, поскольку *thambos* представляет собой классический термин для общего обозначения благородного потрясения от нуминозного. Так, Лютер совершенно правильно переводил «и они ужаснулись» (Мк., 16, 5). Живописующий характер корня *thamb* имеет свой аналог в древнееврейском *tamahh*. И это слово означает «смятение», и оно переходит в «ужаснуться», и оно также изнашивается до простого «удивляться».

Mysterium, mystes, mystik – все эти слова, вероятно, восходят к одному и тому же корню, который сохранился в санскритском *muṣ*. Это – «скрытое, спрятанное, темное тяготение» (может принимать значение обмана и воровства). В общем смысле *mysterium* означает прежде всего «тайну», как нечто странное, непонятное, непроясненное вообще. Поэтому *mysterium* применительно к тому, что мы подразумеваем, также есть лишь аналогия из области естественного – оно не исчерпывает предмета и предлагается для обозначения именно ради известной аналогии. Но сам этот предмет, религиозно-таинственное, подлинное *mirum*, есть, чтобы выразить его вернее всего, «совершенно иное», *thateron, anyad, alienum, aliud valde* – чужое и чуждое, выпадающее из сферы привычного, понятного, знакомого, противостоящее этой сфере как «сокрытое» вообще и поэтому наполняющее душу остолбенелым изумлением.

С ним мы встречаемся уже на самой нижней ступени этого первого порыва нуминозного чувства в первобытной религии. Для этой ступени свойственно не присутствие всюду множества «душ», невидимых и загадочных сущностей, как то подразумевает анимизм. Представления о душах и тому подобные понятия суть скорее лишь последующие «рационализации», в которых предпринимается попытка хоть как-то истолковать загадку *mirum* и которые затем сдерживают и ослабляют само это переживание. Они являются истоком не религии, а рационализации религии, которая потом завершается такими дюжинными теориями и такими основательными толкованиями, что для *mysterium* уже не остается места. Наквозь систематизированный миф, равно как доведенная до логического конца схоластика, чеканятся из материала религии, но делают ее саму плоской и, в конечном счете, способствуют ее вытеснению. Даже на самой нижней ступени религии свойственным для нее яв-

ляется своеобразный чувственный момент, а именно ступор перед чем-то «совершенно иным», как бы потом такое «иное» ни называли духом, демоном, дивом, или вообще никак не называли, какие бы фантастические замки ни отстраивались заново для его толкования и удержания, какие бы фантастические сущности ни предлагались в качестве основы для порождений сказочной фантазии, возникших в ней помимо или еще до зарождения демонического ужаса.

Чувство «совершенно иного» (по законам, о которых еще придется говорить) связано или случайно возбуждается вместе с предметами, которые уже по «природе» своей загадочны, удивительны, поразительны. Таким образом, оно связано или возникает благодаря поразительным и бросающимся в глаза явлениям, процессам и вещам в природе, в мире животных и среди людей. Но и здесь речь идет о приобщении специфически нуминозного чувства к «естественному», а не о повышении уровня последнего. Не существует никакого перехода от естественного удивления к изумлению перед «сверхъестественным» объектом. Только по отношению ко второму получает свое истинное значение слово «*mysterium*». Пожалуй, больше это чувствуется у прилагательного «*mysterios*», чем у существительного *Mysterium*. Никто всерьез не скажет о часовом механизме, которого он не разгадал, или о непонятной научной дисциплине, что они для него «таинственны», «сокровенны». На это могут возразить, что «таинственным» мы называем то, что для нас безусловно и в любом случае является и остается непонятым, тогда как пока еще непонятное, но по существу познаваемое можно назвать лишь «проблематичным». Но это никак не исчерпывает сути дела. Действительно «таинственный» предмет является непостижимым не только потому, что познание этого предмета сопряжено с некими неустранимыми преградами, но потому, что я сталкиваюсь здесь с чем-то вообще «совершенно иным», что по своему роду и Сущности несоизмеримо со мною – поэтому я и останавливаюсь перед ним в немом изумлении. Августин метко указывает этот приводящий в оцепенение момент «совершенно иного», «*dissimile* numen'a и его противоположность по отношению к рациональной стороне numen по отношению к simile в «Исповеди»:

«*Quid est illud quod interlucet mihi et percutit cor meum sine laesione! Et inhorresco, et inardesco. Inhorresco in quantum dissimilis ei*

sum. Inardesco in quantum similis ei sum». («Кто это поймет? Кто объяснит? Что это брезжит и ударяет в сердце мое, не нанося ему раны? Трепещу и пламенею, трепещу в страхе: я так непохож на тебя; горю, пламенею любовью: я так подобен Тебе»).

Только что сказанное можно пояснить на примере апокрифической и карикатурной разновидности нуминозного чувства на примере страха привидений. Попробуем проанализировать его. Выше мы уже обозначили своеобразный чувственный «ужас» перед лицом привидения как «жуткое», «жуть». Момент жуткого присущий историям о привидениях очевидно способствует их привлекательности, причем как раз тем, что наступающие вслед за ним разрядка и душевное освобождение вызывают приятное самочувствие. Но в этом отношении удовольствие приносит собственно не сам призрак, а то обстоятельство, что мы от него избавились. Но, очевидно, что этого совсем недостаточно для объяснения того пленительного очарования, которое вызывают эти истории. Скорее, они прельщают тем, что в них есть *mirum*, а оно само по себе чрезвычайно возбуждает нашу фантазию, вызывает интерес и сильнейшее любопытство. Фантазию завораживает сам этот необычный предмет. Конечно, не тем, что мы встречаемся с «чем-то длинным и белым» (как кто-то однажды определил «привидение»), и не тем, что это некая «душа», да и вообще не своими положительно-понятийными предикатами и не вымыслами фантазии. Он очаровывает тем, что это некая диковина, «бесмыслица», вещь, которой «в действительности вовсе нет», тем, что это «совершенно иное», нечто, не принадлежащее кругу нашей действительности, абсолютно другое, но одновременно пробуждающее в душе неукротимый интерес.

Но то, что узнаваемо даже в такой карикатуре, в гораздо большей степени относится к самому демоническому, одной из разновидностей которого является сфера призрачного. Вместе с продвижением по этой линии демонического усиливается и момент нуминозного чувства – чувства «совершенно иного». Оно становится отчетливее, обретает свои более высокие формы, которые противопоставляют нуминозный предмет уже не только всему привычному и знакомому, т. е. в конечном счете «природе» вообще, и тем самым делают его «сверхъестественным», но наконец противопоставляют его самому «миру», а тем самым возвышают его до «надмирового».

«Сверхъестественное» и «надмировое» – это опять же обозначения, которые выглядят как положительные предикаты, и когда мы прилагаем их к *Mysteriosen*, то кажется, что «*Mysterium*» избавляется от своего первоначально только негативного значения и становится позитивным утверждением. Но если брать понятийную сторону, то это лишь видимость, ибо «сверхъестественное» и «надмировое» сами по себе, очевидно, являются лишь отрицательными и исключаящими предикатами по отношению к природе и к миру. В высшей степени положительным здесь оказывается содержание чувства, которое выступает как нечто неустранимое. Именно поэтому «надмировое» и «сверхъестественное» становятся для нас принятыми на веру обозначениями «совершенно иной» действительности во всем ее своеобразии, которое мы как-то чувствуем, не будучи в состоянии дать ему понятийно ясного выражения.

«*Erekeina*» мистики также представляет собой доведенное до предела напряжение иррационального момента, принадлежащего религии как таковой. Мистика доводит это противопоставление нуминозного объекта как «совершенно иного» до крайности, ибо она не довольствуется противопоставлением его всему природному и мирскому, но противопоставляет его даже самому «бытию» и «сущему», называя его в конечном счете самым «ничто». Под «ничто» она подразумевает не только то, что никак нельзя высказать, но и то, что по сути своей есть иное, противоположное всему тому, что есть и что можно помыслить. Но так как мистика усиливает отрицание и противопоставление, которые остаются единственным, на что способно понятие для схватывания момента *mysterium*, усиливает до парадокса, то позитивное качество «совершенно иного» живет для нас на уровне чувства, причем чувства, бьющего через край. То, что можно сказать о странном «*Nihil*» нашей западной мистики, в равной степени относится и к «шуньям» и «шуньята» – «пустому» и «пустоте» – буддистской мистики. Тем, кто не имеет внутреннего чувства для этого языка мистерий, для идеограмм или символов мистики, это страстное стремление набожных буддистов к «пустоте» и «опустошенности», равно как и страстное стремление наших мистиков к «ничто» и «уничтожению», они могут показаться родом безумия, а сам буддизм чем-то вроде душевно больного «нигилизма». Но и «ничто», и «пустота» в действительности представляют собой нуминозные

идеограммы «совершенно иного». «Шуньям» – это и есть *mirum* как таковой (одновременно доведенный до степени «парадокса» и «антиномии», о которых тотчас ниже пойдет речь). Кто этого не ведаёт, тому писания о праджня парамита, прославляющие шуньям, покажутся чистейшим сумасшествием. И уж совсем непонятным должно остаться для него, каким чудодейственным образом они захватывают миллионы людей.

б) В то же время этот момент нуминозного, который мы назвали *mysterium*, почти на всех линиях исторического развития религии также претерпевает в себе самом развитие, сопровождавшееся все большим усилением присущего ему характера *mirum*, ростом его могущества. Можно указать на три ступени этого: ступень просто изумительного, ступень парадокса и ступень антиномии.

с) Как «совершенно иное», *mirum* сначала выступает как непостижимое и неуловимое, как *akalepton*, по словам Иоанна Златоуста, как то, что уходит от нашего «понятия», поскольку «трансцендирует наши категории». Но оно не только их превосходит, кажется, что оно вступает с ними в противоречие, снимает их и запутывает, тогда оно уже не только неуловимо, но становится прямо-таки парадоксальным; тогда оно не просто стоит над всяким разумом, но кажется «противоразумным». Отсюда происходит самая острая форма, которую мы назвали антиномической. Антиномия – это ещё большее, чем просто парадокс. Ибо тут появляются суждения, которые не только неразумны, нарушают масштабы и законы разума, но которые развиваются в себе самих и высказывают *opposita* по самому своему предмету, непримиримые и неразрешимые противоположности. Здесь *mirum* предстает для желания рационального понимания как самая тонкая форма иррационального. Оно не только неуловимо для наших категорий, не только непостижимо в силу своего *dissimilitas*, даже не только сбивает с толку и запутывает разум – это нечто само по себе ему чуждое, в себе противоположность и противоречие. Согласно нашей теории, эти моменты должны обнаруживаться прежде всего в «мистической теологии», поскольку для нее характерно «возведение иррационального в божественную идею». Эти моменты мы здесь действительно находим. По самой своей сути и в первую очередь мистика была *theologia mirum* – «совершенно иного». Поэтому

му зачастую, как, например, у Мейстера Экхарта, она выступает как теология неслыханного, nova et gaга, как он сам говорил; либо, как в мистике Махаяны, она предстает наукой парадоксов и антиномий, да и вообще атакой на естественную логику. Она привносит в логику coincidentia oppositorum, а в вырожденных случаях, как у Силезиуса, ведет с логикой веселую игру и насмешничает. Но и со всем этим мистика – это не нечто противопоставленное обычной религии как таковой. Истинные отношения между ними тотчас проясняются, как только мы обнаружим названные здесь моменты и их определенное происхождение из общерелигиозного момента нуминозного «совершенно иного», без которого вообще не существует никакого истинного религиозного чувства, как раз у тех мужей, которые протвिवились любой мистике – у Иова и у Лютера. Момент «совершенно иного», парадокс и антиномия, образуют как раз то, что мы назовем дальше «иововским» рядом мыслей, который ни для кого не был так характерен, как для Лютера. Но об этом речь пойдет далее.

[...]

ТИЛЛИХ П.

Значение истории религий для систематического теолога

Пауль Тиллих (1886–1965 г.) – немецко-американский протестантский мыслитель, представитель диалектической теологии. Произведение «Значение истории религий для систематического теолога» является частью его трехтомного труда «Систематическая теология» (1951–1953 гг.) и представляет собой пример одновременно научно-объективного и внутриконфессионального исследования принципов религиоведческой науки. В этой работе П. Тиллих рассматривает религию в рамках экзистенциального подхода – как особую, несводимую ни к чему иному, область духовно-исторического опыта человечества, в котором можно найти ответы на фундаментальные смысложизненные вопросы человеческого существования и который образует глубинный – сакральный уровень человеческой культуры вообще.

В этой лекции я намерен рассмотреть три основополагающих соображения. Первое из них я назову «два основополагающих решения». Теолог, признающий тему «Значение истории религий для теолога-систематика» и воспринимающий ее серьезно, тем самым уже принял, явно или неявно, два основополагающих решения. С одной стороны, он отстранился от теологии, отвергающей все религии, кроме собственной. С другой стороны, если он принял эту тему всерьез, то отверг парадокс религии-нерелигии или теологии без теоса (которую также называют теологией секулярного). Оба эти взгляда имеют давнюю историю. Первый был возрожден в нашем столетии Карлом Бартом. Второй наиболее резко выразила «теология, избегающая разговора о Боге». Для первого воззрения либо одна религия истинна (*vera religio*) в противоположность всем другим, которые суть ложные религии (*religiones falsae*), либо, говоря в современных терминах, моя собственная религия представляет собой откровение, а любая другая – всего лишь тщетная попытка человека достичь Бога. Это становится определением всякой религии – тщетной попытки человека достичь Бога. Поэтому, с этой точки зрения, нет смысла вникать в конкретные различия между религиями. Я помню, как неохотно это делал, например, Эмиль Бруннер. Вспоминаю и ту изоляцию, в которой оказались такие историки религий, как мой высокочтимый покойный друг Рудольф Отто. Даже сегодня в сходной ситуации оказался Фридрих Хайлер. Вспоминаются также ожесточенные нападки на Шлейермахера за то, что он использовал понятие «религия» в отношении христианства. Я помню, как критиковали меня самого, когда я в первый раз, в Марбурге, использовал понятие «религия» в отношении христианства. Такой подход считался в то время преступлением.

Чтобы отказаться от старой и новой ортодоксальной позиции, необходимо принять следующие допущения систематики. Во-первых, необходимо сказать, что опыт откровения имеет универсально человеческий характер. Религии основываются на чем-то, что дается человеку, где бы он ни жил. Ему дается откровение, особый опыт, который всегда подразумевает спасающие силы. Откровение и спасение нельзя разделить. Силы, несущие откровение и спасение, присутствуют во всех религиях. Бог не остался без свидетельств. Таково первое допущение.

Второе допущение заключается в том, что человек воспринимает откровение в терминах своей конечной человеческой ситуации. Человек ограничен в биологическом, психологическом и социологическом отношениях. Откровение воспринимается в условиях присущего человеку отчуждения. Оно всегда представляется в искаженной форме, особенно если религия используется как средство достижения некоторой цели, а не как самоцель.

Необходимо принять еще и третье допущение. Если теологи-систематики признают значение истории религий, то они должны также верить не только в то, что в человеческой истории существует конкретный опыт откровения, но что происходит процесс откровения, при котором подвергаются критике ограниченность адаптации и искажения. Эта критика имеет три формы: мистическую, пророческую и секулярную.

Четвертое допущение заключается в том, что в истории религии может произойти (я специально подчеркиваю – может) центральное событие, объединяющее позитивные результаты этих критических тенденций в истории религии, в рамках которой осуществляется опыт откровения. Это событие создает возможность для появления конкретной теологии, обладающей универсальным значением.

Есть еще и пятое допущение. История религий по самой своей природе не существует просто наряду с историей культуры. Сакральное не находится рядом с секулярным, а составляет его глубины. Сакральное есть творческое основание и в то же время критическая оценка секулярного. Религиозное же может быть таковым только при условии, что оно в то же время оценка самого себя, оценка, которая должна использовать секулярное в качестве орудия собственной религиозной самокритики. Только при условии, что теолог согласен принять эти пять допущений, он сможет серьезно и полно утверждать значение истории религий для теологии в полемике с теми, кто отвергает такое значение во имя нового или старого абсолютизма.

С другой стороны, тот, кто признает важность истории религии, должен выступать против «теологии, избегающей разговоров о Боге». Он должен также отвергать особое внимание к секулярному или идею, согласно которой сакральное, так сказать, полностью поглощено секулярным. Последний из перечисленных пяти

пунктов, касающийся отношений сакрального и секулярного, уже уменьшил угрозу пророчества «Бог умер». Религия должна использовать секулярное против себя самой в качестве орудия критики, но все же остается решающий вопрос: «Для чего вообще нужна религия?» Под религиями здесь понимается сфера символов, ритуалов и институтов. Разве секулярный теолог не может пренебречь ими так же, как он, вероятно, пренебрегает историей магии и астрологии? Если ему не нужна идея Бога, то что может заставить его придавать важное значение истории религий? Чтобы защитить религию от нападков с этой стороны, теолог должен принять одно основополагающее допущение. Он должен согласиться с тем, что религия как система символов, интуиции и действия – т. е. мифов и ритуалов в рамках социальной группы всегда необходима даже самой секуляризованной культуре и самой демифологизированной теологии. Я вывожу эту необходимость – постоянную необходимость в религии из того факта, что духу требуется воплощение, чтобы стать реальным (действенным). Легко говорить, что Священное, или Предельное, или Слово содержится в сфере секулярного. Я и сам заявлял об этом множество раз. Однако утверждать, что нечто находится внутри чего-то, можно только в том случае, если оно может находиться хотя бы вне его. Другими словами, то, что находится внутри чего-то, и то, внутри чего оно находится, должны иметь возможность различаться. Их проявления должны быть в чем-то разными. Вопрос заключается в следующем: чем отличается просто секулярное от секулярного, которое могло бы стать предметом секулярной теологии?

Скажу то же самое в хорошо знакомой, понятной форме. Творцы Реформации были правы, когда утверждали, что каждый день есть День Господа, и тем самым снижали сакральный характер седьмого дня. Однако, для того чтобы это утверждать, необходимо исходить из существования Дня Господа, причем из того, что он не просто случился когда-то в прошлом, но существует и сейчас как противовес потоку секулярного. Вот почему необходим разговор о Боге, каким бы нетрадиционным был его язык. Это делает возможным серьезное утверждение важности истории религии.

Поэтому мы как теологи должны сломать два барьера, препятствующих свободному подходу к истории религий, преграды исключительности собственной религии и секулярного нигилиз-

ма. Термин «религия» уже сам по себе представляет для теолога-систематика серьезную проблему, причем положение усугубляется тем обстоятельством, что две линии сопротивления, хотя и находятся с противоположных сторон, часто вступают в союз. Так бывало прежде, то же происходит и теперь.

Для обеих сторон характерен редуционизм, и обе стремятся оставить от христианства только фигуру Иисуса из Назарета. Неоортодоксия представляет его как единственное место, где может быть услышано слово откровения. Секуляристы превращают его в представителя теологически значимой секулярности. Но это можно сделать только в том случае, если образ и весть Иисуса сами радикально редуцированы. Он должен быть сведен к воплощению этического призыва, особенно социальной направленности. Таким образом, единственное, что остается от вестей Христа, это этический призыв. В таком случае история религии, будь то иудаизм или христианство, конечно, больше не нужна. Следовательно, чтобы иметь возможность понять и оценить важность и значение истории религий, необходимо разбить иисусоцентричный союз противоположных полюсов, сторонников неоортодоксии и секуляризма.

Теперь я перехожу к своему соображению, речь идет об истории религий. Традиционное представление об истории религий ограничивается содержанием Ветхого и Нового Заветов и дополняется церковной историей в качестве продолжения. Различия между другими религиями в расчет не принимаются. Подразумевается, что все они представляет собой извращение изначально откровения, но не обладают собственным опытом откровения, ценным для христианской теологии. Это языческие религии, они не несут ни откровения, ни спасения. В действительности этот принцип никогда полностью не проводился. Как евреи, так и христиане испытывали религиозное влияние со стороны религий, покоренных ими или покоривших их народов. Нередко эти религии почти душили иудаизм и христианство, что приводило к ответным бурным реакциям с их стороны.

Следовательно, если мы принимаем название этой лекции «Значение истории религий для теолога-систематика», нам необходима такая теология истории религий, в которой позитивная оценка всеобщего откровения уравновешивает критическую оценку. Необходимы обе. Такая теология истории религий помо-

жет теологам-систематикам понять современную ситуацию и особенности нашего собственного места в истории его таинственный характер. Это все еще сохраняется в высших религиях, в их таинствах, и я убежден, что в ином случае религиозная группа превращается в клуб нравственности, что и произошло в большой мере с протестантизмом, потому что он утратил сакраментальную основу. Затем существует второй элемент, а именно, критическое движение против демонизации сакраментального, т. е. против превращения его в объект, которым можно манипулировать. Этот элемент реализуется в разнообразных критических подходах. Первый из этих критических движений – мистицизм, отражающий неудовлетворенность всяким конкретным проявлением Предельного, Священного. Человек выходит за пределы такого проявления и идет к единому, лежащему за пределами всего многообразия. Священное как Предельное находится за пределами любого из своих воплощений.

Воплощения оправданы. Они допустимы, но вторичны. Необходимо выйти за их пределы, чтобы достичь высшего, самого Предельного. Частное отвергается ради Предельного. Конфетное обесценивается. Третий элемент религиозного опыта – элемент должного. Это этический, или пророческий элемент. Здесь сакраментальное подвергается критике из-за своих демонических последствий, таких, как отрицание справедливости во имя святости. Эта критика вылилась в настоящую войну еврейских пророков против ритуалистической религии. В некоторых высказываниях Амоса и Осии это доходит до отрицания всего культа. Критика сакраментальной основы имеет решающее значение для иудаизма и составляет один из элементов христианства. Однако я снова должен подчеркнуть, что, если религиозный опыт лишается сакраментального и мистического элементов, он ведет к морализму и в конце концов к секуляризму.

Мне хотелось бы описать единство этих трех элементов в религии, которую можно было бы назвать (я колеблюсь, но не нахожу более удачного выражения) «религией конкретного духа». Вероятно, можно сказать, что внутренний телос (т. е. внутренняя цель вещи, например телос желудка – стать деревом) внутренняя цель истории религий состоит в том, чтобы возникла религия конкретного духа. Однако эту религию конкретного духа нельзя отождествить ни с одной реально существующей религией, даже

с христианством в его качестве религии. Тем не менее я осмелюсь утверждать (конечно, в качестве протестантского теолога), что, по моему убеждению, не существует более высокого выражения, чем тот, что я назвал синтезом этих трех элементов, чем Павлово учение о Духе.

Здесь мы находим соединение двух фундаментальных элементов – экстатического и рационального. Существует экстаз, однако высшее порождение экстаза есть любовь в смысле агапе. Существует экстаз, однако другое порождение экстаза есть гносис, т. е. знание о Боге. Это знание, а не беспорядок и хаос. Позитивное и негативное соотношение между этими элементами, или мотивами, сообщает истории религий ее динамический характер. Внутренний телос, о котором я говорил, религия конкретного духа, есть то, к чему все стремится. Тем не менее нельзя видеть в этом просто ожидание чего-то в будущем. Она появляется везде в борьбе с демоническим сопротивлением сакраментальной основы и с демоническим и секуляристским искажением, характерным для критики сакраментальной основы. Религия конкретного духа проявляется фрагментарным образом в разные моменты истории религий. Нам, следовательно, необходимо впитать прошлую историю религий и таким способом ее упразднить. Но у нас есть подлинная живая традиция, состоящая из моментов, когда этот великий синтез реализовался, хотя и фрагментарно. В этом смысле всю историю религий можно рассматривать как борьбу за религию конкретного духа, борьбу Бога против религии внутри религии. И эта формула – борьба Бога против религии внутри религии могла бы стать ключом к пониманию чрезвычайно хаотичной (или по крайней мере кажущейся хаотичной) истории религий.

И вот мы в своем качестве христиан видим в появлении Иисуса как Христа решительную победу в этой борьбе. Есть древний символ для обозначения Христа – *Christus Victor*, и его вновь можно использовать при подходе к истории религий. И таким образом в Новом Завете он уже связывается с победой над демонической властью и астрологическими силами. Он указывает, что победа, одержанная на кресте, стала отрицанием любых демонических притязаний. И я думаю, мы здесь сразу видим, что этот символ в состоянии дать нам христологический подход, способный избавить нас от многочисленных тупиков, куда с самого начала зашли

христианские церкви в результате христологических дискуссий. Таким образом, возобновление в истории тех решающих моментов, благоприятных моментов, когда фрагментарным образом реализуется религия конкретного духа, может происходить повсеместно. Критерием для нас, как христиан, служит событие креста. То, что произошло там символическим образом, что дает нам критерий, происходит фрагментарно также и в других местах и в другие моменты, происходит и будет происходить, даже если исторически или эмпирически эти события не связаны с крестом.

Теперь я перехожу к вопросу, стоящему в центре нашей конференции: как связана эта динамика истории религий с отношением между религиозным и секулярным? Священное не только открыто для демонизации и борьбы Бога против религии, т. е. борьбы против скрытых демонических смыслов религии, Священное открыто также и для секуляризации. А демонизация и секуляризация связаны между собой постольку, поскольку секуляризация есть третья и наиболее радикальная форма дедемонизации. И вот в этом состоит очень важная идея систематики.

Вы знаете значение слова profane – «находиться перед дверями святилища», и значение слова «секулярный» – «принадлежащий миру». В обоих случаях кто-то оставляет экстатический, таинственный страх перед Священным ради мира обычных рациональных структур. С этим легко было бы бороться, т. е. удерживать людей в святилище, если бы секулярное само не обладало критической религиозной функцией. Именно это делает проблему столь серьезной. Секулярное есть рациональное, а рациональное должно оценивать иррациональность Священного. Оно должно судить о его демонизации. Рациональная структура, о которой я говорю, подразумевает моральное, правовое, познавательное и эстетическое. Освящение, которое жизни дает Священное, одновременно означает подчинение жизни экстатическим формам Священного и подавление внутренних требований блага, справедливости, истины и красоты. Происходящая в таком контексте секуляризация несет освобождение.

В этом смысле и пророки, и мистики были предшественниками секуляризации. Священное превращалось в нравственно благое или философски истинное, а затем в научно истинное или эстетически выразительное. Однако далее обнаруживается глубо-

кая диалектика. Секулярное проявляет свою неспособность жить само по себе. Секулярное право в борьбе против господства Священного, однако оно становится пустым и оказывается жертвой того, что я называю квазирелигиями. А эти квазирелигии подразумевают подавление, подобное тому, что присуще демоническим элементам религий. Но, как показал наш век, квазирелигии хуже, потому что они не обладают глубиной и богатством подлинных религиозных традиций.

И здесь появляется еще один тепос, внутренняя цель истории религий. Я называю его теонимией, от теос – «Бог» и номос – «закон». Если автономные силы знания, эстетики, права и морали указывают на предельный смысл жизни, то мы имеем дело с теонимией. Тогда они не подчинены, а своим внутренним бытием выходят за собственные пределы, указывая на Предельное. В действительности происходит другая динамическая борьба, а именно борьба между освящением жизни, ставшей гетерономной, и самореализацией всех культурных функций, ставших автономными и пустыми.

Теонимия проявляется в том, что я назвал религией конкретного духа, всегда только фрагментарно, неполно. Ее осуществление – это эсхатология, ее цель – ожидание, устремленное за пределы времени, в вечность. Этот теонимический элемент во взаимосвязи сакрального и секулярного есть элемент структуры религии конкретного духа. Он, конечно, прогрессивен, как и всякое действие. Даже чтение лекции несет в себе тенденцию движения вперед в каком-то направлении, но она не прогрессивна, так как не предполагает временного завершения. И здесь я расхожусь с Тейяром де Шарденом, с которым ощущаю большую близость во многих отношениях.

А теперь я выскажу свое третье и последнее соображение: речь идет об интерпретации теологической традиции в свете религиозных феноменов. Я хочу рассказать о замечательном ученом Адольфе Гарнаке, который был моим старшим коллегой по Берлинскому университету. Однажды он сказал, что в своей истории христианство охватывает все элементы истории религий. Эта идея отчасти была правильной, но он не провел ее последовательно. Он не понимал, что если это верно, то между всей историей религии и историей христианской Церкви должна существовать гораздо более позитивная взаимосвязь. В результате он свел собственную

конструктивную теологию к своего рода буржуазной, индивидуалистической, моралистической теологии.

Здесь я хочу выразить благодарность своему другу профессору Элиаде за продолжавшиеся два года семинары и сотрудничество. В ходе этих семинаров я ощутил, как каждое отдельное доктринальное положение или ритуальное выражение христианства приобретает новую глубину. Я должен заметить (это своего рода оправдание, но вместе с тем и самокритика), что моя собственная «Систематическая теология» была написана до этих семинаров и имела другую цель: она была задумана как апологетическое выступление против секулярного и как дискуссия с ним. Цель этой книги заключалась в том, чтобы ответить на вопросы, возникающие в результате научной и философской критики христианства. Однако необходимо, по-видимому, более продолжительное и более интенсивное взаимо-проникновение исследований систематической теологии и истории религий. В такой ситуации структура религиозной мысли могла бы развиваться по-иному, в связи с разнообразием фрагментарных проявлений теонмии, или религии конкретного духа. Я надеюсь, что в будущем это осуществится в теологии.

Чтобы обнаружить такую возможность, теологу-систематику следует обратить внимание на то, как метод истории религий позволяет выделить частное. Это проявляется в двух негативных выступлениях: против теологии сверхъестественного и против естественной теологии.

Во-первых, существует метод теологии сверхъестественного – тот способ, каким идея Бога сформулирована классической протестантской ортодоксией в систематической теологии. Это представление о Боге проявляется в свидетельствах откровения, которые рассматриваются как богодухновенные, а не как подготовленные историей. Согласно христианской ортодоксии, эти воззрения можно найти в книгах Библии, а согласно исламу – в Коране. Исходя из этого догматические положения составляются Церковью на основании материала священных книг, обычно в связи с доктринальной борьбой, и формулируются в символах веры или в официально принятых вероучительных документах, а теологически интерпретируются с помощью философии. Все это проделывается без попыток выйти за пределы того круга откровения, который называется собственной религией или верой. Подобный метод господствует

во всех христианских церквях. Во-вторых, существует метод естественной теологии – философское выведение религиозных понятий из анализа реальности, воспринимаемой в целом, и особенно из анализа структуры человеческой души. Часто эти понятия (Бога и другие) затем связываются с традиционными доктринами, но иногда не связываются.

Это два главных, традиционно используемых метода. Что касается метода истории религий, то он действует следующим образом: сначала используется материал традиции, который экзистенциально переживается теми, кто ведет теологическую работу. Но так как историк религий работает теологически, то он должен сохранять дистанцию, необходимую для изучения всякой реальности. Это первый шаг. На втором этапе историк религий заимствует у естественной теологии метод анализа души и реальности, чтобы показать место религиозного вопроса в человеческом опыте, внутри нас самих и внутри нашего мира, например, опыт конечности, опыт захваченности смыслом бытия, опыт Священного как Священного, и т. д. Третий шаг состоит в том, чтобы представить феноменологию религии, рассматривая прежде всего те явления, которые выступают в истории религии. Это символы, ритуалы, идеи и разнообразные действия. Четвертый шаг заключается в попытке показать соотношение этих явлений (их соотношенность, различия, противоречия) с традиционными представлениями и вытекающими отсюда проблемами. Наконец, историк религий стремится поместить заново интерпретированные представления в контекст динамики религиозной и секулярной истории, особенно в контекст современной религиозной и культурной ситуации. Итак, эти пять шагов включают элементы ранее названных методов, но они используются в контексте истории человечества применительно к его опыту, выраженному в великих символах религиозной истории. Что касается последнего шага, а именно соотношения всего с современной ситуацией, то он дает еще одно преимущество, или, если угодно, новый элемент истины. Он дает возможность понять религиозные символы в связи с социальной основой, из которой они выросли и в которую мы вновь должны их сегодня поместить. Это чрезвычайно важный шаг. Религиозные символы не падают с неба. Они укоренены во всем человеческом опыте, включая все непосредственные условия, в том числе политические и экономи-

ческие. Тогда символы отчасти могут быть поняты в качестве протеста против этих условий, что имеет очень важное значение для нашего метода изучения символов.

Второй позитивный результат применяемого нами метода заключается в том, что он позволяет использовать религиозный символизм в качестве языка учения о человеке, в качестве языка антропологии – не в эмпирическом смысле этого слова, а в смысле учения о человеке, в его истинной природе. Религиозные символы говорят нам нечто о том, каким образом люди себя понимают. Хорошей иллюстрацией этого может служить та роль, которая отводится понятию греха в христианстве, в отличие от ислама. Здесь видно фундаментальное различие в самоинтерпретации двух великих религий и культур, в понимании человека в его качестве человека. Мы расширяем наше понимание природы человека больше, чем это позволяет любое конкретное психологическое исследование. И вот мое заключительное слово. Какое значение имеет все сказанное для отношения теолога к его собственному методу? Его теология остается укорененной в своей опытной основе. Без этого невозможна вообще никакая теология. Тем не менее, теолог стремится сформулировать основополагающий опыт, обладающий универсальным значением, в универсально значимых утверждениях. Но универсальность религиозного утверждения заключается не во всеохватывающей абстракции (ибо она разрушила бы религию как таковую), а в глубинах каждой конкретной религии. И главное, она заключается в открытости для духовной свободы, свободы от наших собственных оснований и для наших собственных оснований.

БУЛГАКОВ С. Н.

Свет не вечерний

Произведение «Свет не вечерний» русского философа и священника Сергея Николаевича Булгакова (1871–1944 г.) – одно из главных его произведений в области философии религии; создавалось с 1911 по 1916 гг. Данная работа (ниже помещен незначительный фрагмент ее «Введения») отражает смысл поиска «религиозного единства жизни» русской интеллигенцией в эпоху русского религи-

озно-философского Ренессанса (в начале XX века). Она представляет собой смелую попытку создания «христианской философии». Во «Введении» этой книги С.Н. Булгаков анализирует трансцендентную (духовную) природу религии и религиозного сознания и веры, настаивая на невыводимости религии из других сфер жизненного (индивидуального, социального, культурного и др.) опыта человека и ее универсальном значении.

Введение

Природа религиозного сознания

Как возможна религия?

Религия представляет собой настолько универсальный факт человеческой жизни, что просто его отрицать никому невозможно. Если и скажут, что религия не может в настоящее время считаться свойственной в одинаковой мере всему человечеству, то ведь не надо забывать, что этот же аргумент еще в большей степени применим к эстетике, этике, даже науке. [...]

Возможно оспаривать автономность, первообразность религиозного сознания, признавая за религией только гетерономное существование в качестве производного атрибута или же видя в ней лишь преходящую ступень развития сознания. Пример подобного отношения являет тот же Кант, который в число своих систематически распланированных критик, по мысли его, имеющих обследовать все основные направления и исчерпать все содержание сознания, не включил, однако, особой «критики силы религиозного суждения», между тем, как известно, что трансцендентальная характеристика религии запрятана у него во все три его критики. И это потому, что он не видел в религии самостоятельной области духа, и не считал религиозного сознания совершенно особой, самобытной стихией сознания вообще, но рассматривал религию исключительно в плоскости этики, считая ее как бы музыкой морали и, пожалуй, ее восполнением. Вне же этики религия, по Канту, не имеет и не должна иметь особого бытия: независимая от морали религиозность, непосредственное почитание Бога, связанное с положительной религией, неизменно клеймится Кантом [...], и лишь ограничение понимания религии рамками чистой

морали предохраняет, по его мнению, теологию от превращения в «теософию или демонологию», а «религию – в теургию или идололатрию». Религия вне морального ее трактования кажется ему идолопоклонством. Такое доктринальное предубеждение против самостоятельного трактования сущности религии и эта догматическая нетерпимость в отношении к религии, конечно, составляют личную особенность Канта и не имеют под собой твердой опоры даже в его собственном философствовании. В своем отношении к общей проблеме религии Кант был ослеплен и загнипотизирован собственной религиозной доктриной и потому не мог посвятить трансцендентальному исследованию этой проблемы того внимания, которого именно от него требовала бы логика трансцендентализма и простая последовательность. Кант является, конечно, не единственным, кому доктринальная предубежденность закрывает глаза на самостоятельную проблему религии. Не говоря уже о многочисленных представителях слепого, фанатического атеизма, у которых практическое отношение к религии выражается в ненависти к ней, здесь в первую очередь следует назвать представителей немецкого идеализма Фихте и Гегеля, которые одинаково низводят религию с принадлежащего ей места и отдают в подчинение этике, либо философии. Особенно показателен в этом отношении Гегель, для коего религия обозначает лишь ступень, и не самую высшую, в самосознании духа, и потому она преодолевается в философии.

Для того чтобы поставить трансцендентальную проблему религии, нужно только не иметь никакой предубежденности, ни метафизической или спекулятивной, ни догматической, ни эмпирической. Нужно смотреть на жизнь открытыми, простыми глазами и уделить всемирно-историческому факту религии то внимание, которое ему естественно принадлежит, даже хотя бы в силу ее распространенности. И прежде всего, что такое религия? В чем выражается своеобразие религиозного переживания? В чем состоит качество *религиозного вообще*? При ответе на этот вопрос в тех многочисленных определениях религии, которые делаются в религиозно-философской литературе, в большинстве случаев делается попытка установить те или иные черты (или задачи) истинной религиозности, иначе говоря, высказывается нормативное суждение о том, чем должна или может быть религия в наиболее совершенной форме. Напротив, данная нами постановка вопроса преследует пока чисто формальные цели, так сказать, трансценден-

тального анализа религии. Мы хотим установить те черты, без которых невозможна религия, гаснет *религиозное* сознание, которые его, следовательно, конституируют. Мы стремимся обнаружить [...] основные категории религиозного суждения. Направление, в котором следует искать такое определение, дано уже в самом слове, выражающем основное существо религии и содержащем поэтому суммарную мысль о ней: *religio – religare* – связь, связывать, соединять. В религии устанавливается и переживается *связь*, связь человека с тем, что выше человека. В основе религиозного отношения лежит поэтому основной и неустранимый *дуализм*: в религии, какова бы она ни была в своей конкретной форме, есть всегда два начала, два полюса. Религия (как это справедливо заметил Фейербах) всегда есть раздвоение человека с самим собой, отношение его к себе как к другому, второму, не-одному, не-единственному, но связанному, соединенному, соотносящемуся. В религии человек ощущает, что его видят и знают, прежде чем он сам себя узнал, но вместе с тем он сознает себя удаленным, отторгнутым от этого благого источника жизни, с которым стремится восстановить связь, установить религию. Итак, в самой общей форме можно дать такое определение религии: религия есть опознание Бога и переживание связи с Богом. Если эту религиозную формулу перевести на язык философский, она получит такое выражение: религия есть переживание трансцендентного, становящегося постольку имманентным, однако при сохранении своей трансцендентности, переживание трансцендентно-имманентного. Не следует бояться логической противоположности этих признаков, ибо то, что ими выражается, в своем живом процессе гибче и пластичнее, нежели угловатые, неподвижные логические определения. Впрочем, на пути точного трансцендентального анализа здесь и нет выбора – в религии неизбежно приходится иметь дело с этой сопряженностью противоположных логических полюсов, их взаимоотталкиванием и постоянным притяжением: в категориях религии *трансцендентно-имманентное* есть основное формальное понятие, в котором осознается связь с божеством. Таково общечеловеческое понимание религии, *communis opinio gentium*, таково же и ее «трансцендентальное» определение, которое нам надлежит далее анализировать.

Для того чтобы утверждать своеобразную свою природу (а не быть только музыкой этики, или же незрелым, несовер-

шенным философствованием), религия должна обладать своим особым органом. Религиозное переживание должно качественно отличаться от смежных и соприкасающихся с ним областей жизни духа. Религия должна иметь как бы свою особую логику, устанавливать свою собственную достоверность (как имеет ее хотя бы чувство прекрасного, орган эстетического восприятия), она должна иметь око умного видения, проникающего к действительности высшей, куда не достигает ни умственное, ни физическое око. Религиозное переживание удостоверяет человека в реальности иного, божественного мира не тем, что доказывает его существование или разными доводами убеждает в необходимости последнего, но тем, что приводит его в живую, непосредственную связь с религиозной действительностью, ему ее *показывает*. На подлинно религиозный путь вступил лишь тот человек, кто реально на своей жизненной дороге встретился с божеством, кого настигло оно, на кого излилось превосмогающей своей силой. Религиозный опыт в своей непосредственности не есть ни научный, ни философский, ни эстетический, ни этический, и, подобно тому как умом нельзя познать красоту (а можно о ней только подумать), так лишь бледное представление о опаляющем огне религиозного переживания дается мыслью. Чтобы постигнуть религию, познать *specificum* религиозного в его своеобразии, нужно изучать жизнь тех, кто является *гением* в религии (как и для эстетики, законы красоты устанавливаются ведь не курсами профессоров эстетики, но творческими созданиями художественного гения). Жизнь святых, подвижников, пророков, основателей религий и живые памятники религии: письменность, культ, обычай, словом, то, что можно назвать *феноменологией* религии, – вот что, наряду с личным опытом каждого, вернее вводит в познание в области религии, нежели отвлеченное о ней философствование. [...]

ОЛПОРТ Г.

Становление личности. Религиозное чувство

Систематическое исследование американского психолога Гордона Виларта Олпорта (Gordon Willard Allport, 1897–1967 г.) «Индивид и религия» (1950 г.), несмотря на то, что относится к

классическим работам в области психологии религии, до сих пор не издано на русском языке. Представленный фрагмент из собрания работ Г. Олпорта под общим названием «Становление личности» дает общее понятие о его подходе к пониманию феномена религии и посвящен пониманию становления религиозного чувства в психологическом мире личности.

Г. Олпорт был убежден, что религия – явление многофакторное, необусловленное одним «чувством» или «потребностью», и сведение ее к какому-либо одному фактору или источнику будет означать неизбежное искажение и упрощение ее природы. Невозможно создать единую «стандартную модель» религиозного опыта, поскольку на религиозно-психологическое развитие индивида влияние оказывают и физиологические факторы, и умственные способности, и его ценности, и сознательные и бессознательные духовные стремления. По мнению Г. Олпорта в формировании религиозности человека кроется отражение духовной зрелости его личности, поскольку именно религия дает человеку «всеохватывающую теорию жизни» и помогает ответить на вопросы о смысле жизни и предельных аспектах его бытия.

Если мы спросим, много ли внесла психология в наше понимание религиозной природы человека, ответ будет: «Меньше, чем хотелось бы». Мы можем объяснить и до некоторой степени оправдать это отставание ссылками на трудность научно-психологической разработки более сложных стадий развития. Теперь мы в состоянии понять, что религиозное чувство связано с трудноуловимыми гранями становления, включая собственное стремление, зрелую совесть и интенциональность.

Правда, можно отметить три линии научного прогресса в этом вопросе. 1. Уильям Джеймс в своем исследовании многообразия религиозного опыта дал нам замечательную типологию, которую, несмотря на имеющиеся в ней неточности, трудно улучшить. 2. Современные методы анкетирования и интервью дают надежные (пусть и поверхностные) данные о степени выраженности религиозных верований и мнений. 3. Глубинная психология заставила нас осознать роль бессознательных процессов, особенно тех, которые препятствуют нормальному интегрированному развитию. Одна из главных заслуг глубинной психологии – ее здоровое предостережение от проецирования своих собственных чувств

в научную дискуссию. Опасность проекции, конечно, особенно остра в дискуссиях по поводу религии, где так распространены двусмысленности.

Если, однако, наш набросок процесса становления верен, то из него вытекают определенные последствия для психологического понимания религии. Прежде всего, не следует упрощенно рассматривать религиозное чувство взрослого человека просто как повторение детских переживаний. Иногда ребенок может переносить образ своего земного отца на Отца небесного, но неверно говорить, что так же делают все религиозные взрослые. Правда, некоторые взрослые могут не перерасти свою тенденцию цепляться за участливое божество, которое (подобно сверхнисходительному родителю) всегда внемлет особо истовым мольбам. Однако здоровый человек, обладающий нормальным интеллектом, пониманием и эмоциональной зрелостью, знает, что невозможно решить жизненную проблему путем принятия желаемого за действительное или излечить собственную неполноценность фантазированием. Чтобы излечить свою фрагментарность, он должен найти что-то более убедительное, чем сама эта фрагментарность. Следовательно, развитая личность не будет фабриковать свою религию из некоего эмоционального фрагмента, а будет искать теорию Бытия, в которой все фрагменты осмысленно упорядочены.

Поэтому развитое религиозное чувство нельзя понять, исходя из его эмпирических истоков. Дело не в зависимости и не в реконструкции семейной или культурной конфигурации, это не просто профилактика против страха и это не исключительно рациональная система убеждений. Любая отдельная формула сама по себе слишком частична. Развитое религиозное чувство – это синтез этих и многих других факторов, совместно формирующих целостную установку индивида на осмысленную связь со всем Бытием.

До пубертатного возраста невозможно чувствовать себя осмысленно связанным со всем Бытием. Этот факт помогает объяснить односторонность многих психологических рассуждений о религиозности. Становление в предпубертатных возрастах изучалось гораздо более основательно, чем в подростковом и позднейших возрастах. Поэтому понятно, что на переднем плане у нас находятся факторы, влияющие на детское религиозное чувство: семейность, зависимость, авторитет, принятие желаемого за действительное и магическая практика.

Однако процесс становления продолжается всю жизнь, поэтому мы справедливо ожидаем найти полностью развитое религиозное чувство только у взрослой личности. Взрослый разум (при условии, что он еще развивается) распространяет свои рациональные способности как можно дальше с помощью логики индукции, дедукции и оценки вероятностей. А пока интеллект напрягается, индивид обнаруживает, что его честолюбие требует защиты от почти гарантированной неудачи интеллекта. Он учится тому, что для преодоления сложностей свирепого мира ему также нужны вера и любовь. Эта религия, соединяющая разум, веру и любовь, становится для него морально истинной. Религиозные люди утверждают, что она истинна и метафизически, так как они чувствуют, что внешнее откровение и мистическое переживание принесло им сверхъестественную уверенность. Таким образом, гарантией уверенности служит общая ориентация, которую человек обретает в своих поисках объемлющей системы верований, способной связать его с Бытием как целым.

Говоря психологически, мы должны указать на тесную аналогию, существующую между религиозной ориентацией и всеми другими высокоуровневыми схемами, влияющими на ход становления. Каждый человек, религиозно настроенный или нет, обладает своими собственными предельными постулатами. Он обнаруживает, что не может жить без них, и для него они – истины. Такие постулаты, называются ли они идеологиями, философиями, понятиями или просто предчувствиями относительно жизни, оказывают креативное давление на все подконтрольное им поведение (т. е. почти на *все* поведение человека).

Ошибка психоаналитической теории религии, формулируемая в ее собственных терминах, лежит в причислении религиозных верований исключительно к защитным функциям эго, а не к сердцевине, центру и сути самого развивающегося эго. Религия, несомненно, защищает индивида против вторжений тревоги, сомнений и отчаяния, но она также обеспечивает перспективное намерение, которое позволяет ему на каждой стадии становления осмысленно связывать себя с тотальностью Бытия.

Рассуждая так, мы можем ожидать, что взрослые люди (в большинстве) будут религиозны. Фактически, так оно и есть. Однако они

бесконечно отличаются друг от друга по формам и относительной зрелости религиозных взглядов, а также по степени влияния этих взглядов на их жизнь. Иначе и быть не может, ибо религиозное становление находится под влиянием нашего темперамента и образования, и может как развиваться, так и останавливаться. Из-за действия некоторых задерживающих развитие сил индивид остается в плену инфантильных, своекорыстных и суеверных религиозных взглядов. Невротическое ощущение небезопасности может требовать для успокоения немедленного выполнения навязчивых ритуалов. Иногда из-за крайней ригидности домашнего и церковного воспитания ребенок приобретает только частичный критерий для проверки правды и в результате может либо стать ярым фанатиком, либо в последующие годы восстать против своего воспитания и принять негативную установку безверия. Есть много обстоятельств, ведущих к остановке развития.

Во всех фазах становления может произойти остановка. Психопатию можно рассматривать как остановку расширения *эго*, из-за которой не возникает чувство морального обязательства. Эксгибиционизм и другие извращения – это остановки в генитальном развитии, нарциссизм – остановка в развитии образа *себя*. Инфантилизм – это остановка в развитии, связанная с императивной потребностью в комфорте и безопасности или самоуважении. Неверие может быть или продуктом зрелых размышлений, или реакцией против родительского (или племенного) авторитета, или результатом одностороннего интеллектуального развития, исключающего другие области нормального любопытства. Есть много личностей, усердно и эффективно одолевших все фазы становления, но так и не озадачившихся обретением осмысленной связи с Бытием. По какой-то причине в этой точке их любопытство остановилось.

Другие, однако, полностью посвящают себя этой задаче. Религиозное стремление становится их кардинальной характеристикой. Им кажется, что только религиозная форма личного стремления стоит затраченного времени. Оно дает им синтез всего, что находится внутри переживаний, и всего, что находится за их пределами. Оно контролирует расширяющиеся границы личности. Такие индивиды применяют свою способность к самообъективации, беспристрастно рассматривая свой разум и свою

неразумность, видя ограниченность того и другого. Они держат в поле зрения и свой образ себя и идеальный образ себя, тем самым располагая критерием для совести. Они проводят различие между своим личным стремлением и адаптивным приспособлением, таким образом проводя различие между важным делом и просто фактами. Они взвешивают вероятности в теологической области и, в конце концов, утверждают видение жизни, которое оставляет неохваченным минимум возможного. Хотя это и очень не прямой путь, но именно так, по-видимому, зрелые личности принимают и утверждают религиозные предпосылки своего хода становления.

Будучи наукой, психология не может ни доказать, ни опровергнуть претензии религии на истину. Однако она может объяснить, почему эти претензии так многочисленны и различны. Они представляют собой конечные смыслы, достигнутые уникальными личностями в разных странах в разные времена. Организованные религиозные течения отражают сравнимые группы смыслов, внутри которых уникальные смыслы, достигнутые индивидами, могут группироваться в целях коммуникации и общего религиозного служения.

Психология может осветить область религиозного чувства, проследив путь его становления до конечных границ роста. Она может изучать человека как представителя своего вида, как воплощение многих адаптивных приспособлений и как продукт племенного формирования. Но она может также изучать его как уверенного в себе, самокритичного и самосовершенствующегося индивида, чья наиболее отличительная способность – страсть к целостности и к осмысленным отношениям со всем Бытием. Обращаясь к полному ходу становления (не упуская ни единого свидетельства и ни одного уровня развития), психология может постепенно увеличить самопознание человека. И с увеличением самопознания человек будет в состоянии более здраво и мудро отдаваться процессу творчества.

Конечные истины религии непостижимы, но психология, которая препятствует пониманию религиозных возможностей человека, едва ли заслуживает того, чтобы вообще называться наукой о человеческой душе.

ЛИФТОН Р.

Технология «промывки мозгов»: Психология тоталитаризма

Книга американского психиатра и писателя Роберта Джея Лифтона (Robert Jay Lifton; родился 16 декабря 1926, г. Нью-Йорк, США) «Технология «промывки мозгов»: Психология тоталитаризма» (англ. издание *Thought Reform and the Psychology of Totalism*, 1961 г.) в большей мере посвящена исследованию психологических причин и следствий войн и политического насилия, а также теории «реформирования мышления». Эмпирическим основанием исследования явились свидетельства людей, подвергшихся «промыванию мозгов» со стороны коммунистического тоталитаризма китайского государства. Р. Лифтон фактически собрал «истории болезни» посредством личных бесед и выделил некоторый тематический шаблон подавления личности, сопровождающийся чувством вины, который характерен для процесса «исправления» или «реформирования» мышления при тоталитаризме разного рода.

При этом в новом предисловии к книге (1989 г.) Р. Лифтон обращает внимание на то, что его модель исследования имеет значение и для изучения религиозных культов, претендующих на контроль сознания и «реформирование мышления» («тоталитарных систем верования», «религиозного фундаментализма» и т. п.).

Предисловие (1989 г.)

Теперь, через двадцать восемь лет, изменилось мое собственное восприятие этой книги. Я рассматриваю ее не столько как характеристику маоистского Китая, сколько как изыскания в сфере того, что, возможно, является наиболее опасным направлением в сознании двадцатого века, – в сфере поисков абсолютных или «тоталитарных» систем верований.

Действительно, эти поиски не породили ничего, кроме всемирной эпидемии политического и религиозного фундаментализма – движений, характеризующихся буквальным восприятием священных текстов как содержащих абсолютную истину для всех людей и представляющих собой мандат для воинственных, часто

насильственных, мер, предпринимаемых против четко обозначенных врагов этой истины или простых неверующих. Эта эпидемия включает в себя фундаменталистские версии существующих религий и политических движений наравне с недавно возникшими группами, которые могут комбинировать несоизмеримые идеологические элементы.

Последние группы часто называют *культами*, словом, которое сейчас приобрело некий оттенок бранного, так что некоторые обозреватели предпочитают термин *новые религии*. Но я думаю, что мы можем говорить о культурах как о группах с некоторыми конкретными характерными признаками: во-первых, наличие харизматического лидера, склонного все более и более превращаться в объект поклонения вместо проповеди более общих духовных принципов, в защиту которых выступает данная группа; во вторых, существование моделей «исправления мышления», похожих на те, что описаны в этой книге и особенно в Главе 22; и, в-третьих, тенденция к манипулированию сверху при значительной эксплуатации (экономической, сексуальной или другой) рядовых приверженцев или новичков, привносящих свой идеализм снизу.

Действительно, эта книга в значительной степени ответственна за мое вовлечение в эти споры. Когда в конце 1970-х и в 1980-х годах развелось множество культов, я все чаще стал слышать, что Глава 22 использовалась для различных форм «депрограммирования» рекрутов культа, а затем то, что та же самая глава изучалась лидерами культов, якобы с целью отмежевания их групп от описанных мною моделей. Молодые люди, втянутые в культы, и их родители начали консультироваться со мной об этих общих моделях. Я чувствовал, что мне следует прояснить свою позицию, подготовив новый очерк о формировании культов и тоталитаризме в моем последнем сборнике *The Future of Immortality and Other Essays for a Nuclear Age* (1987) (*Будущее бессмертия и другие очерки для ядерного века*), но я был особенно доволен тем, насколько это раннее издание об «исправлении мышления» остается самым важным в литературе по культам и по тоталитаризму вообще.

За эти годы тенденции к тоталитаризму в самом Китае ослабли, сократились и определенные программы «исправления мышления». Но это произошло только после жестокого подтверждения тоталитарного поведения в ходе Великой пролетарской куль-

турной революции конца 1960-х и начала 1970-х годов. Я имел возможность изучать этот переворот и увидел в нем попытку со стороны стареющего Мао Цзэдуна призвать молодежь к общему походу во имя утверждения порождающей бессмертие мощи самой революции, и поэтому озаглавил свою работу *Revolutionary Immortality: Mao Tse-Tung and the Chinese Revolution* (1968) (*Революционное бессмертие: Мао Цзэдун и китайская революция*). Китайское общество до сих пор приходит в себя после этого крайнего, нередко насильственного мятежа. Последующая тенденция режима, проявляющаяся пароксизмами и рывками, была направлена на повсеместную либерализацию общества, но это никоим образом не устраняет возможность будущих волн тоталитарной политики или проектов «исправления мышления».

Целью этой книги изначально было обеспечение принципами общего характера, выработка критериев для оценки *любой* среды, имеющей отношение к идеологическому тоталитаризму. Подобные модели слишком охотно воспринимаются многочисленными разнообразными группами, большими и маленькими, в качестве средства манипулирования людьми, причем всегда во имя более высокой цели. И не следует забывать, что такие группы могут обладать большой привлекательностью для значительного числа людей.

В недавнем исследовании о нацистской Германии мне довелось исследовать наиболее зловещий изо всех исторических примеров этого явления. Я обнаружил, что конкретный вид тоталитарной идеологии – биологизированное представление об обществе, или то, что я назвал «биомедицинским видением», вкуче с сопровождающими его институтами, установлениями и организациями, мог втянуть совершенно обыкновенных людей в кровавые и жестокие действия. Я понял, что в атмосфере тоталитаризма и жестокости даже фрагменты идеологии вполне могут способствовать участию в убийствах, о чем и написал в книге *The Nazi Doctors: Medical Killing and the Psychology of Genocide* (1986) (*Нацистские врачи: медицинские убийства и психология геноцида*). Между нацистским и китайским коммунистическим применением идиомы «болезни и лечения» существуют параллели, поскольку тоталитарные системы вообще склонны пользоваться этими идиомами. В равной степени существенным является общее различие между нацистским «лечением» с помощью массовых убийств и китайским коммунистическим «лечением» путем «перевоспитания».

Я равным образом обеспокоен современной разнообразностью фундаментализма, которая может содействовать убийствам в таких масштабах, что она затмит даже совершенное нацистами. Это – фундаментализм, связанный с ядерной угрозой. Ядерный фундаментализм может сосредотачиваться на самом оружии, преувеличивать зависимость от него и выступать в роли его сторонника чуть ли не на уровне преклонения. Именно это я называю идеологией ядернизма (нуклеаризма). Оружие становится абсолютной истиной в своей мнимой способности обеспечить уверенность и безопасность, сохранять существование мира, предлагать спасение.

Внешне отличающейся, но по сути родственной формой ядерного фундаментализма является идеология «конца света», в рамках которой ядерный холокост рассматривается как реализация библейского пророчества и неизбежное событие, которое послужит причиной долгожданного второго пришествия Иисуса и воцарения окончательного земного рая. В ходе исследования, которое мы проводили в Центре по насилию и человеческому выживанию в университете Сити (The City University Center on Violence and Human Survival), мы были рады узнать, что даже фундаменталистам с сильной верой в идеи конца света трудно безоглядно отдаваться этой формуле без весьма серьезного раздвоения чувств и неуверенности. Похоже, они тоже отчасти разобрались в жуткой действительности последствий применения ядерного оружия, и им трудно поверить, что Бог способен породить такие ужасы или позволить им произойти. Тем не менее, эти фундаменталистские аттитюды оказались связанными с данным видом оружия различными путями и с меняющейся интенсивностью в значительной части нашего общества, и в ходе процесса они чрезвычайно мешают нюансированному мышлению и нравственному воображению, необходимым, чтобы справиться с ядерной угрозой.

В то время как тоталитаризм – это феномен двадцатого века, требующий современной технологии и системы коммуникаций, тоталитарный склад ума таковым не является. Напротив, он, вероятно, был гораздо шире распространен в предыдущих столетиях. В любом случае он – часть человеческого арсенала, вездесущая потенциальная возможность, легко проявляющаяся в тех случаях, когда ее приводят в действие исторические условия. Новым оказывается потенциал коренным образом выросших последствий тоталитаризма, вплоть до исчезновения человека как вида.

Препятствием для современных тоталитарных идей должен служить тип мудрости, имеющий дело с тем, что я называю осведомленностью человека как вида и собственного «я» этого вида. Осознание того, что при способности нашего вооружения вовсе уничтожить человеческую жизнь восприятие каждого отдельного «я» оказывается связанным с жизнью всех остальных «я» на планете. Моя критическая оценка идеологического тоталитаризма в данной книге имеет своей целью развитие этой ориентации человека как вида.

Часть первая. Проблема

Как это опьяняет, воодушевляет – чувствовать себя Богом-отцом и раздавать направо и налево категорические характеристики дурного нрава и склонностей.

Альбер Камю

Только простые и спокойные речи созревают сами по себе. Ибо смерч не длится целое утро. И ливень с грозой не длится целый день. Кто их автор? Небеса и земля. Но даже они не могут заставить эти неистовые явления продолжаться долго. Насколько же истинно это для поспешных, опрометчивых усилий человека.

Лао-Цзы

Глава 1. Что такое «промывание мозгов»?

Сталкиваясь с бесконечной дискуссией о сущности «промывания мозгов», я иногда вспоминаю сентенцию дзен-буддизма: «Чем больше мы об этом говорим, тем меньше это понимаем». Путаница начинается с самого этого слова, такого нового и в то же время уже превратившегося в очень значительной степени в часть нашего повседневного языка. Впервые его использовал американский журналист Эдвард Хантер для перевода (китайского) разговорного выражения *hsi nao* (буквально оно означает «промывать мозг»). Это выражение он цитировал с подачи своих китайских консультантов, описывавших его применение после коммунистического переворота.

Термин «промывание мозгов» вскоре зажил собственной жизнью. Хотя первоначально он применялся для описания китайских методов индоктринации. Его быстро стали использовать по отношению к российским и восточноевропейским подходам, а затем вообще ко всему, что бы и где бы ни делали коммунисты (как это иллюстрируется утверждением одной известной американской леди, заявившей после поездки в Москву, что русские «промывают мозги» будущим матерям, готовя их к естественным родам). Это слово с неизбежностью проявилось на породившей его территории, иногда со спасительным привлекательным качеством юмора (карикатуры и комиксы *New Yorker*, посвященные детям, «промывающим мозги» родителям, и женам, «промывающим мозги» мужьям), но в других случаях с более мстительным эмоциональным оттенком, когда южные сегрегационисты обвиняли всех, кто одобряет расовое равенство (включая Верховный Суд Соединенных Штатов), в том, что они находятся под влиянием «левого промывания мозгов», или при столь же безответственном его использовании теми, кто выступал против фторирования, против законодательства о психическом здоровье или группами, выступающими почти против чего угодно, нацеливавшими этот термин против своих реальных или воображаемых противников.

Существует сенсационная жутковатая мифология, выросшая вокруг этого термина – «таинственный восточный прием, коварный замысел» или обдуманное применение результатов, полученных Павловым на собаках. Есть и другой вариант мифа, утверждение, что ничего подобного не существует, что это всего лишь фантазия американских корреспондентов.

Наконец, существует более ответственный, даже терзающий самоанализ, заставляющий профессионалов спрашивать себя, не оказываются ли они в процессе своей деятельности виновными в «промывании мозгов»: педагоги – в преподавании, психиатры – в тренингах и психотерапии, теологи – в своих собственных методах исправления. Противники такого рода деятельности без какого-либо подобного мучительного разбора весьма бойко могут провозгласить ее «всего лишь промыванием мозгов». Другие видят «промывание мозгов» в американской рекламе, в учебных программах крупных корпораций, в частных средних школах (для подготовки в высшее учебное заведение) и в исследованиях, про-

водимых Конгрессом. Эти опасения не всегда лишены основания и наводят на мысль, что существует некий континуум от нашего предмета до куда менее крайних видов действий, но беспорядочное употребление данного термина только запутывает поставленный вопрос.

За этой паутиной семантической (и не только семантической) путаницы скрывается образ «промывания мозгов» как всесильного, непреодолимого, непостижимого и магического метода достижения полного контроля над человеческим сознанием. Разумеется, оно не является ничем подобным, и такое вольное применение превращает это слово во вдохновляющую идею, объединяющий принцип для страха, негодования, побудительных мотивов к подчинению, оправдания неудачи, безответственного обвинения и всего обширного диапазона эмоционального экстремизма. Справедливо было бы прийти к заключению, что данный термин далеко не точен и обладает весьма сомнительной пригодностью; вполне можно даже впасть в искушение и забыть о данном предмете в целом, вернувшись к более конструктивным занятиям.

Однако поступать подобным образом означало бы недооценивать одну из главных проблем нашей эры – проблему психологии и этики направленных попыток изменять людей. Ибо, несмотря на злословия термина «промывание мозгов», процесс, который дал повод для возникновения данного выражения, является очень даже реальным: официальная китайская коммунистическая программа *szu-hsiang kai-tsau* (по-разному переводимая как «идеологическое переформирование (пересоздание, префрассение)», «идеологическое перевоспитание», или, как мы даем в данной работе, «исправление мышления») фактически появилась как одна из самых мощных среди когда-либо предпринимавшихся попыток манипулирования человеком. Безусловно, подобная программа ни в коем случае не является абсолютно новой: навязанные догмы, инквизиция и массовые движения по обращению в иную веру существовали в каждой стране и в каждую историческую эпоху. Но китайские коммунисты придали своей программе более организованный, всесторонний и продуманный – более *тотальный* характер, а также обеспечили ее уникальной смесью сильнодействующих и остроумных психологических методов.

Западный мир слышал об «исправлении мышления» преимущественно в применении к военной обстановке. Полученные во время Корейской войны от персонала Организации Объединенных Наций признания в ведении военных действий с применением синтетического бактериологического оружия и коллаборационизм, которого удалось от них добиться в это же время. Однако это были всего лишь экспортные версии программы «исправления мышления», нацеленной прежде всего не на жителей Запада, а на самих китайцев, и энергично применявшейся в университетах, школах, специальных «революционных колледжах», тюрьмах, деловых и правительственных учреждениях, рабочих и крестьянских организациях. В «исправлении мышления» сочетаются это впечатляюще широкое распространение с сфокусированной эмоциональной силой. Мало того, что оно охватывает четвертую часть населения мира, оно еще и стремится вызвать существенный личностный переворот в каждом, кого затрагивает.

Независимо от конкретных обстоятельств «исправление мышления» состоит из двух основных элементов: *признание вины*, разоблачение и отречение от прошлого и настоящего «зла», и *перевоспитание*, переделка человека в соответствии с коммунистическим образцом. Эти элементы тесно взаимосвязаны и частично совпадают, поскольку оба приводят в действие ряд вариантов давления и призывов – интеллектуальных, эмоциональных и физических, нацеленных на социальный контроль и личностное изменение.

[...]

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ

Ранние и национальные религии

Даосизм

Дао-дэ-цзин

Дао-дэ-дзин («Книга пути и достоинства»), автором которой считается древнекитайский философ Лао-цзы (VI–V вв. до н.э.), – основной источник учения даосизма. Некоторые ученые полагают, что книга имеет более позднее происхождение, чем время жизни Лао-цзы. Произведение оказало большое влияние на китайскую и общемировую культуру. Главная тема и идея этого произведения – Дао («Путь») – некий естественный всеобщий Закон вещей, не допускающий искусственного вмешательства и являющийся несозданной безграничной «Небесной волей». Будучи постоянным и неисчерпаемым, безымянным и бесформенным, Дао дает начало, имя и форму всему на свете, и поэтому познать Дао, следуя ему, сливаясь с ним, – значит обрести смысл жизни.

Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное дао. Имя, которое может быть названо, не есть постоянное имя. Безымянное есть начало неба и земли, обладающее именем – мать всех вещей.

Поэтому тот, кто свободен от страстей, видит чудесную тайну [дао], а кто имеет страсти, видит только его в конечной форме. Безымянное и обладающее именем одного и того же происхождения, но с разными названиями. Вместе они называются глубочайшими. Переход от одного глубочайшего к другому – дверь ко всему чудесному.

Дао пусто, но в применении неисчерпаемо. О, глубочайшее! Оно кажется праотцом всех вещей.

Если притупить его пронизательность, освободить его от беспорядка, умерить его блеск, уподобь его пылинке, то оно будет казаться ясно существующим. Я не знаю, чье оно порождение, [я лишь знаю, что] оно предшествует небесному владыке.

[...]

Превращения невидимого [Дао] бесконечны. [Дао] – глубочайшие врата рождения. Глубочайшие врата рождения – корень неба и земли. [Оно] существует [вечно] подобно нескончаемой нити, и его действие неисчерпаемо.

Небо и Земля – долговечны. Небо и Земля долговечны потому, что существуют не для себя. Вот почему они могут быть долговечными.

Поэтому совершенномудрый ставит себя позади других, благодаря чему он оказывается впереди. Он пренебрегает своей жизнью, и тем самым его жизнь сохраняется. Не происходит ли это оттого, что он пренебрегает личными [интересами]? Напротив, [он действует] согласно своим личным [интересам].

[...]

Нужно сделать [свое сердце] предельно беспристрастным, твердо сохранять покой, и тогда все вещи будут изменяться сами собой, а нам останется лишь созерцать их возвращение. [В мире] – большое разнообразие вещей, но [все они] возвращаются к своему началу. Возвращение к началу называется покоем, а покой называется возвращением к сущности. Возвращение к сущности называется постоянством. Знание постоянства называется [достижением] ясности, а незнание постоянства приводит к беспорядку и [в результате] к злу. Знающий постоянство становится совершенным; тот, кто достиг совершенства, становится справедливым; тот, кто обрел справедливость, становится государем. Тот, кто становится государем, следует небу. Тот, кто следует небу, следует дао. Тот, кто следует дао, вечен, и до конца жизни такой государь не будет подвергаться опасности.

[...]

В древности говорили: «Ущербное становится совершенным, кривое – прямым, пустое – наполненным, ветхое сменяется новым. Стремясь к малому, достигаешь многого; стремление получить многое ведет к заблуждениям».

Поэтому совершенномудрый внимлет этому поучению, коему необходимо следовать в Поднебесной! Совершенномудрый исходит не только из того, что сам видит, поэтому может видеть ясно;

он не считает правым только себя, поэтому может обладать истинной; он не прославляет себя, поэтому имеет заслуженную славу; он не возвышает себя, поэтому он старший среди других. Он ничему не противоборствует, поэтому он непобедим в Поднебесной.

Слова древних: «Ущербное становится совершенным...» – разве это пустые слова? Они действительно указывают человеку путь к [истинному] совершенству.

Нужно меньше говорить, следовать естественности. Быстрый ветер не продолжается все утро, сильный дождь не продержится весь день. Кто делает все это? Небо и Земля. Даже Небо и Земля не могут сделать что-нибудь долговечным, тем более человек. Поэтому он служит дао. Тот, кто [служит] дао, тот тождествен дао. Тот, кто [служит] дэ, тот тождественен дэ. Тот, кто теряет, тождествен потере. Тот, кто теряет дао, приобретает дао. Тот, кто тождествен дэ, приобретает дэ. Тот, кто тождествен потере, приобретает потерянное. Только сомнения порождают неверие.

Кто поднялся на цыпочки, не может [долго] стоять. Кто делает большие шаги, не может [долго] идти. Кто сам себя выставляет на свет, тот не блещит. Кто сам себя восхваляет, тот не добудет славы. Кто нападает, тот не достигает успеха. Кто сам себя возвышает, не может стать старшим среди других. Если исходить из дао, все это называется лишним желанием и бесполезным поведением. Таких ненавидят все существа. Поэтому человек, обладающий дао, этого не делает.

[...]

Дао вечно и безымянно. Хотя оно ничтожно, но никто в мире не может его подчинить себе. Если знать и государи могут его соблюдать, то все существа сами становятся спокойными. Тогда небо и земля сольются в гармонии, наступят счастье и благополучие, а народ без приказания успокоится.

При установлении порядка появились имена. Поскольку возникли имена, нужно знать предел [их употребления]. Знание предела позволяет избавиться от опасности.

Когда дао находится в мире, [все сущее вливается в него], подобно тому, как горные ручьи текут к рекам и морям.

[...]

Совершенномудрый не имеет постоянного сердца. Его сердце состоит из сердец народа. Добрым я делаю добро и недобрым также делаю добро. Таким образом и воспитывается добродетель. Искренним я верен и неискренним также верен. Таким образом и воспитывается искренность.

Совершенномудрый живет в мире спокойно и в своем сердце собирает мнения народа. Он смотрит на народ, как на своих детей.

[...]

Тот, кто знает, не говорит. Тот, кто говорит, не знает. То, что оставляет свои желания, отказывается от страстей, притупляет свою пронизательность, освобождает себя от хаотичности, притупляет свой блеск, уподобляет себя пылинке, представляет собой глубочайшее. Его нельзя приблизить для того, чтобы с ним сродниться; его нельзя приблизить для того, чтобы им пренебрегать; его нельзя приблизить для того, чтобы им воспользоваться; его нельзя приблизить для того, чтобы его возвысить; его нельзя приблизить для того, чтобы его унижить. Вот почему оно уважаемо в Поднебесной.

[...]

Дао – глубокая [основа] всех вещей. Оно сокровище добрых и защита недобрых людей. Красивые слова можно проносить публично, доброе поведение можно распространять на людей. Но зачем же покидать недобрых людей? В таком случае зачем же выдвигают государя и назначают ему трех советников?

Государь и советники хотя и имеют драгоценные камни и могут ездить на колесницах, но лучше будет им спокойно следовать дао.

Почему в древности ценили дао? В то время люди не стремились к приобретению богатств и преступления прощались. Поэтому [дао] в Поднебесной ценилось дорого.

[...]

Небесное дао напоминает натягивание лука. Когда понижается его верхняя часть, поднимается нижняя. Оно отнимает лишнее и отдает отнятое тому, кто в нем нуждается. Небесное дао отни-

мает у богатых и отдает бедным то, что отнято. Человеческое же дао – наоборот. Оно отнимают у бедных и отдает богатым то, что отнято. Кто может отдать другим все лишнее? Это могут сделать только те, которые следуют дао. Поэтому совершенномудрый делает и не пользуется тем, что сделано, совершает подвиги и себя не прославляет. Он благороден потому, что у него нет страстей.

Вода – это самое мягкое и слабое существо в мире, но в преодолении твердого и крепкого она непобедима, и нет ей на свете равного.

Слабые побеждают сильных, мягкое преодолевает твердое. Это знают все, но люди не могут это осуществлять. Поэтому совершенномудрый говорит: «Кто принял на себя унижение страны – становится государем, и кто принял на себя несчастье страны – становится властителем».

Правдивые слова похожи на свою противоположность.

[...]

Верные слова не изящны. Красивые слова не заслуживают доверия. Добрый не красноречив. Красноречивый не может быть добрым. Знающий не доказывает, доказывающий не знает.

Совершенномудрый ничего не накапливает. Он все делает для людей и все отдает другим. Небесное дао приносит всем существам пользу и им не вредит. Дао совершенномудрого – это деяние без борьбы.

КОНФУЦИАНСТВО

Лунь Юй

Лунь Юй («Беседы и суждения», «Аналекты Конфуция») представляет собой, наряду с «И-цзином» и «Дао Дэ Цзином», один из известнейших текстов китайской религии. Книга написана на древнекитайском языке и состоит 20 глав. Текст составлялся на протяжении нескольких десятилетий учениками Конфуция, а его основой явились воспоминания о его поступках, высказываниях, нравственных максимах и диалогах с разными людьми. «Лунь Юй» был канонизирован в I веке и стал частью

конфуцианского Четверокнижия («Сы шу»). Знание этого произведения наизусть – обязательное требование классического китайского образования. Главная идея книги «Лунь Юй» – нравственно-практическое сознательное самосовершенствование человека как следование своей Небесной судьбе, предполагающее осуществление таких добродетелей, как человеколюбие («жэнь»), чувство долга, доверие, почитание родителей (предков) и, таким образом, расширение Дао.

Глава 1

1. Учитель говорил: – Не радостно ль учиться и постоянно добиваться совершенства? И не приятно ли, когда друзья приходят издалека? Не тот ли благороден муж, кто не досадует, что неизвестен людям?

9. Учитель Цзэн сказал: – Если будут чтить умерших, помнить предков, то в народе вновь окрепнет добродетель.

10. Цзыцинь спросил Цзыгуна: – В какой бы стране Учитель ни был, он всегда знает о делах ее правления. Он сам ищет эти сведения или ему их дают? Цзыгун ответил: – Учитель получает их благодаря тому, что ласков, добр, почтителен, бережлив и уступчив. Не отличается ли он в том, как их ищет, от других людей?

16. Учитель сказал: – Не печалься, что люди не знают тебя, но печалься, что ты не знаешь людей.

Глава 2

1. Учитель сказал: – Правитель, положившийся на добродетель, подобен северной Полярной звезде, которая замерла на своем месте среди сонма обращающихся вокруг нее созвездий.

2. Учитель говорил: – Три сотни Песен заключены в одной строке, гласящей: «Его мысль не уклоняется».

3. Учитель сказал: – Если править с помощью закона, улаживать, наказывая, то народ остережется, но не будет знать стыда. Если править на основе добродетели, улаживать по ритуалу, народ не только устыдится, но и выразит покорность.

15. Учитель говорил: – Напрасно обучение без мысли, Опасна мысль без обучения.

16. Учитель сказал: – Увлеченность чуждыми суждениями приносит только вред.

17. Учитель сказал: – Научить ли тебя, что такое знание? Считай знанием то, что знаешь, и считай незнанием незнание. Это и есть знание.

Глава 4

1. Учитель сказал: – Прекрасно там, где человечность. Как может умный человек, имея выбор, в ее краях не поселиться?

2. Учитель сказал: – Лишенный человечности не может долго оставаться в бедности, не может постоянно пребывать в благополучии. Кто человекен, для того человечность – наслаждение, а мудрости она приносит пользу.

3. Учитель говорил: – Лишь тот, кто человекен, умеет и любить людей, и испытывать к ним отвращение.

4. Учитель говорил: – Устремленность к человечности освобождает от всего дурного.

7. Учитель сказал: – Каждый ошибается в зависимости от своей пристрастности. Вглядись в ошибки человека – и познаешь степень его человечности.

8. Учитель говорил: – Кто утром слышит о пути, тот может вечером и умереть спокойно.

9. Учитель сказал: – Кто устремляется к пути, но стыдится, что плохо ест и одевается, с тем говорить не стоит.

22. Учитель сказал: – Древние предпочитали промолчать, стыдясь, что могут не поспеть за словом.

23. Учитель сказал: – У сдержанного человека меньше промахов.

24. Учитель сказал: – Благородный муж стремится говорить безыскусно, а действовать искусно.

25. Учитель сказал: – Добродетель не бывает одинокой, у нее непременно есть соседи.

Глава 6

11. Жань Цю сказал: – Не то чтоб мне не нравился ваш путь, но сил моих недостает.

Учитель ответил: – В ком сил недостает, на полпути бросают. А ты еще не начинал идти!

12. Учитель просил Цзыся: – Ты будь, как благородный муж, ученым, Не будь учен, как малый человек.

Глава 7

1. Учитель сказал: – Я продолжаю – не творю; я верю в древность и люблю ее чистосердечно. Осмеливаюсь в этом сравниться с Лаопыном.

2. Учитель спросил: – В молчании запоминать, учиться ненасытно и наставлять других без усталости – что есть во мне из этого?

3. Учитель говорил: – Я чувствую печаль, когда не улучшают нравы, не уясняют то, что учат, а зная долг, не могут ему следовать и не способны устранить порок.

20. Учитель говорил: – Я обладаю знанием не от рождения, но древность возлюбив, стремлюсь к ней всеми силами.

21. Учитель не высказывался о чудесном, силе, смуте, духах.

22. Учитель сказал: – Я непременно нахожу себе наставника в каждом из двоих моих попутчиков. Я выбираю то, что есть в них хорошего, и следуя ему, а нехорошего у них я избегаю.

ИНДУИЗМ

Ригведа

Ригведа («веда гимнов») – собрание религиозных (мифологических) гимнов на ведийском языке, наиболее значительная в числе четырех основных индуистских религиозных текстов – Вед. Произведение составлено ориентировочно около 1700–1100 гг. до н. э. и является одним из древнейших религиозных текстов. Ригведа первоначально передавалась в качестве устной традиции и впервые была записана в первые века нашей эры. Ригведа» состоит из 1028 гимнов, большинство из которых предназначались для жертвенных ритуалов. Боги «Ригведы»: Агни (жертвенное пламя), Индра (героический бог), Сома (священный напиток), Митра, Варуна, Ушас, а также ряд иных меньших богов. В «Ригведе» также повествуются об исторических событиях.

[Гимн Сурье]
Ригведа, I. 115

1. Вошел светлый лик богов, глаз Митры, Варуны [и] Агни;
Заполнил небо и землю [и] воздушное пространство
Сурья, душа движущегося и неподвижного.
2. Сурья идет следом за сияющей богиней Ушас,
Как жених за невестой,
Когда люди, почитающие богов, берут на себя бремя
[Забот, идя] навстречу счастью, для счастья.
3. Счастливые золотистые кони Сурьи, светлые,
Быстрые, сопутствуемые ликованием,
Достойные почтения, вступили на поверхность неба,
[Они] обходят небо и землю в один день.
4. Эта божественность Сурьи, эта мощь, действующая,
Собирает воедино простертое.
Когда же [Сурья] удаляется от места слияния, сразу же
Ночь набрасывает на все покрывало.
5. Дабы видеть Митру и Варуну, Сурья
Появляется на небе.
Постоянно золотистые [кони] приносят
То сияние света, то тьму.
6. Пусть боги при восходе солнца
Оберегают [нас] сегодня от бедствия, от позора...

[О Единстве Всего Сущего]
Ригведа, VIII, 58

2. Един Огонь, многообразно возжигаемый,
Едино Солнце, всепроникающее,
Едина Заря, все освещающая,
И едино то, что стало всем [этим].

[Гимн Индре]
Ригведа, VIII, 100

3. Состязаясь, спойте прекрасную песнь,
Восхваляющую Индру, [песнь] истинную, если она истинна.

«Нет Индры, – иные говорят, – кто Видел его? Кого воспевать нам?»

4. «Вот я, о песнопевец! Взгляни на меня – я
Превосхожу мощью все [сущее].
Повеления дхармы делают меня
Благоденствующим. Разрушитель, – я разрушаю миры.
5. Когда провидцы истины вознеслись ко мне,
Восседающему одиноко на хребте желанного
[Коня], мысль моя сердцу возвестила:
[Ко мне] зывали друзья и дети».

[О происхождении богов]

Ригведа, X, 72

1. Тому, кто увидит [богов] в грядущем веке,
Мы с радостью повествуем теперь о происхождении богов.
2. Брахманаспати выковал их, подобно кузнецу,
В раннем веке богов.
3. В первом веке богов из не-сущего возникло сущее.
Затем возникло пространство мира, оно [возникло] из прародительницы.
4. Земля возникла из прародительницы.
Из земли возникло пространство мира.
Из Адити возник Дакша, из Дакши – Адити.
5. Ведь Адити возникла, о Дакша, она твоя дочь.
Затем возникли боги, благие спутники бессмертия.
6. Когда, о боги, вы стояли, крепко держась [друг за друга] в
изначальном море,
От вас, как от пляшущих, поднялась густая пыль.
7. Когда, о боги, вы, изнуряя себя, приумножали миры,
Вынесли вы скрытое в море солнце.
8. Восемь сыновей Адити рождены из [ее] чрева.
Вознеслась она к богам, с семерыми [сыновьями],
Мартанду она отвергла.
9. С семью сыновьями вознеслась Адити в ранний век,
Для рождения и умирания вновь привела [она] Мартанду.

[Гимн Пуруше]
Ригведа, X, 90

1. Тысячеглавын, тысячеглазый и тысяченогий пуруша.
Он закрыл собою всю землю и [еще] возвышался над ней на-десять пальцев.
2. Пуруша – это все, что стало и станет.
Он властвует над бессмертием, [над всем], что растет благодаря пище,
3. Огромно его величие, но еще огромнее [сам] пуруша.
Четвертая часть его – все сущее, три [другие] части – бес-смертное в небе.
4. На три четверти вознесся пуруша в вышину, четвертая-часть его осталась [здесь].
Отсюда [он] распростерся на тех, кто ест и кто не ест.
5. От него родилась Вираджд, а за ней пуруша.
Родившись, он распростерся на запад и на восток.
6. Боги, совершая жертвоприношение, приносили пурушу в жертву,
Весна была его жертвенным маслом, лето – дровами, [а] осень – [самой] жертвой.
7. Этого перворожденного пурушу освятили как жертву на жертвенной траве,
Им приносили жертвы боги, [те], кто были садхьи и риши.
8. Из него, принесенного в жертву, было получено жертвенное масло,
[Его] обратили в те существа, которые [обитают] в воздухе, в лесу и селениях.
9. От него, принесенного в жертву, возникли риги и саманы, Стихотворные размеры возникли от него, яджусы от него возникли.
10. От него возникли лошади и [другие животные] с верхни-ми и нижними зубами.
Коровы возникли от него, от него возникли козы и овцы.
11. Когда разделили пурушу, на сколько частей он был разде-лен?
Чем стали уста его, чем руки, чем бедра, ноги?
12. Брахманом стали его уста, руки – кшатрием,
Его бедра стали вайшьей, из ног возник шудра.
13. Луна родилась из мысли, из глаз возникло солнце.

Из уст – Индра и Агни, из дыхания возник ветер.

14. Из пупа возникло воздушное пространство, из головы возникло небо.

Из ног – земля, страны света – из слуха. Так распределились миры.

15. Вокруг него положили семь поленьев, трижды семь поленьев было приготовлено,

Когда боги, совершая жертвоприношение, связывали пурушу, [как вяжут] жертвенное животное.

16. Жертвой совершали боги жертвоприношение; эти дхармы были первыми.

И им, могущественным, досталось небо, где ранее возникшие боги – садхьи.

[Гимн Щедрости]

Ригведа, X, 117

1. Поистине неверно, что боги посылают
[Лишь] голод как смертную кару: [различные] смерти приходят к сытому.

У щедрого богатство неисчерпаемо,
Скупой же не находит благосклонности.

5. Пусть щедрый даст нуждающемуся,
Да взглянет он на долгий [жизненный] путь:
Подобно колесам повозки катятся богатства,
Переходя то к одному, то к другому.

6. Напрасно достается пища безрассудному, истинно
Говорю я: она для него смертная кара.
Не кормит он благожелателя, друга.
Кто ест один – один несет урон.

7. Того, кто пашет, плуг делает сытым.
Дорогу осилит пешком идущий,
Поучающий брахман достигнет большего, чем непоучающий.
Щедрого друга должно предпочесть нещедрому.

9. Две одинаковые руки создают неодинаковое.
Две [коровы, рожденные] от одной матери, доятся неодинаково.

Неодинакова сила у близнецов, единоутробные неодинаково щедры.

[Гимн богине Речи]
Ригведа, X, 125

1. Я – вместе с Рудрой, Васу,
Вместе с Адити и Вишвадевой.
Я несу Митру и Варуну,
Индру и Агни, обоих Ашвинов.
2. Я несу необузданного Сому,
я [несу] Тваштара,
Пушана [и] Бхагу.
Я даю богатство жертвователю, усердно совершающему
Жертвоприношение, выжимающему сок [сомы].
3. Я – владычица, собирательница богатств,
Первая, [кто] размышляет о том, что достойно жертвоприно-
шения.
Такой меня создали боги – всегда
Многосущей и многоразличной.
4. Благодаря мне насыщается пищей тот, кто
Видит, кто дышит и кто слышит сказанное,
Не зная [этого], они во власти моей.
Внемли мне, о внемлющий! Я говорю тебе достоверное.
5. Ведь сама говорю я то, [что] угодно
Богам и людям.
Кого полюблю, того сделаю сильным –
Того [сделаю] брахманом, того – риши, того – очень мудрым.
6. Это я натягиваю лук Рудры, [дабы]
Поразить стрелой ненавидящего брахманов.
Я порождаю споры между людьми,
Я обитаю на небе и на земле.
7. Я порождаю отца этого [мира], его голову,
Лоно мое в воде, в море,
Оттуда я распростираюсь по всем мирам,
Величием я достигаю неба.
8. Я вею [там], подобно ветру,
Охватывая все миры.
Я выше неба, шире земли –
Столь великой я стала.

[Космогонический гимн]
Ригведа, X, 129

1. Тогда не было ни сущего, ни не-сущего;
Не было ни воздушного пространства, ни неба над ним.
Что в движении было? Где? Под чьим покровом?
Чем были воды, непроницаемые, глубокие?
2. Тогда не было ни смерти, ни бессмертия, не было
Различия между ночью и днем.
Без дуновения само собой дышало Единое,
И ничего, кроме него, не было.
3. Вначале тьма была сокрыта тьмою,
Все это [было] неразлично, текуче.
От великого тапаса зародилось Единое,
Покрытое пустотою.
4. И началось [тогда] с желания – оно
Было первым семенем мысли.
Связку сущего и не-сущего
Отыскали, восприемля в сердце, прозорливые мудрецы.
5. Верь их простерта поперек. Было ли
Внизу [что], было ли вверху?
Носители семени были, силы были. Вождение –
Внизу, усилия – вверху.
6. Кто поистине знает, кто теперь бы поведал,
Откуда возникло это мирозданье?
Боги [появились] после сотворения его.
[Но] кто же знает, из чего оно возникло?
7. Из чего возникло это мирозданье, создал ли
[Кто его] или нет?
Кто видел это на высшем небе,
Тот поистине знает. [А] если не знает?

Кена упанишад

Кена упанишад – ведийский текст, написанный на санскрите, представляет собой одну из 11-ти Упанишад канона мукхья и примыкает к Самаведе. Произведение имеет четыре канды (раздела), причем первые две представлены в стихотворной форме, и тра-

диционно сопровождается комментариями Шанкары. Основной идеей является толкование сущности Брахмана – конечной цели всего сущего в этом мире. Постигание сущности Брахмана достигается человеком, рассматриваемым как несамодостаточное, ограниченное существо не через аскетические практики воздержания, а посредством совершенствования знания – самопостижения, с помощью которого человек возвышается над материальным бытием и отдает свое «я» беспредельному Божеству.

Первая глава

1. Кем движимый и побуждаемый летит разум? Кем вызванное к жизни возникает первое дыхание? Кем движима эта речь, (которую) произносят? Какой бог возвал к жизни глаз и ухо?

2. Оставив то, что (является) ухом уха, разумом разума, речью речи, дыханием дыхания, глазом глаза, уйдя из этого мира, мудрые становятся бессмертными.

3. Туда не проникает глаз, не проникает ни речь, ни разум. Мы не знаем, не распознаем, как можно учить этому.

4. Поистине, это отлично от познанного и выше непознанного – так слышали мы от древних, которые разъяснили нам это.

5. Что невыразимо речью, чем выражается речь – знай: то и есть Брахман, а не то, что почитают в этом (мире люди).

6. Что не мыслится разумом, чем, (как) говорят, мыслим разум – знай: то и есть Брахман, а не то, что почитают в этом (мире люди).

7. Что не видно глазом, чем видны глаза – знай: то и есть Брахман, а не то, что почитают в этом (мире люди).

8. Что не слышно ухом, чем слышно это ухо – знай: то и есть Брахман, а не то, что почитают в этом (мире люди).

9. Что не дышит дыханием, чем дышится дыхание – знай: то и есть Брахман, а не то, что почитают в этом (мире люди).

Вторая глава

1. «Если ты считаешь, что хорошо знаешь (Брахмана), то, несомненно, ты лишь немного знаешь образ Брахмана – относится ли это к тебе или к богам. Итак, это должно быть рассмотрено тобой, (ибо) я считаю это известным».

2. «Я не считаю, что хорошо знаю, и не знаю, что не знаю (его). Кто из нас знает его, (тот) знает его, и он не знает, что не знает».

3. Кем (Брахман) не понят, тем понят, кем понят, тот не знает (его). Кто из нас знает его, (тот) знает его, и он не знает, что не знавшими.

4. Он понят, когда познан благодаря пробуждению, ибо (тем самым человек) достигает бессмертия. Благодаря самому себе (человек) достигает силы, благодаря знанию – бессмертия.

5. Если (человек) знает (его) здесь, то это истина, если не знает (его) здесь – великое разрушение. Размышляя обо всех существах, уйдя из этого мира, мудрые становятся бессмертными.

Третья глава

1. Поистине, Брахман одержал (некогда) победу ради богов. Боги возвеличились этой победой Брахмана. Они подумали: «Это – наша победа, это – наше величие».

2. Поистине, он распознал это их (поведение) и появился перед ними. Они не признали его (и спросили): «Что это за дух?».

3. Они сказали Агни: «О Джатаведас! Распознай, что это за дух». (Он ответил:) «Хорошо».

4. (Агни) поспешил к нему. (Брахман) спросил его: «Кто ты?» – «Поистине, я Агни, – сказал он, – я Джатаведас».

5. (Брахман спросил): «Какая сила в тебе?» – «Я могу сжечь все, что есть на земле».

6. (Брахман) положил перед ним травинку: «Сожги ее». (Тот) устремился на нее со всей скоростью, но не смог сжечь ее. Тогда он вернулся назад (и сказал): «Я не смог распознать, что это за дух».

7. Тогда они сказали Ваю: «О Ваю! Распознай, что это за дух». (Он ответил:) «Хорошо».

8. (Ваю) поспешил к нему. (Брахман) спросил его: «Кто ты?» – «Поистине, я Ваю, – сказал он, – я Матарिशван».

9. (Брахман спросил): «Какая сила в тебе?» – «Я могу унести все, что есть на земле».

10. (Брахман) положил перед ним травинку: «Унеси ее». (Тот) устремился на нее со всей скоростью, но не смог унести ее. Тогда он вернулся назад (и сказал): «Я не смог распознать, что это за дух».

11. Тогда они сказали Индре: «О Магхават! Распознай, что это за дух». (Он ответил:) «Хорошо». Он поспешил к нему, (но Брахман) скрылся перед ним.

12. И в этом пространстве он (Индра) встретил женщину великой красоты, Уму, дочь Химавата, и спросил ее: «Кто этот дух?».

Четвертая глава

1. Она сказала: «Это – Брахман. Поистине, вы возвеличились победой Брахмана». Так (Индра) и узнал, что это Брахман.

2. Поистине, поэтому эти боги – Агни, Ваю, Индра – (таковы, что они) словно превосходят других богов, ибо они ближе всего соприкоснулись с ним, ибо они первыми узнали, что это Брахман.

3. Поистине, поэтому Индра (таков, что он) словно превосходит других богов, ибо он ближе всего соприкоснулся с ним, ибо он первым узнал, что это Брахман.

4. Вот наставление об этом (Брахмане): это то, что обитает в молнии, что мигает (в глазу). Это – относительно божеств.

5. Теперь – относительно тела. Это то, к чему словно движется разум; благодаря ему (человек) постоянно помнит это, (отсюда же) – воля.

6. Имя его – «предмет устремлений», (его) следует почитать как предмет устремлений. Кто знает это, к тому стремятся все существа.

7. «О, поведай упанишаду», – (сказал ты), – упанишада изложена. Поистине, мы поведали тебе упанишаду о Брахмане.

8. Подвижничество, самообуздание, действие – его основа: веды – все (его) члены, действительное – прибежище.

9. Поистине, кто знает это, тот, отбросив зло, утверждается под конец в наивысшем небесном мире, утверждается (в нем).

Брахманы

Брахманы – древнеиндийские ведические священные тексты, созданные ориентировочно в VIII–VI вв. до н. э. Тексты содержат мифы, легенды, сказания и описания-толкования религиозных жертвенных ритуалов; кроме того в них содержатся сведения по социальной и культурной истории Древней Индии. Ряд фрагментов имеют значимость философских обобщений учения индуизма. В приводимых фрагментах содержится: из Айтарея-брахманы – мифическое описание ритуала жертвоприношения; из Шатанатха-брахмана – присущий многим народам миф о Всемирном потоке.

**[Из Айтарея-брахманы]
[О возникновении обряда внука вод]
Айтарея-брахмана, II, 19**

1. Риши собрались для жертвоприношения у реки Сарасвати. Они увели прочь от сомы Кавашу, сына Илуши: «Это сын рабыни, лжец, небрахман. Как это он совершил вместе с нами обряд посвящения?». Они увели его в пустыню: «Пусть жажда погубит его там. Не пить ему воду Сарасвати». Уведенный в пустыню, застигнутый жаждой, увидел он этот обряд внука вод: «Ввысь, к богам да поведет путь Брахмана». Так он пришел к любимому обиталищу вод. Воды следовали за ним. Сарасвати окружила его.

2. Поэтому называют теперь это [место] Парисарака, ибо Сарасвати окружила его [своими] водами. 3. Они, риши, поистине сказали: «Поистине боги признали его, позовем его!» – «Да будет так». Они позвали его. Позвав его, они совершили обряд внука вод: «Ввысь, к богам да поведет путь Брахмана». Так пришли они к любимому обиталищу вод, к обиталищу богов.

4. Тот, кто знает это и, зная это, совершает этот обряд внука вод, приходит к любимому обиталищу вод, к обиталищу богов и обретает высший мир.

5. Он должен говорить это непрерывно. 6. Непрерывным дождем изольется Парджанья на все творения там, где говорит это непрерывно тот, кто знает это. 7. Если же он будет говорить с перерывами, то Парджанья будет поливать лишь из [разрозненных] туч. Поэтому и должно говорить это непрерывно. 8. [Повторяя] первый [стих] трижды, он говорит это непрерывно. Поэтому все это и говорилось непрерывно.

**[Из Шатапатха-брахманы]
[Всемирный потоп]
Шатапатха-брахмана, I, 1**

1. Утром Ману принесли воды для умывания рук, так же как и теперь приносят воду для умывания рук. Когда он умывался, в его руки попала рыба. 2. Она сказала ему: «Позаботься обо мне, и я тебя спасу». – «От чего же ты спасешь меня?» – «Потоп унесет все живое. От потопа я спасу тебя». – «Как же я должен заботиться о тебе?» 3. Она сказала: «Пока мы маленькие, нам грозит много

опасностей. Рыбы пожирают друг друга. Помести меня сначала в горшок, и если я стану затем слишком большой для него, то вырой яму и помести меня в нее. Если я стану и для нее слишком большой, то отнеси меня в море, ибо тогда я буду вне опасности». 4. Скоро она стала большой рыбой – она росла быстро. «В такое-то время будет потом, тогда построй корабль. Когда потом начнется, взойди на корабль. Тогда я спасу тебя». 5. Позабывшись о ней так, как она ему сказала, он отнес ее в море. В год, указанный ему рыбой, он построил корабль. Когда начался потоп, он взошел на корабль, приплыла рыба, и он привязал канат корабля к рогу рыбы. Она быстро поплыла к этой северной горе.

6. Она сказала: «Я спасла тебя. Привяжи корабль к дереву, дабы не унесла тебя вода, хотя ты находишься на горе. Когда вода сойдет, спустишься вниз [с горы]». [Когда вода сошла], он спустился вниз с северной горы, поэтому она называется Манопавасапарна. В потоке погибло все живое, а Ману остался один в живых. 7. Он жил, молясь и постясь, желая иметь потомство. Для этого он совершил жертвоприношение пака: ложкой бросил он в воду топленое масло, кислое молоко, сметану и творог. Через год из [всего] этого возникла женщина. Она появилась плотной, с нее постоянно капало молоко, с ней повстречались Митра и Варуна.

ИУДАИЗМ

Зогар

В традиционном иудаизме можно выделить три группы священных книг: «Тора» (тождественна в христианской Библии «Пятикнижию Моисея»); «Танах», или «письменная Тора» (все книги «Ветхого Завета», что и в христианской Библии, кроме так называемых неканонических); «Талмуд», или «Гемара» (многотомный свод правовых и религиозно-этических положений, описание исторических сюжетов).

В иудаизме сформировалось несколько религиозных течений, среди которых и такое мистическое направление, как Каббала (буквально – «наследие»). Распространение Каббалы в Европе связано с периодом Средневековья (начиная с XII в.). «Зогар» («сияние») считается главной книгой иудеев-каббалистов и почитается на-

равне с Торой и Талмудом. Текст «Зогара» формировался в течение нескольких столетий и был опубликован в XIV веке.

Душа
(Зогар 1, 83а-83б)

Раби Шимон шел по дороге, и были с ним раби Эльзар, его сын, и раби Аба, и раби Иегуда. Пока они шли, сказал раби Шимон: – Удивляюсь я, что сыны земли не интересуются смыслом слов Торы и сутью своего бытия! Открыл и сказал:

– Душа моя томится по Тебе в ночи, а дух мой в груди моей взывает Тебя.

Этот стих уже объяснялся, да и мы занимались им. Однако приди, взгляни. Душа сына человеческого, когда восходит он на ложе свое, покидает его и возносится вверх. А если ты скажешь, что любая из них возносится, – не всякой доводится видеть лик Царя. Но вот как. Душа возносится, и не остается от нее в теле ничего, кроме отпечатка отмеренной жизненности сердца. А душа уходит и хочет подняться. И плывет, возносясь от ступеней к ступеням, и встречается с искрящимися оболочками нечистоты. Если чиста она и не осквернилась днем, то возносится кверху. А если она нечиста, то еще больше оскверняется между ними и прилепляется к ним, и уже не поднимается выше. И там сообщают ей слова, и она покрывается знанием о делах ближайшего времени. А иногда насмеваются над ней и сообщают ей слова лживые. И так она блуждает всю ночь, до тех пор, пока не пробудится человек, и тогда возвращается назад. Счастливы праведники, которым открывает Святой, благословен Он, свои тайны в сновидении, предостерегая их от несчастий! Горе грешникам земли, оскверняющим себя и души свои! Приди, взгляни. Когда тот, кто не осквернил себя, восходит к себе на ложе, душа его возносится и достигает вначале тех ступеней, но поднимается выше и не прилепляется к ним. И вновь продолжает путь, и плывет, и поднимается – в соответствии с призыванием той души, которая удостоилась вознестись. Показывается она перед тем, Кто приемлет лики дней, и вышняя страсть, с которой предстала она, присоединяется к желанию видеть блаженство Царя и посетить чертог Его. И это такой человек, у которого есть постоянный удел в грядущим мире, и это такая душа, которая возносится, взывает лишь Святого, благословен Он. И не прилепля-

ется к иным искрящимся обличьям, а идет за святым существом к тому месту, откуда она произошла. Поэтому написано:

Душа моя томится по тебе в ночи – Следуя за Тобой и не соблазняясь иными чуждыми существами. Приди, взгляни. *Душа моя* – это душа, которая преобладает ночью, следуя к своей ступени. Дух же – днем. Как написано: *Душа моя томится по Тебе в ночи* это душа, господствующая ночью.

А дух мой в гряди моей взыскует Тебя – это дух, господствующий днем. А если ты скажешь, что это две разделенные ступени, – не так это. Они – одна ступень, чета, слившаяся воедино. И нечто высшее властвует над ними и прилепляется к ним, и они прилепляются к нему, и оно называется Дыханием. И эти ступени вместе возносятся к тайне Мудрости. Ибо человек лишь тогда созерцает вышнюю Мудрость, когда вглядываются эти ступени, и Дыхание входит в них, а они прилепляются к нему. И если оно господствует, то человек этот называется святым, совершенным во всем, единым в порыве к Святому, благословен Он. Душа – это пробуждение нижнего, и она опирается на тело и питает его, и тело удерживает ее, а она держится за тело. Потом, пробуждаясь, эта душа, удерживающая себя в теле, преобразуется и становится престолом, на котором почиет дух, как написано:

Пока не прольвет на нас дух с высот. Затем вместе они преобразуются, готовясь воспринять Дыхание, ибо этот дух становится престолом для почьющего на нем Дыхания. И это дыхание – самая высокая сокрытость, сбереженность всех сбереженностей. Следовательно, бывает престол для престола, а над ними – престол для высшего. И если ты будешь вглядываться в те ступени, то отыщешь в этом слове тайну Мудрости, и все это – мудрость, позволяющая приобщиться к высшим словам. Приди, взгляни. Душа – это пробуждение нижнего, прилепившееся к телу. Подобно тому, как нижний черный огонь в пламени свечи прилеплен к фитилю и не отделяется от него, и лишь на нем восстает. И когда восстал он на фитиле, тогда он становится престолом для высшего огня, белого, который находится над черным огнем. И потом, когда восстали они оба, становится белый огонь престолом для скрытого огня, неведомого и невидимого, который почиет на белом огне. И тогда это – полноценный огонь. Так и человек, достигая совершенства во всем, называется святым, как написано:

К святым тем, которые в земле и т. д.

То же и в вышней тайне. Приди, взгляни. Когда Авраам вошел в землю, явился ему Святой, благословен Он, как сказано: *Господу, явившемуся ему...* – и там он воспринял душу и построил жертвенник для этой ступени. Потом, *идя и двигаясь к югу* он воспринял дух. Потом до того, как он вознесся, чтобы сочетаться с Дыханием, *построил там жертвенник Господу* – просто сказано, Это Дыхание, которое суть сокровитость всех сокровитостей. Потом он узнал, что следует переплавиться и увенчаться в ступенях, и немедленно *спустился Аврам в Египет* – и спасся оттуда и не соблазнился теми искрающимися, и переплавился, и вернулся на свое место. Как только он, спустившись, переплавился, так сразу же *поднялся Аврам из Египта*. Именно поднялся и вернулся на свое место, и прилепился к высшей вере, как написано: *к югу*.

С тех пор постиг Авраам вышнюю Мудрость и прилепился к Святому, благословен Он, и стал десницей мира. Тогда:

И Аврам тяжел очень имуществвом, серебром и золотом. Тяжел очень – со стороны востока. *Имуществвом* – со стороны запада. *Серебром* – со стороны юга. *Золотом* – со стороны севера. Подошли рабы Эльзар и рабы Аба и все Собратья и поцеловали ему руку. Заплакал рабы Аба и сказал:

– Увы, увы! Когда ты покинешь мир, кто будет светить светом Торы? Блаженна участь Собратьев, которые слышат слова Торы из твоих уст.

Жертва бедного (Зогар 3, 86-9а)

Если всесожжение жертва его, то из крупного скота. Сказал рабы Йосе:

– Какая разница: *из крупного скота* всесожжение, *из мелкого скота* всесожжение, *из птиц* всесожжение? Если это одно и то же, зачем различены они, ведь служат они для одной цели? Вот как: тот, кто в состоянии, приносит *из крупного скота*. Если не может, то *из мелкого*, а если не может, то *из птиц*. Как об этом написано:

А если бедняк он, и рука его не достигает. Ибо Святой, благословен Он, не накладывает на человека бремя, которое тот не осилит.

Сказал рабы Эльзар:

– Каков грех, таково и приношение. Богач, чье сердце временами коснеет, приносит быка, потому что сердце особо склоняет

его ко греху пред Господином его. Человек средний приносит *из мелкого скота*, потому что не настолько он закоснел в желании согрешить. Бедняк, чье сердце не закоснело, а желания скромны во всем, приносит самое легкое из всего. И равнозначны их приношения, каждого из них, и Святой, благословен Он, воздает каждому мерой верною.

Раби Эльазар спросил у раби Шимона, отца своего, говоря: – Вот мы учили, что за три греха приводит голод в мир. И это все такие грехи, которые обыкновенны у богатых, так как закоснели сердца их, и несвойственны бедным. В чем тогда смысл наказания этого, если Святой, благословен Он, губит бедняков и сохраняет жизнь богатым, которые вновь будут грешить пред Ним? Сказал ему:

– Прекрасный вопрос ты задал. И так ответили на него Собратья и сказали: «Когда хочет Святой, благословен Он, взыскать с грешников и истребить их из вселенной, посылает Он им благополучие и дает им достаток во всем».

Но приди, взгляни. Нет среди сынов земли более приближенных к высшему Царю, чем те сосуды, которыми служат Ему. И кто они?

Сердце сокрушенное и смиренное, И смиренный и кроткий дух... – вот они, сосуды Царя. И когда случается беда в мире, и голод и наказание обрушиваются на бедных, тогда плачут они и жалуются Царю, а Святой, благословен Он, всех им ближе. Об этом сказано:

Ибо не пренебрег и не погнушался нуждой бедного. И тогда Святой, благословен Он, вспоминает то, что привело голод в мир. Горе тем грешникам, которые вызвали это! Когда голос бедных призывает Царя взглянуть на мир, – Милостивый, сохрани пае от них и от их скорбей! – тогда написано: *Услышать услышу вопль его. Услышать услышу* – дважды: один раз, чтобы внять их голосу, второй – чтобы взыскать с тех, кто послужил тому причиной. Об этом сказано: *И услышу, ибо милостив Я, И разгорится гнев Мой и т. д.* И поэтому в то время, когда бывает голод во вселенной, горе грешным богачам от стенания бедняков перед Святым, благословен Он.

Приди, взгляни. Жертва бедняка самая легкая из всех, потому что сердце его сокрушается. И хотя посещают его греховные мысли, но не задерживаются в нем, ибо достаточно ему забот о себе и о чадах дома своего. И поэтому каждое приношение любого из них одинаково значительно для священника.

[...]

МИРОВЫЕ РЕЛИГИИ

Буддизм

Джатаки

Джатаки – (санскрит. – «рожденный») – буддистские притчи о земных перевоплощениях Будды. Данные тексты (известно 547 джатак) создавались с нач. I тысячелетия до н. э. и входят в буддийский канон «Типитака» («Трех корзин»). Джатаки представляют собой подробный комментарий к гатхам (стихотворным изречениям), которые поэтически выражают основную тему каждой притчи. Каждая джатака состоит из: рассказа об обстоятельствах настоящего времени (в которых Будда рассказывает притчу); прошлой истории и связанным с ней стихотворным изречением; толкованием стихов; разъяснения связи между героями истории о настоящем и истории о прошлом. Помимо собрания джатак палийского канона, известны и другие, в частности – собрание Арьяшурьы «Гирлянда джатак» (34 джатаки).

Джатака о Брахмане

Душевная стыдливость не дает добродетельным преступить границы нравственного поведения.

Вот как об этом назидательно повествуется.

Некогда Бодхисаттва принял рождение в великой брахманской семье, безупречной по своему роду и жизни, пользовавшейся блестящей славой за свою преданность религиозному долгу и восхвалявшейся за безупречное поведение. По совершении над ним последовательно и надлежащим образом обрядов гарбхадхана, пумсавана, симантоннаяна, джатакарман и других он жил для изучения Вед у учителя, отличавшегося своей ученостью, происхождением и непорочною жизнью.

1. Живое усвоение знаний и память быстрая его, а также преданность [учителю], что отличала род его всегда, и твердость, даже в раннем возрасте спокойствием украшенная, ему расположение и любовь учителя снискали.

2. Ведь добродетели, когда их беспрепятственно и неуклонно проявляют, имеют чудодейственную силу стихов волшебных, воздействуя и на пылающих огнем вражды, тем более же на людей с сердцами непорочными.

И вот учитель, желая испытать нравственную высоту всех учеников своих, всякий раз в часы, когда его ученики отдыхали от изучения Священного писания, говорил о том, как он страдает от бедности:

3. «Среди родни я одинок, и даже в праздник нет улады; ведь бедняка удел – бесплодные желанья. И как противно обращаться мне за подаянием!

4. Всеобщего презрения источник и тяготы сурового труда, и отдаление от наслаждения жизни – несчастья, которые всегда нас угнетают, вот что такое недостаток средств то страшный враг неумолимый».

И вот ученики его, словно добрые кони, поощряемые кнутом, из любви к учителю с чрезвычайным рвением стали собирать для него подаяния в еще большем количестве и лучшего качества, чем раньше. Тогда он обратился к ним с такими словами:

«Довольно вам маяться, друзья мои. Кусками, что бросают человеку, как милостыню, невозможно прогнать нужду, которую породила бедность. Если вас действительно удручают мои тяготы, то вы должны приложить надлежащие усилия для приобретения богатства для меня, и вот почему:

5. Ведь голод пища утоляет, жажду же – вода; болезни изгоняют заклинанья и лекарства, а бедности страданья убивает лишь богатство, и за богатство почитают род наш люди».

Ученики сказали: «Что же нам делать? О, как мы несчастны, что так ничтожны средства, которыми мы располагаем! Кроме того:

6. О, если бы приобретались богатства так, учитель, как милостыня подается нам, не потерпели б мы, конечно, бедствий тяжких, что терпишь ты от бедности своей.

7. Ведь есть у брахманов один лишь способ обрести богатство – неблагодарный способ получения в дар; народ же здешний скуп, и потому убиты мы безвыходностью положенья».

Учитель сказал им: «Есть и другие средства приобретения богатств, они указаны в шастрах; но старостью истощены наши

силы, и мы неспособны применить эти средства». Ученики ответили: «Но наши силы, дорогой учитель, ведь еще не похищены старостью; поэтому, если ты полагаешь, что мы способны применить средства, указываемые в достойных книгах, то назови их, чтобы мы могли воздать тебе как следует за твои труды по обучению нас».

Учитель сказал: «Юношам, сердца которых слишком нежны для твердой решимости, трудно применять подобного рода средства приобретения богатства, но если тем не менее вы, друзья, настаиваете, то вот вам один ведущий прямо к уели путь к богатству.

8. Нам, брахманам, закон не возбраняет в несчастьи прибегнуть к воровству. А разве бедность не является несчастьем, тягчайшим в мире? И потому мы можем безо всякого греха, чужою собственностью завладеть; ведь это все – имущество брахманов!

9. Конечно, и насильственно богатства отнимать хватило бы силы у мужей, подобным вам; на этот путь, однако, не вступайте: ведь должно славу добрую свою хранить; поэтому решайтесь воровать лишь там, где нет людей».

Своею речью он словно снял узду со своих учеников, и они возгласами: «Прекрасно!» – приветствовали даже недостойные его слова, как достойные, и обещали поступать согласно с ними – все, кроме Бодхисаттвы.

10. Ведь по своей природной доброте не мог он этот путь одобрить; но так как все другие обещали учителя совет исполнить, не мог решительно он возражать ему.

От стыда опустив глаза, Бодхисаттва лишь слабо вздохнул и продолжал молчать. Тогда учитель, видя, что Бодхисаттва не выражает одобрения этому способу приобретения богатства, но и не возражает ничего, чрезвычайно высоко ценя высокие достоинства, заложенные в этом великом существе, стал раздумывать: «По какой причине, однако, он относится неодобрительно к воровству? По недостатку ли мужества, по отсутствию ли любви ко мне или от сознания безнравственности такого поступка?». И, чтобы выявить истинный образ мыслей своего ученика, к нему он обратился со словами: «О великий брахман!

11. Вот эти брахманы не в состоянии выносить мои страдания и решились вступить на путь мужей-героев, а ты холодным остаешься, ты не способен силу проявить; не мучают тебя страдания наши?

12. Известны все мои страдания; они огромны, их не скроешь, я много всем рассказывал о них; так отчего ж твоей души печаль, смущенье не коснулись? Как видно, остаешься ты спокойным?».

Тогда Бодхисаттва, с волнением обратившись к учителю, сказал: «О, нет! Не из отсутствия любви к тебе или по жестокосердию и не потому, что меня не мучают страдания учителя, я от других отстал; виной тому несовершенство пути, указанного учителем. Невозможно совершить где-либо дурное дело и остаться незамеченным! Ведь полного уединения не существует.

13. Уединенья в мире нет для тех, кто совершает злое дело: ведь разве существа, не видимые нами, не зрят людей?

14. А мудрецы отшельники, душою чистые? Небесные их очи ведь всегда открыты! Глупец, не видя их, уж мнит себя в уединеньи и предается злым делам.

15. Но я нигде не вижу места, безлюдного вполне; и даже там, где я других не вижу, и там ведь полного безлюдья нет. А я-то сам ведь существую!

16. Дурной поступок тот, который только наше «я» и видит; он явственней, заметнее всегда, чем если б видели его другие.

17. Чужое сердце преисполнено своих забот и может не заметить зла, творимого другим; но сами мы, в желанье страстном сосредоточив мысли на одном, всегда ведь понимаем, что творим дурное.

По этой-то причине я и отстал от других». И, увидев, что учитель обрадован до глубины души, Бодхисаттва снова промолвил такие слова:

18. «Мой разум никогда не примирится с мыслью, чтобы ты действительно хотел нас обмануть богатства ради; да кто ж, познав различие меж добродетелью и злым пороком, к уничтоженью добродетели повел бы для приобретения богатства?

Свое мнение я выскажу так:

19. Уж лучше с нищенскою чашею и в выцветшей одежде буду я смотреть на роскошь в доме недруга, чем, преступив свой стыд, склониться сердцем к разрушенью добродетели, хотя бы ради власти над богами».

Тогда его учитель, сердце которого было охвачено радостью и восхищением, вставши с сиденья, обнял его со словами: «Прекрасно, прекрасно, мой мальчик! Прекрасно, прекрасно, о великий

брахман! Это так соответствует твоему уму, всегда украшенному спокойствием!

20. К цели стремясь при помощи каких угодно средств, лишь глупые оставить могут добродетели стезю; богатство мудрых – подвиги и мудрость с знанием; не грешат они, впад даже в крайнюю нужду.

21. Тобою непорочный род твои приукрашен, как небеса поднявшимся высоко месяцем осенним; ты овладел священным знанием вполне и это доказал прекрасным повелением; мой труд вознагражден: увенчан он успехом».

Таким образом, «добродетельные по стыдливости душевной не преступают границы нравственного». Памятуя об этом, благородный должен быть силен своею стыдливостью.

Это же следует приводить также в пояснение сутр вроде «Так защищаемый стыдом благородный шравака.

Джатака о жертве

Чистых сердцем не склонить к дурным деяниям; помня об этом, следует стремиться к душевной чистоте.

Вот как об этом назидательно повествуется. Некогда Бодхисаттва был, как рассказывают, царем и правил страной, которая, в силу великих заслуг его, досталась ему по наследству; он безраздельно управлял ею в безмятежном спокойствии, так как все подчиненные ему князья были ему покорны; не было у него ни внешних врагов, ни соперников, и все беспорядки внутри царства прекратились.

1. Опора царства: он преодолел все страсти, как врагов своих, был равнодушен к наслаждениям, которые постылыми становятся, когда вкусишь их; все помыслы направил он на благо подданных своих; и, к добродетели стремятся постоянно, словно аскет суровый жил.

2. Он знал главнейшую черту характера людей – стремление подражать в своих поступках высшим, и потому, стремясь принести спасенье подданным своим, он был особенно пристрастен к выполнению долга.

3. Он раздавал имущество и в поведении своем всегда был благонравным; терпением был проникнут и заботился о пользе

мира; и, выражая милостивым видом свое стремление к благу всех людей, блистал он, словно праведности воплощение.

Но вот однажды его страну, хотя и охранявшуюся его рукою, за незаконные деяния населения и по небрежению божеств, ниспосылающих дожди, в разных местах постигло страшное бедствие – сильная засуха. Тогда царь решил в своем сердце: «Ясно, что это несчастье обрушилось на нас вследствие нерадения к святому закону или с моей стороны, или со стороны моего народа». И, с еще большим напряжением стремясь к благу народа, не забывая ни на мгновение о его несчастье, он созвал лучших среди знатоков святого закона – старейших брахманов во главе со своим домашним жрецом, а также своих министров и обратился к ним с вопросом о том, какими средствами можно было бы устранить бедствие. Тогда они, считая, по указанию Вед причину хороших дождей совершенье жертвы, к которой страшно и приступить, так как она требует лишения жизни нескольких сотен живых существ, сообщили ему об этом. Но царь, когда ему были названы требуемые для жертвы действия – лишение жизни живых существ – по своему состраданию не мог в своем сердце одобрить это предложение. Однако вследствие своей благовоспитанности он не огорчил советников грубым словом отказа и перевел разговор на другой предмет. Они же, напротив, воспользовались представившейся возможностью поговорить с царем о религиозном долге и, не зная его скрытого в глубине души образа мыслей, стали наставлять его в том, как надлежит совершить жертвоприношение:

4. «Никогда не медлишь ты исполнить обязанности государя, которые направлены на приобретение и на охрану царства, причем всегда порядок исполненья их определяется святым законом.

5. Искусен ты в служении триаде; для блага подданных твой лук всегда натянут – так почему ж столь нерадив твой ум, что медлит он построить мост, ведущий в царство небожителей, которому название – «жертва»?

6. С глубоким уважением, как слуги, относятся к твоим велениям цари, их исполнение считая счастьем. И вот пришло время, о несущий смерть врагам, великой жертвою достигнуть счастья, блестящего славой.

7. Хотя, конечно, сам ты свят всегда, как дикшита¹, благодаря любви к даяньям и вниманию к обетам, но все же надлежало

бы тебе долг уплатить богам, свершивши жертву, как повелевают Веды.

8. А бога, удовлетворенные твоею жертвой, свершенною, как надлежит, дождь ниспошлют на землю; по сей причине приступай же к совершенной жертвы. Ведь эта жертва – благо для народа, да и тебя она прославит».

И у царя явилась мысль: «Как сильно должен колебаться в своих убеждениях человек, хотя бы исполненный веры и любящий святой закон, если он будет без размышления выслушивать мнения людей; ведь его нетвердый ум легко может быть увлечен доверием к другим! Поистине ведь

9. Кого среди людей прибежищем надежным почитают, те иногда под видом ревности к закону доходят даже и до нарушения его; и человек, последовав за ними, по наставленью их на путь дурной вступает и мечется в теснине, выхода ища.

10. Какая ж связь есть между причинением страданий жертвенным животным и святым законом, пребываньем в мире небожителей иль ублажением божеств?

11. Животное, которое лишают жизни, волшебной силой таинства, как говорят, идет на небеса – ведь потому его и убивают; по их словам, согласно с сущностью закона это; но то неправда: кто в потустороннем мире воспользоваться может тем, что сделано другим?

12. И по какой причине попадет на небеса животное, сердце которого от зла не отвратилось, и в нем не возросло решенье твердое творить прекрасные дела – неужто лишь за то, что убивают его во время жертвоприношенья?

13. Когда б животное, убитое при принесеньи жертвы, могло попасть на небеса, то разве сами брахманы не захотели бы собою заменить животных жертвенных? Так почему ж нигде не видим мы такого? Кто после этого их слову станет верить?

14. И подлинно ли небожители, оставив дивную амриту, несравненную по аромату и чудесной силе, по вкусу и по действию могучему, которую подносят им прекрасные апсары, придут в восторг от сальника и прочих жертв, полученных от убиенья несчастного животного?

Видно, теперь настало время действовать таким образом», – подумал царь, и, приняв это решение, он, как будто желая совер-

шить жертву и одобряя слова своих советников, обратился к ним: «Поистине, у меня есть надежная опора, и я возвеличен милостью богов, если вы проникнуты мыслью о моем благе. Поэтому я хочу совершить жертвоприношение, принеся в жертву тысячу человек. Пусть же мои советники, каждый согласно своим полномочиям, позаботятся о доставке всего необходимого для этого дела. Пусть позаботятся найти и место, наиболее подходящее для возведения построек для саттры; следует также определить благоприятный для жертвоприношения лунный день, час, мгновение и созвездие».

После этого домашний жрец царя сказал ему: «Для успеха предпринимаемого дела ты, о великий государь, должен совершить по окончании одного жертвоприношения очистительное омовение авабхритха 2, после чего последовательно можно приступать к другим жертвоприношениям. Ведь очевидно, что если сразу взять для жертвоприношения тысячу человек, то это может вызвать нежелательные волнения в народе». – «Это верно», – сказали царю брахманы, и он ответил им: «Оставьте, о достопочтенные, все ваши опасения о гневе подданных. Я устрою все так, что мой народ не будет возмущаться». После этого царь, собрав горожан и селян, обратился к ним со следующими словами: «Я хочу совершить жертвоприношение и принести в жертву тысячу человек. Но ни один достойный человек, не совершивший зла, не будет отдан мною, как жертва, на заклятие. Поэтому каждого из вас, кого я, начиная с сегодняшнего дня с помощью своих всюду проникающих глаз, которыми будут служить люди незапятнанные, отряхнувшие сон беззаботности, замечу как преступающего границы благонравия и нарушающего мои приказания, я отдам для принесения в жертву как оскверняющего свой род и как врага своей страны. Да будет вам это известно!»

В ответ на эти слова старейшины, почтительно сложив руки, обратились к царю:

15. «Все действия твои направлены на благо подданных, и разве есть причина, чтобы осуждать их, о великий государь? Сам Брахма³ должен был бы поведение твое одобрить, о образец всех добрых поведений! Будь здесь ты наивысшим образцом для всех!

16. То, что приятно государю, приятно также и для нас: тебе ведь также кажется приятным лишь наше благо и лишь то, что нам приятно!»

Так была принята речь царя, горожанами и селянами. После этого царь разослал повсюду по городам и селам достойных доверия слуг, повелев им схватывать всех злых преступников, а также ежедневно возглашать следующее, предварительно оповещая об этом народ барабанным боем:

17. «Хранящий безопасность царь дарует безопасность всем добрым людям, украшенным прекрасным повелем и постоянной чистотой; для блага же народа он жертвоприношение желает совершить с закланьем тысячи преступников, для жертвы предназначенных тех, кто закоснел в злочинствах.

18. И тот, кто повеление царя, что почитается даже вассалами-князьями, преступит в высокомерии своем или в попустительстве желаньям незаконным, тот, этими поступками своими осужденный, в несчастье будет ввергнут и обратится в жертву искупленья; привязан будет он к столбу для принесены в жертву; в своих страданиях достойный сожаленья, своими муками он будет взоры привлекать людей».

И вот жители страны этого царя, приняв во внимание, что царь велел разыскивать безнравственных людей с целью принести их в жертву, ежедневно слыша страшные слова царского приказа и видя его слуг, разосланных повсюду с поручением хватать порочных людей, оставив свои безнравственные наклонности, стали всеми силами стремиться к самообузданию и доброму поведению: отвратившись от склонности к вражде, они обратились к взаимной любви и уважению; среди них прекратились раздоры и ссоры; с глубоким уважением стали они относиться к словам старших; стали искусны в проявлении щедрости; стали гостеприимны и сияли скромностью и благовоспитанностью, словно жили в Критаюге.

19. От страха смерти, от мыслей о загробном мире, а также по причине семейной гордости, стремленья к доброй славе, стыдливости, возросшей от великой чистоты сердечной, народ там непорочной, чистой жизнью стал сиять.

20. Чем глубже весь народ святым законом проникался, тем с большей ревностью царевы слуги старались выследить людей дурного поведенья, и потому никто не преступал закон.

21. И вот, услышав обо всем, в его стране происходящем, царь просиял великой радостью и, наградивши вестников за их приятные известия, он с наставлением к своим министрам обратился:

22. «Мое стремление высшее – народ свой охранять; теперь пришел он в состояние, достойное награды; богатства эти все, что предназначены для жертвы, хочу я в жертву принести, в согласии с решением прежним.

23. Пусть каждый, сколько пожелает, вволю у меня возьмет богатства, топлива для счастья. Да будет изгнана из царства моего та бедность, которая страданиями мою страну томила.

24. Когда я принял твердое решение спасти народ, когда благодаря высокой вашей помощи, так средства возросли мои, мне кажется, что бедствие народа, гнев мой вызывая, жжет мое сердце каждый миг».

И вот советники царя, с величайшим восторгом приняв его слова, распорядились устроить дома для бесплатной раздачи даров по всем деревням, городам и рынкам, а также в местах отдыха на дорогах и, согласно приказанию царя, стали ежедневно удовлетворять всех нуждающихся, с великой щедростью исполняя желания каждого.

25. Тогда народ, освободившийся от бедности и вдруг разбогатев благодаря богатствам царским, в прекрасные одежды облачившись, блистал, как будто в дни торжеств великих.

26. И, сотканная из хвалебных гимнов радостных просителей, распространилась широко повсюду слава государя, как лотоса пыльца, его тычинками рожденная, все далее волнами легкими по озеру разносится.

27. Таким путем, благодаря тем мудрым мерам государя, народ весь к жизни добродетельной вернулся, и бедствия, утратившие силу вследствие благополучия народа, непрерывно возроставшего, исчезли, не находя ни в чем опоры.

28. Все сезоны года приятны стали, наступая регулярно, как новые цари вступают [на престол], придерживаясь строгого порядка; земля богатые там жатвы стала приносить; покрылись лотосами водоемы с чистой голубой водой.

29. Тяжелые болезни более не мучили народ, лекарственные травы огромную целительную силу получили; как надлежит, в то или другое время года всегда там веял ветер; планеты двигались вокруг путем благоприятным.

30. И никому не угрожала там опасность ни извне, ни внутри царства, ни от случая слепого; народ же соблюдал святой закон и верен был своим обетам: поэтому, казалось, наступила Критаюга.

Когда таким образом царь совершил, согласно со святым законом, свое жертвоприношение, утолил страдания бедняков и пресек все другие бедствия, его страна являла прекрасную картину счастья; народ был полон радости и неустанно повторял слова благословения царю, и слава его распространилась повсюду. И вот один из его главных министров, душа которого обратилась к вере, сказал царю такие слова:

«Поистине прекрасно говорится:

31. Имея постоянно дело с деяньями людей различных – высоких, низких или средних – властители всех превосходят мудростью.

Это истина. Ты, государь, принеся, согласно со святым законом, жертву безгрешным, безупречным способом, избегнув умерщвления животных, доставил своему народу счастье в обоих мирах; окончены его несчастья, равно как и страдания бедности, и он направлен на стезю нравственной жизни. К чему же много говорить? Счастлив твой народ!

32. Мех антилопы черной, что на тебя накинут, подобен знаку на луне; [...] прическа на твоей голове теперь не менее прекрасна, чем когда она была под царским зонтиком; своею щедростью Ты отнял гордость даже у того, кто сотню жертв принес: его лишил ты славы.

33. О мудрый, ничтожна, вредоносна жертва большинства людей, стремящихся к награде; а эта жертва, украшение славы, соответствует твоей моральной чистоте, чарующей своей безупречностью.

34. О сколь блаженна участь подданных, которым ты защитник: ведь, несомненно, даже и отец не может стать таким защитником своих детей!».

Другой сказал:

35. «При наличии великого богатства люди обычно щедрость проявляют, надеясь на награду; а поведением нравственным стремятся к воздаянию в сем мире или жаждут неба, но проявление подобное обоим этих качеств, как у тебя, искусного в поступках ради ближних, не наблюдается у тех, кто не возвышен мудростью и бескорыстной добротой не блещет».

Таким образом, «чистых сердцем не склонить к дурным деяниям»; помня об этом, следует стремиться к душевной чистоте.

36. И поскольку стремление к благу подданных несет царям спасенье, счастье и славу, нельзя им отвращаться от него.

Так следует сказать в поучение царям. Еще следует добавить: возрастание праведности в народе ведет к благополучию; зная это, стремящийся к благополучию должен обратиться к праведности, а также следует рассказывать, что «Никогда вред, причиняемый живым существам, не ведет к благополучию, а лишь щедрость, смирение и самообуздание. Поэтому всякий, кто стремится к нему, должен проникнуться щедростью и прочими добродетелями».

Равным образом следует рассказать это, когда речь идет о Татхагате, говоря: «Наш Владыка еще в прежних своих рожденьях показал, что сердце его стремится к действиям на благо ближних».

Джатака о змее

Словами: «Кто друга наставлений не приемлет...» – Учитель – он жил тогда в Джетаване – начал рассказывать об упрямом монахе. Спросил однажды Всеблагой этого монаха: «Правду ли говорят, брат мой, что ты упрям?» «Сущую правду, почтенный!» – ответил он. «О бхиккху, – заметил Учитель, – тебе ведь не только теперь свойственно упрямство: и прежде уже ты был упрям. Только потому, что из-за своего упрямого нрава не послушал советов мудрых людей, ты и погиб, укушенный змеей!» И, поясняя сказанное, Учитель поведал о том, что было в прежней жизни.

«Во времена прошедшие, когда на бенаресском престоле восседал Брахмадатта, Бодхисатта родился на земле в богатой семье, в царстве Каси. По достижении зрелости он уразумел, что источник страданий – страсти, а счастье – в самообуздании, избавился от страстей и стал отшельником. Поселясь в Гималаях, достиг он высших ступеней йоги и овладел всеми пятью ступенями истинного знания и восемью совершенствами. Постоянно предаваясь блаженному погружению в глубины сосредоточенного размышления, Бодхисатта со временем стал наставником всей общины. Жил он в окружении множества святых людей, числом до пятисот.

Случилось так, что какая-то ядовитая змея, переползая, как и все ее сородичи, с места на место, появилась близ хижины одного из отшельников. Отшельник поймал змею, посадил ее в полый кусок бамбука и держал при себе, выказывая почти отцовскую любовь. И, так как змея жила в бамбуке, ее прозвали «Велука», то есть «Обитающая в бамбуке», а оттого, что монах питал к змее почти

отцовские чувства, отшельники дали ему прозвище «Велука-пита», «Отец Обитающей в бамбуке».

Прослышав о том, Бодхисатта стал спрашивать монахов, правда ли, что один из отшельников держит в доме змею. Узнав, что это правда, он принялся увещевать бхиккху: «Нельзя доверять змеям, брат мой, не держи ее у себя!» Но отшельник отвечал ему: «Эта змея для меня будто любимый ученик для наставника. Я просто не смогу жить без нее!» «Что ж, поступай как хочешь, – сказал Бодхисатта, – знай только, что именно из-за нее ты и простишься с жизнью». Отшельник, однако, не послушал Бодхисатту и не захотел расстаться со змеей.

Через некоторое время отшельники отправились заготавливать плоды – спелые и неспелые. Два-три дня они прожили в лесу, в месте, где плодов было видимо-невидимо и их было легко собирать. Монах, прозванный «Отцом Обитающей в бамбуке», тоже был там. Змею же он оставил дома в полом куске бамбука. Когда, наконец отшельники воротились к себе в обитель, бхиккху, спеша накормить свою любимицу, вынул из бамбука затычку и вытянул руку, приговаривая: «Иди сюда, деточка! Иди, голодная моя!» Змея же, разозленная тем, что ей пришлось поголодать несколько дней, вонзила зубы прямо в протянутую руку отшельника. Отшельник упал бездыханный, а змея уползла в лес. Видевшие все это рассказали о происшедшем Бодхисатте, и тот распорядился сжечь тело покойного. Желая наставить в дхамме отшельников, которые пришли и расселись вокруг, Бодхисатта спел им такой стих:

«Кто друга наставлений не приемлет,
Словам заботы дружеской не внемлет,
Тот неизбежно смерть находит в муке.
Подобен он «Отцу Змеи в бамбуке».

И, наставив так подвижников, Бодхисатта затем сам приобщился к четырем величайшим добродетелям. С истечением же отпущенного ему срока он возродился в мире Брахмы. И Учитель повторил: «Не только ведь теперь, бхиккху, свойственно тебе упрямство: и прежде уже из-за своего упрямого нрава ты погиб, укушенный змеей». Заканчивая свое наставление в дхарме, Учитель истолковал джатаку, так связав перерождения: «В ту пору «Отцом Обитающей в бамбуке» был упрямый бхиккху, отшельниками – ученики Пробужденного, наставником же – я сам».

Предания о дзэнском монахе Иккю

В японской культуре буддизм приобрел форму мистической философии Дзэн (дзэн-буддизм). Дзэн-буддизм называют «учением без священных текстов», ведущим через медитацию к самопознанию, духовному просветлению и обретению «настоящей природы» человека. Одним из наиболее известных дзэнских монахов был Иккю Содзюн (1394–1481 г.), живший в начале эпохи Муромати, и явивший собой пример требовательности простоты жизни и аскетического самоуглубления, а также пренебрежения к религиозному формализму.

*Как Иккю затворился у себя,
а люди не знали, что и думать*

Как-то Иккю размышлял о сути причин и связей, ведущих к просветлению. Миряне и друзья каждый день приходили к нему, а ему это мешало, и он хотел избавиться от этой помехи, сказал всем: «Мне нездоровится!» – и перестал принимать кого-либо.

Все о нем беспокоились и временами приходили его проведать, и за всклокоченной отросшей бородой не могли разглядеть, что с ним, а он только и говорил: «Болею я!» Тогда собрались миряне и друзья, рассудили, что это странно, и приглашали к нему известных в те времена целителей одного за другим, потом спрашивали: «Что у него за болезнь?» – а те только и отвечали: «Пульс у него хороший, и причина болезни непонятна».

Как-то раз миряне и друзья собрались снова, и один из них рассудил: – Непохоже, чтоб эта болезнь с ним случилась из-за влажности или жара. Он монах еще молодой, может, это его недомогание душевное, оттого, что влюбился в кого-нибудь? – и все согласились: «Должно быть, так и есть! Может, сделаем так? Или эдак?» – рассуждали они, и порешили так: «Если к нему зайвится много людей, он откровенничать не станет. А если заглянут к нему двое-трое тех, с кем он дружен, да поговорят по душам, назовет он и имя. А узнаем, в кого он влюблен, тогда уж и будем решать. Не может быть, чтобы мы не могли что-нибудь придумать, если

вместе возьмемся!» – так договорились они и обрели надежду на успех. К Иккю пошли трое его друзей.

Иккю их принял, поговорили они о том, о сем, и, наконец, один из них прямо спросил Иккю:

– С недавних пор пробовали вас лечить по-разному, и каждый целитель говорил, что пульс у вас хороший. Болезнь у вас необычная, – может, потому, что таите что-то на сердце? Думается, вам случилось влюбиться, или я ошибаюсь? Расскажите нам все без утайки, а мы уж придумаем, как вам помочь! Иккю радостно просветлел лицом:

– Что уж тут скрывать! Так и есть, недавно я влюбился, и вот теперь сохну. Как вы хорошо угадали! Что тут скажешь, совсем это на меня не похоже, но если бы вы только могли что-нибудь с этим поделаться! Хотя жизнь не связана шелковой нитью, но мысли спутываются, и я в смятении. Но стеснительно мне назвать ее имя при вас. Я лучше напишу и отдам вам. Как выйдете за ворота, откройте и прочитайте. Если сможете что-нибудь устроить, то тем излечите меня и продлите мне жизнь, а я за это научу вас хорошему Пути! – с этими словами он юркнул в другую комнату, быстро черкнул письмо, сложил его и передал тем троим друзьям.

Друзья возрадовались: «Будьте покойны, уж мы что-нибудь придумаем!» – вышли от него и бегом устремились за ворота, сказали друг другу: «Так и оказалось, как мы думали!» – и поспешили развернуть письмо, вот как не терпелось им узнать имя возлюбленной Иккю.

В письме были стихи:

*На истинный облик
Изначальной природы вещей
Бросил лишь взгляд
– И с той же минуты
Влюбился.
Разве лишь я один?
И Шакья, и Бодхидхарма,
И множество просветленных
Истощали себя,
Сохли по этой даме...*

Далай-лама XIV

Буддизм Тибета

Произведение доктора богословия Далай-ламы XIV (буддийского монаха Тэнзин Гьямцо, род. в 1935 г.) «Буддизм Тибета» представляет собой своего рода введение в тибетский буддизм «для начинающих». Буддизм включает в себя ряд независимых направлений. Тибетский («Северный») буддизм получил распространение (помимо духовного монашеского центра буддизма Тибета) во многих странах Азии, в частности, в Монголии и на территории России в среде бурят, калмыков и тувинцев. Издание данной книги буддийского духовного лидера в русском переводе произошло впервые в 1990 году. С самого начала изложения сути буддизма, Далай-лама XIV противопоставляет духовную практику самосовершенствования человека материальному прогрессу человечества, не давшему человеку ощущения гармонии собственной жизни, «спокойствия» и «прочного счастья».

Необходимость религиозной практики в этой жизни

Причина, по которой нам следует заниматься религиозной практикой, заключается в том, что, каким бы ни был материальный прогресс, сам по себе он не может обеспечить нам надлежащего прочного счастья. В самом деле, чем больше мы преуспеваем материальном отношении, тем больше в нашей жизни постоянного страха и беспокойства. [...] Во всяком случае, такие средства никогда не смогут принести людям наивысшего и прочного счастья. Эти методы вызывают только внешнее физическое удовольствие, поэтому, хотя благодаря им и возникает иногда некое духовное удовлетворение, оно не может быть продолжительным. С другой стороны, общеизвестно, что когда человек ищет счастья только в духовной сфере, ему легче переносить физические лишения. Это результат занятий религиозной практикой и преобразования сознания. Более того, даже возникновение удовольствия в этой жизни зависит от религиозной практики. Удовольствие и страдание, большое или малое, не возникает от одних лишь внешних, поверхностных факторов, к тому должны быть и внутренние причины.

Причины эти – потенции сознания, то есть скрытые способности к совершению добродетельных и дурных действий. Эти потенции пребывают в пассивном состоянии; они выявляются благодаря внешним причинам, и тогда возникает чувство наслаждения или боли. Если таковые потенции отсутствуют, то сколько бы ни было внешних факторов, удовольствие или боль не могут ни возникнуть, ни исчезнуть. Такие потенции заложены действиями, совершенными в прошлом.

Итак, в какой бы форме страдания ни проявлялось следствие, вначале нужно было из-за недисциплинированности ума совершить дурное деяние и тем самым «накопить» его. Потенция деяния закладывается в сознании, и потом, когда появляются определенные причины, испытывается страдание. Таким образом, все наслаждения и все страдания в основе своей проистекают из сознания. Итак, без религиозной практики невозможно дисциплинировать ум, а из-за недисциплинированности ума «накапливаются» дурные деяния. Деяния эти, в свою очередь, закладывают в потоке сознания потенции, под воздействием которых произрастают плоды страдания.

Необходимость религиозной практики для будущей жизни

Есть сферы бытия, где существа обладают только сознанием, но большинство живых существ обладают еще и физической основой. И у тела, и у сознания есть свои непосредственные причины: например, в случае рождения из утробы непосредственной причиной тела служит семя отца и кровь матери. Точно так же сознание имеет причину, родственную ему самому. Началом потока сознания в этой жизни является сознание в момент «вхождения» его в центр смешавшихся семени отца и крови матери; и это начало сродни тому сознанию, каким оно становится впоследствии. У духовной сущности непременно должен быть предыдущий поток, – ведь внешние явления не могут стать сознанием, а сознание не может стать внешними явлениями. Если же неизбежно существует поток этой духовной сущности, то и до «вхождения» [в новую жизнь] он не может быть чем-то иным. Тем самым доказывается существование предыдущей жизни. Поскольку сознание есть единый поток, то и в наши дни случается, что некоторые взрослые или дети помнят

свои предыдущие рождения, если есть все условия, способствующие сохранению такой памяти. И в засвидетельствованных жизнеописаниях прошлых времен имеется много примеров сохранения памяти о предыдущих рождениях.

Хотя причина и следствие – не одно и то же, они должны быть связаны частичным подобием. Например, поскольку тело обладает осязаемостью, формой и цветом, его непосредственная причина также должна обладать этими качествами; и поскольку сознание не обладает формой и прочим, его непосредственная причина не может обладать этими качествами. Так и семена сладких на вкус растений дают сладкие плоды. Поэтому семя и кровь родителей, относящиеся к сфере физического, не могут быть непосредственной причиной невещественного сознания. Исходя из этого и других обстоятельств, можно с уверенностью заключить, что предыдущие и последующие жизни существуют. А поскольку есть предшествующие и будущие жизни, совершенно ясно, что только религиозная практика может принести пользу в этом непрерывном потоке существований. Вот почему необходима религиозная практика.

Буддизм одна из многих религий мира: ее Учитель

В этом мире много разных лекарств для лечения разных болезней, и точно так же есть много религиозных систем, служащих средством к достижению счастья всеми живыми существами – людьми и прочими. Каждая из этих систем отличается методами практики и формами своего выражения. Но мне думается, все они едины в том, что совершенствуют тело, речь и мысль практикующих, и в том, что имеют благие цели. Все эти системы сходятся в учении о неприемлемости дурных деяний речи, таких, как ложь и злословие, а также дурных физических деяний, таких, как воровство и убийство.

Как это ни прискорбно, но история знает примеры борьбы и ненависти между последователями различных религий. Хорошо, если бы все это осталось в прошлом и никогда не повторилось. Приверженцы различных религий несомненно могут прийти ко взаимному согласию. В общем люди сегодня делятся на тех, кто занимается и кто не занимается религиозной практикой; поэтому важно, чтобы все верующие объединились, отбросив свои предрассудки. Но нельзя достичь этого, испытывая чувство ненависти

[к тем, кто не занимается религиозной практикой]. Ведь наше согласие не только поможет верующим, но самой нашей целью должно быть оказание помощи неверующим в обретении ими как преходящего, так и вечного счастья. Это могло бы стать средством для устранения их неведения, - того неведения, которое не позволяет им увидеть, что именно следует принять, а что – отвергнуть. И все это подвигло бы их на путь к обретению высшего счастья. Я уповаю на то, что все религии объединятся ради достижения этой цели, и молюсь об этом. Книги и переводы, созданные в прошлом, несомненно, сослужили большую службу буддизму, но многие из них являются не более чем общим объяснением Пути. [...]

Наш Учитель Будда Шакьямуни – один из тысячи Будд этого эона. Эти Будды не были Буддами изначально, но были когда-то такими же существами, как и мы. Буддами они стали следующим образом. Если сравнить по значимости тело и сознание, то сознание важнее, ибо тело и речь находятся у него в подчинении. Скверны, такие, как, например, страстное желание, не омрачают природу сознания, ибо природа сознания чиста и ничем не омрачима. Скверны являются периферийными факторами сознания, и постепенно исправляя изъяны всех видов, такие, как, например, эти скверны, можно полностью устранить случайные загрязнения. Это состояние совершенного очищения и есть состояние Будды; поэтому буддисты не считают, что есть некий изначально просветленный Будда. Будды всегда стремятся к благу существ, блуждающих в круговороте бытия. Ежечасно и ежеминутно они творят безграничное благо для живых существ путем бесчисленных проявлений своих тел, речи и мысли. Например, в этом эоне – т. е. периоде, длящемся великое множество лет – они явят себя как тысяча высших Тел Проявления (нирманакая) Будд, каждый из которых будет нести свое новое Учение. Учение Будды Шакьямуни отличается от Учений других Будд тем, что оно представляет собой сочетание [методов] сутры и тантры, в то время как в большинстве других вообще нет тантры. [Будда Шакьямуни в действительности достиг Просветления много эонов назад, но], с внешней точки зрения в его жизни можно выделить двенадцать главных событий: его нисхождение из Чистой Земли Радости (Тушита), его зачатие, рождение, обучение и овладение искусствами, утехи со свитой жен, отречение, аскетизм, медитация под Древом просветления, победа над воинством зла, становление Буддой, поворот колеса Учения и

Нирвана. Будда пришел в этот мир ради существ, блуждающих в круговороте бытия. Из трех видов чудесных проявлений – тела, речи и мысли – главным было чудесное проявление речи, и значит, он пришел ради поворота колеса Учения [т. е. – проповеди]. Учитель Шакьямуни родился в царской семье и первый период жизни провел как царевич. Когда же он осознал, что все радости круговорота бытия имеют природу страдания, он отказался от жизни во дворце и начал практиковать аскетизм. Наконец, в Бодх-Гае он указал путь достижения полного просветления, и затем поочередно совершил три знаменитых поворота колеса Учения. В первый период, в Варанаси, Будда повернул колесо Учения, изложив доктрину о Четырех благородных истинах; он сделал это прежде всего в расчете на приверженцев духовной традиции слушающих (шраваков). В средний период, в Гридхракуте, он повернул во второй раз колесо Учения, изложив доктрину об отсутствии самосущего бытия всех явлений; это он сделал в основном в расчете на обучаемых с большими умственными способностями, приверженцев духовной традиции махаяны. В последний период, в Вайшали, он повернул в третий раз колесо Учения, изложив доктрину о разграничении явлений, существующих истинно и не истинно; он сделал это в основном в расчете на приверженцев духовной традиции махаяны со средними и малыми умственными способностями. Учитель Будда также явил себя в облике Ваджрахары и изложил тантрийские учения. Тома переводов на тибетский язык, которые в наше время широко известны как Кангьюр (Ганджур), – это не что иное, как слово Будды. Сутры, относящиеся к изречениям Благословенного, образуют все три раздела этого Писания, которые составлены в соответствии с предметом рассмотрения: раздел дисциплины (виная) посвящен этике (шила); раздел писания (сутранта) – медитативному сосредоточению (самадхи); и раздел знания (абхидхарма) – мудрости (праджня). Тантрийские учения образуют четыре класса тантр. Указанные четыре класса тантр могут включаться в «раздел писания».

Значение слова дхарма

Слово дхарма на санскрите значит «то, что держит». Все сущее – это дхармы, явления, в том смысле, что они содержат, или несут, свою собственную сущность или характер. Также и

религия – это дхарма в том смысле, что она удерживает людей, или защищает их от бедствий. Термин дхарма понимается здесь в последнем смысле. В грубом приближении любое возвышенное действие тела, речи или мысли может рассматриваться как дхарма, потому что благодаря такому действию человек уже защищается, или удерживается от всех видов несчастий. Практика таких действий – это практика дхармы. Поскольку здесь нет возможности подробно останавливаться на теме дхармы как таковой, то на доступном языке будет кратко изложена только буддийская дхарма.

Четыре благородные истины

Благословенный говорил: «Это – истинные страдания, это – истинные источники, это – истинные пресечения, это – истинные пути. Страдания следует познать, источники их – устранить, пресечение страданий – осуществить, пути [к освобождению] следует пройти. Страдания следует познать – тогда не останется страданий, которые следовало бы познать. Источники страданий следует устранить – тогда не останется источников которые следовало бы устранять. Пресечения страданий следует осуществить – тогда не останется пресечений, которые следовало бы осуществлять. Пути следует пройти – тогда не останется путей, которые следовало бы проходить». Таковы Четыре благородные истины с точки зрения их сущности, необходимых действий и в связи с их результатами. В объяснении их мы будем в основном следовать толкованию системы Прасангика-Мадхьямика, высшей из буддийских философских школ. Истинные страдания – это явления, которые происходят от омраченных действий и скверн и входят в понятие круговорот бытия. Истинные источники – это причины, производящие истинные страдания. Истинные пресечения – это состояния уничтожения и исчезновения страданий и истинных источников. Истинные пути – это особые методы достижения истинных пресечений. Так как истинные страдания возникают из истинных источников, источники на самом деле предшествуют страданиям. Также истинные пресечения осуществляются посредством прохождения истинных путей; посему на самом деле пути предшествуют пресечениям. Однако Благословенный изменил этот порядок на обратный, когда учил Четырем благородным

истинам, что чрезвычайно важно. Ведь сначала человек распознает страдания, и потом он исследует их причины; поэтому Будда объяснил источники страданий после определения самих страданий. Когда рождается уверенность в возможности уничтожить страдания, возникает и желание пресечь их. Отсюда появляется желание пройти пути [к пресечению]; поэтому Будда объяснил истинные пути после определения истинных пресечений.

Может возникнуть вопрос: «Поскольку круговорот бытия и его горести суть истинные страдания, то что же он собой представляет?» Круговорот бытия разделяется на три сферы: мир желаний, мир форм и мир без-форм. В мире желаний существа предаются удовольствиям пяти желанных: форм, звуков, запахов, вкусов и осязаемых объектов. Мир форм состоит из двух частей: в низшей существа не увлекаются внешними удовольствиями, но испытывают наслаждения внутреннего созерцания. В высшей части существа вообще отвратились от услаждающих чувств и испытывают нейтральные чувства. В мире без-форм все формы, звуки, запахи, вкусы и осязаемые объекты, а также пять чувств, дающих наслаждения ими, отсутствуют; здесь царит лишь сознание, и существа испытывают только нейтральные чувства, сосредоточенно и без отвлечений. Есть шесть типов живых существ, которые движутся в круговороте бытия: боги, полубоги, люди, голодные духи, животные и мученики адов. К богам относятся существа в мирах форм и без форм, и шесть типов богов мира желаний. Полубоги подобны богам, но злонамерены и грубы. Люди – обитатели так называемых четырех «материков» и тому подобного. Голодные духи – многочисленные разновидности существ, мучимых голодом и жаждой. Животные – те, что живут в океане и на поверхности земли. Мученики адов – существа, имеющие разные цвета и виды в зависимости от их собственных прежних деяний. Суть выражения круговорот бытия в том, что это – процесс, неподвластный ничьему контролю, происходящий в соответствии с омраченными действиями и сквернами. Его сущностная природа – горесть; он создает основу для страданий настоящего и порождения страданий в будущем. Строго говоря, круговорот бытия – это оскверненные психофизические совокупности сложившиеся как результат омраченных действий и скверн. Поскольку нет ничего всех трех мирах, что не входило в круговорот бытия, то психофизические совокупности всех существ и составляют круговорот бытия.

Причины круговорота бытия

Каковы корни круговорота бытия? Источников страдания два: омраченные действия и скверны. Скверны определяются как периферийные факторы сознания и сами по себе не являются ни одним из шести основных сознаний [глаза, уха, носа, языка, тела и ума].

Однако когда проявляется какой-либо из оскверняющих факторов сознания, основное сознание [ума] подпадает под его влияние, идет туда, куда ведет его скверна, и тем самым «накапливает» дурное действие. Существует великое множество различных скверн, но основные – это [эгоистичное] желание, злоба, гордость, ложные взгляды и т. д. Из них главные – желание и злоба. Злость появляется из-за первоначальной привязанности к самому себе, когда случается что-либо нежелательное. Затем из-за привязанности к себе появляется гордость, и человек считает себя лучше других. Точно так же, когда мы чего-то не знаем, появляется ложное представление, что данный объект не существует. Отчего с такой огромной силой возникают привязанность к себе и все прочие подобные явления? Они возникают в силу безначальной обусловленности сознания, крепко держащегося за «я» даже во сне. Эта ложная концепция «я» появляется из-за отсутствия знаний о сущности вещей. То обстоятельство, что все объекты лишены самосущего бытия, неочевидно, и кажется, что вещи обладают независимой реальностью; отсюда и проистекает представление о значимости собственного «я». Следовательно, концепция, что явления обладают независимой реальностью, представляет собой скверну неведения, которая и есть первичный корень всех прочих скверн. [...]

Освобождение

Круговорот бытия – это оковы, а освобождение означает свободу от оков. Как объяснялось выше, причины круговорота бытия – омраченные действия и скверны. Если корни скверн устранены, и если новые действия не накапливаются, то, поскольку уже нет скверн, которые могли бы активизировать потенции омраченных действий, сохранившиеся от прошлого, тем самым устранены и причины круговорота бытия. Значит, это – свобода от оков. До тех

пор, пока еще остаются психофизические совокупности, произведенные прежними омраченными действиями и сквернами, – это, как говорят некоторые, нирвана «с остатком». Когда таких совокупностей больше нет, это нирвана «без остатка». «Без остатка» означает, что не осталось психофизических совокупностей, произведенных омраченными действиями и сквернами, однако поток сознания и поток неомраченных психофизических совокупностей все-таки существуют.

Устранением причин сводятся на нет омраченные совокупности, а освобождение от них приводит к исчезновению связанного с ними страдания. Таково освобождение, которое может быть двух видов: освобождение, заключающееся просто в уничтожении всех форм страдания и их источников, и великое, непревзойденное освобождение, состояние Будды. Первое – это уничтожение всех обусловленных сквернами препятствий [на пути освобождения от круговорота бытия], но не препятствий к прямому постижению всех объектов познания. Второе – это наивысшая ступень, полное уничтожение как скверн, так и препятствий к всеведению.

Хинаяна («малая колесница»)

Достичь как того, так и другого освобождения можно лишь следуя пути. Есть пути обыкновенных существ – и пути Высших. Вторые – это пути истинные. Среди последователей хинаяны различаются слушающие (шраваки) и единолично-пробужденные (пратьекабудды). У тех и других имеется по пять путей, что вместе составляет десять путей хинаяны. Хотя слушающие – ниже, а единолично-пробужденные – выше, основа у них одна. И те и другие следуют учению пути хинаяны, которое служит методом лишь индивидуального освобождения от круговорота бытия. Кратко говоря, они берут за основу свод этических правил в сочетании с твердым намерением выйти из круговорота бытия и на основе этого вырабатывают единство безмятежности (шаматха) и особого постижения (випашьяна), устремленного к пустоте. Тем самым они избавляются от скверн и от их семян, так что скверны не могут произрасти вновь. Действуя так, они достигают освобождения. И слушающие, и единолично-пробужденные должны последовательно пройти пять путей: путь накопления, применения,

ведения, медитации и не-учения-более. Тот, кто идет этими путями, называется последователем хинаяны.

Махаяна («большая колесница»)

Последователи махаяны прежде всего стремятся достичь состояния Будды, неотстраненной нирваны, высшего освобождения – ради [спасения] других. В соответствии с этим устремлением к высшему просветлению ради блага всех живых существ, они практикуют те же самые пути, что и в хинаяне. Однако эти пути более возвышенны и действенны из-за иных движущих мотивов. К тому же эти пути дополняются специальными методами, основные из которых – шесть совершенствований и четыре способа обращения учеников. Опираясь на них, последователи махаяны полностью и навсегда преодолевают не только препятствия скверн, но и препятствия на пути к всеведению. Когда оба типа препятствий преодолены, достигается состояние Будды. В махаяне также имеется пять путей: путь накопления, применения, видения, медитации и не-учения-более. Хотя они называются так же, как пути хинаяны, в действительности между ними огромная разница. Кратко говоря, разница между двумя колесницами, хинаяной и махаяной, кроется в их исходных мотивах; оттого возникли расхождения и в основной структуре путей, и особенно в их методах или приемах. Оттого, в свою очередь, и результаты их в значительной мере отличаются друг от друга, как низшее от высшего. Когда последователи хинаяны обретают плод своих усилий, останавливаются ли они на этом? Или же они переходят к махаяне? Совершенно ясно, что в конце концов они переходят к махаяне. Поскольку их освобождение – это еще не конечное достижение, они не удовлетворяются им, но постепенно устремляются к конечному достижению, идут его путями и становятся Буддами. [...]

Общие основы практики буддизма

Выражение «практиковать религиозное учение» не обозначает чисто внешние изменения – жизнь в монастыре или начитывание [священных текстов], но это не означает, что они не могут входить в религиозную практику. В любом случае религиозной практикой следует заниматься применительно к своему сознанию.

Если знаешь, как ввести учение в собственный поток, то все физические и словесные действия сложно согласовать с практикой. Без этого, сколько бы человек ни медитировал, или начитывал писания, или проводил жизнь в храме, – все это не поможет: ибо для практики важен именно ум. Таким образом, важнее всего принять Прибежище в Трех Драгоценностях (Будде, Его Учении и Духовном Сообществе), учитывать связь между действиями и их следствиями, выработать в себе стремление помогать другим.

ХРИСТИАНСТВО

Библия

Библия в христианском каноне включает в себя Ветхий и Новый Завет. Ветхий Завет состоит из 50 книг, написанных в течение длительного периода разными авторами (среди которых пророки, цари, судьи и др.), жившими до Рождества Христова, Новый Завет – из 27 книг, написанных учениками Христа – апостолами в середине I – начале II вв. Текст Ветхого Завета является также священным текстом иудаистической религии, и его канон в иудаизме отличается от христианского. Первая часть Ветхого Завета составляет пять книг, написанных пророком Моисеем и его учениками, и потому еще носит название «Пятикнижие Моисея», а в иудаизме именуется «Тора». Ветхий Завет включает в себя также книги исторического характера, повествующие о первоначальной истории человечества и истории Израильского народа, пророческого характера, содержащие предсказания будущих исторических событий и их духовного смысла, и вероучительного характера, содержащие учение о Едином Боге и Его «Завете», Союзе с людьми.

В хрестоматии помещены отрывки из Пятикнижия Моисея – фрагменты из книг Бытие и Исход.

Ветхий Завет

Бытие

Книга Бытие (с иврита в современном произношении Берешит – «В начале»; на латинском – Genesis; на древнегреческом «Генезис» – «Происхождение») содержит повествование о сотворе-

нии Богом мира и человека и первоначальном существовании человечества (событиях до и после Всемирного потопы, и первоначальной истории Израильского «Богоизбранного» народа) и состоит из 50 глав. Несмотря на то, что в самой книге нет указания на ее авторство, иудейская и христианская традиция утверждают, что автором книги был пророк Моисей.

1.

1. В начале сотворил Бог небо и землю. 2. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою.

3. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. 4. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. 5. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один.

6. И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. [И стало так.] 7. И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. 8. И назвал Бог твердь небом. [И увидел Бог, что *это* хорошо.] И был вечер, и было утро: день второй.

9. И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так. [И собралась вода под небом в свои места, и явилась суша.] 10. И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что *это* хорошо.

11. И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя [по роду и по подобию *ее*, и] дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так. 12. И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду [и по подобию] *ее*, и дерево [плодовитое], приносящее плод, в котором семя его по роду его [на земле]. И увидел Бог, что *это* хорошо. 13. И был вечер, и было утро: день третий.

14. И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной [для освещения земли и] для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов; 15. и да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю. И стало так. 16. И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды; 17. и поставил их Бог на тверди небесной, чтобы светить на землю, 18 и управлять днем и ночью, и отделять свет от тьмы. И увидел Бог, что *это* хорошо. 19. И был вечер, и было утро: день четвертый.

20. И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной. [И стало так.] 21. И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее. И увидел Бог, что *это* хорошо. 22. И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле. 23. И был вечер, и было утро: день пятый.

24. И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так. 25. И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их. И увидел Бог, что *это* хорошо.

26. И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, [и над зверями,] и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. 27. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. 28. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими [и над зверями,] и над птицами небесными, [и над всяким скотом, и над всею землею,] и над всяким животным, пресмыкающимся по земле. 29. И сказал Бог: вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя; – вам – *сие* будет в пищу; 30. а всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому [гаду,] пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, *дал* Я всю зелень травную в пищу. И стало так. 31. И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестой.

2.

1. Так совершены небо и земля и все воинство их. 2. И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал. 3. И благословил Бог седьмой день, и освятил его, ибо в оный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал.

4. Вот происхождение неба и земли, при сотворении их, в то время, когда Господь Бог создал землю и небо, 5. и всякий полевой кустарник, которого еще не было на земле, и всякую полевую

траву, которая еще не росла, ибо Господь Бог не посылал дождя на землю, и не было человека для возделывания земли, 6. но пар поднимался с земли и орошал все лице земли. 7. И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою. 8. И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке, и поместил там человека, которого создал. 9. И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла. 10. Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки. 11. Имя одной Фисон: она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото; 12. и золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс. 13. Имя второй реки Гихон [Геон]: она обтекает всю землю Куш. 14. Имя третьей реки Хиддекель [Тигр]: она протекает пред Ассириею. Четвертая река Евфрат. 15. И взял Господь Бог человека, [которого создал,] и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его. 16. И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, 17. а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь. 18. И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему. 19. Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел [их] к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. 20. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым; но для человека не нашлось помощника, подобного ему. 21. И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребр его, и закрыл то место плотию. 22. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку. 23. И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа [своего]. 24. Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут [два] одна плоть. 25. И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились.

3.

1. Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог. И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю? 2. И сказала жена змею: плоды с дерев

мы можем есть, 3. только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть. 4. И сказал змей жене: нет, не умрете, 5. но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло. 6. И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел. 7. И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания.

8. И услышали голос Господа Бога, ходящего в раю во время пролады дня; и скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога между деревьями рая. 9. И воззвал Господь Бог к Адаму и сказал ему: [Адам,] где ты? 10. Он сказал: голос Твой я услышал в раю, и убоился, потому что я наг, и скрылся. 11. И сказал [Бог]: кто сказал тебе, что ты наг? не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть? 12. Адам сказал: жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел. 13. И сказал Господь Бог жене: что ты это сделала? Жена сказала: змей обольстил меня, и я ела.

14. И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это, проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на чреве твоём, и будешь есть прах во все дни жизни твоей; 15. и вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту.

16. Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою. 17. Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; 18. терния и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевой травой; 19. в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься. 20. И нарек Адам имя жене своей: Ева, ибо она стала матерью всех живущих.

21. И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их.

22. И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял

также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно. 23. И выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят. 24. И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни.

4.

1. Адам познал Еву, жену свою; и она зачала, и родила Каина, и сказала: приобрела я человека от Господа. 2. И еще родила брата его, Авеля. И был Авель пастырь овец, а Каин был земледелец. 3. Спустя несколько времени, Каин принес от плодов земли дар Господу, 4. и Авель также принес от первородных стада своего и от тука их. И призрел Господь на Авеля и на дар его, 5. а на Каина и на дар его не призрел. Каин сильно огорчился, и поникло лице его. 6. И сказал Господь [Бог] Каину: почему ты огорчился? и отчего поникло лице твое? 7. если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? а если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним. 8. И сказал Каин Авелю, брату своему: [пойдем в поле]. И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его. 9. И сказал Господь [Бог] Каину: где Авель, брат твой? Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему? 10. И сказал [Господь]: что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли; 11. и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей; 12. когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле. 13. И сказал Каин Господу [Богу]: наказание мое больше, нежели снести можно; 14. вот, Ты теперь сгоняешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь, и буду изгнанником и скитальцем на земле; и всякий, кто встретится со мною, убьет меня. 15. И сказал ему Господь [Бог]: за то всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро. И сделал Господь [Бог] Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его. 16. И пошел Каин от лица Господня и поселился в земле Нод, на восток от Едема. 17. И познал Каин жену свою; и она зачала и родила Еноха. И построил он город; и назвал город по имени сына своего: Енох. 18. У Еноха родился Ирад [Гаидад]; Ирад родил Мехиаеля [Малелеила]; Мехиаель родил Мафусала; Мафусал родил Ламеха. 19. И взял себе

Ламех две жены: имя одной: Ада, и имя второй: Цилла [Селла]. 20. Ада родила Иавала: он был отец живущих в шатрах со стадами. 21. Имя брату его Иувал: он был отец всех играющих на гуслях и свирели. 22. Цилла также родила Тувалкаина [Фовела], который был ковачом всех орудий из меди и железа. И сестра Тувалкаина Ноема. 23. И сказал Ламех женам своим: Ада и Цилла! послушайте голоса моего; жены Ламеховы! внимайте словам моим: я убил мужа в язву мне и отрока в рану мне; 24. если за Каина отмстится всемеро, то за Ламеха в семьдесят раз всемеро. 25. И познал Адам еще [Еву,] жену свою, и она родила сына, и нарекла ему имя: Сиф, потому что, [говорила она,] Бог положил мне другое семя, вместо Авеля, которого убил Каин. 26. У Сифа также родился сын, и он нарек ему имя: Енос; тогда начали призывать имя Господа [Бога].

5.

1. Вот родословие Адама: когда Бог сотворил человека, по подобию Божию создал его, 2. мужчину и женщину сотворил их, и благословил их, и нарек им имя: человек, в день сотворения их. 3. Адам жил сто тридцать [230] лет и родил [сына] по подобию своему [и] по образу своему, и нарек ему имя: Сиф. 4. Дней Адама по рождении им Сифа было восемьсот [700] лет, и родил он сынов и дочерей. 5. Всех же дней жизни Адамовой было девятьсот тридцать лет; и он умер. 6. Сиф жил сто пять [205] лет и родил Еноса. 7. По рождении Еноса Сиф жил восемьсот семь [707] лет и родил сынов и дочерей. 8. Всех же дней Сифовых было девятьсот двенадцать лет; и он умер. 9. Енос жил девяносто [190] лет и родил Каинана. 10. По рождении Каинана Енос жил восемьсот пятнадцать [715] лет и родил сынов и дочерей. 11. Всех же дней Еноса было девятьсот пять лет; и он умер. 12. Каинан жил семьдесят [170] лет и родил Малелеила. 13. По рождении Малелеила Каинан жил восемьсот сорок [740] лет и родил сынов и дочерей. 14. Всех же дней Каинана было девятьсот десять лет; и он умер. 15. Малелеил жил шестьдесят пять [165] лет и родил Иареда. 16. По рождении Иареда Малелеил жил восемьсот тридцать [730] лет и родил сынов и дочерей. 17. Всех же дней Малелеила было восемьсот девяносто пять лет; и он умер. 18. Иаред жил сто шестьдесят два года и родил Еноха. 19. По рождении Еноха Иаред жил восемьсот лет и родил сынов и дочерей. 20. Всех же дней Иареда было девятьсот шесть-

десять два года; и он умер. 21. Енох жил шестьдесят пять [165] лет и родил Мафусала. 22. И ходил Енох пред Богом, по рождении Мафусала, триста [200] лет и родил сынов и дочерей. 23. Всех же дней Еноха было триста шестьдесят пять лет. 24. И ходил Енох пред Богом; и не стало его, потому что Бог взял его. 25. Мафусал жил сто восемьдесят семь лет и родил Ламеха. 26. По рождении Ламеха Мафусал жил семьсот восемьдесят два года и родил сынов и дочерей. 27. Всех же дней Мафусала было девятьсот шестьдесят девять лет; и он умер. 28. Ламех жил сто восемьдесят два [188] года и родил сына, 29. и нарек ему имя: Ной, сказав: он утешит нас в работе нашей и в трудах рук наших при *возделывании* земли, которую проклял Господь [Бог]. 30. И жил Ламех по рождении Ноя пятьсот девяносто пять [565] лет и родил сынов и дочерей. 31. Всех же дней Ламеха было семьсот семьдесят семь [753] лет; и он умер. 32. Ною было пятьсот лет и родил Ной [трех сынов]: Сима, Хама и Иафета.

6.

1. Когда люди начали умножаться на земле и родились у них дочери, 2. тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал. 3. И сказал Господь [Бог]: не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками [сими], потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет. 4. В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им: это сильные, издревле славные люди. 5. И увидел Господь [Бог], что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время; 6. и раскаялся Господь, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце Своем. 7. И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю, ибо Я раскаялся, что создал их. 8. Ной же обрел благодать пред очами Господа [Бога]. 9. Вот житие Ноя: Ной был человек праведный и непорочный в роде своем; Ной ходил пред Богом. 10. Ной родил трех сынов: Сима, Хама и Иафета. 11. Но земля растлилась пред лицом Божиим, и наполнилась земля злодеяниями. 12. И воззрел [Господь] Бог на землю, и вот, она растленна, ибо всякая плоть извратила путь свой на земле. 13. И сказал [Господь] Бог Ною: конец всякой плоти пришел пред лице

Мое, ибо земля наполнилась от них злодеяниями; и вот, Я истреблю их с земли. 14. Сделай себе ковчег из дерева гофер; отделения сделай в ковчеге и осмоли его смолою внутри и снаружи. 15. И сделай его так: длина ковчега триста локтей; ширина его пятьдесят локтей, а высота его тридцать локтей. 16. И сделай отверстие в ковчеге, и в локоть сведи его вверху, и дверь в ковчег сделай с боку его; устрой в нем нижнее, второе и третье [жилье]. 17. И вот, Я наведу на землю потоп водный, чтоб истребить всякую плоть, в которой есть дух жизни, под небесами; все, что есть на земле, лишится жизни. 18. Но с тобою Я поставлю завет Мой, и войдешь в ковчег ты, и сыновья твои, и жена твоя, и жены сынов твоих с тобою. 19. Введи также в ковчег [из всякого скота, и из всех гадов, и] из всех животных, и от всякой плоти по паре, чтоб они остались с тобою в живых; мужеского пола и женского пусть они будут. 20. Из [всех] птиц по роду их, и из [всех] скотов по роду их, и из всех пресмыкающихся по земле по роду их, из всех по паре войдут к тебе, чтобы остались в живых [с тобою, мужеского пола и женского]. 21. Ты же возьми себе всякой пищи, какую питаются, и собери к себе; и будет она для тебя и для них пищею. 22. И сделал Ной все: как повелел ему [Господь] Бог, так он и сделал.

7.

1. И сказал Господь [Бог] Ною: войди ты и все семейство твое в ковчег, ибо тебя увидел Я праведным предо Мною в роде сем; 2. и всякого скота чистого возьми по семи, мужеского пола и женского, а из скота нечистого по два, мужеского пола и женского; 3. также и из птиц небесных [чистых] по семи, мужеского пола и женского, [и из всех птиц нечистых по две, мужеского пола и женского,] чтобы сохранить племя для всей земли, 4. ибо чрез семь дней Я буду изливать дождь на землю сорок дней и сорок ночей; и истреблю все существующее, что Я создал, с лица земли. 5. Ной сделал все, что Господь [Бог] повелел ему.

6. Ной же был шестисот лет, как потоп водный пришел на землю. 7. И вошел Ной и сыновья его, и жена его, и жены сынов его с ним в ковчег от вод потопа. 8. И [из птиц чистых и из птиц нечистых, и] из скотов чистых и из скотов нечистых, [и из зверей] и из всех пресмыкающихся по земле 9. по паре, мужеского пола и женского, вошли к Ною в ковчег, как [Господь] Бог повелел Ною.

10. Через семь дней воды потопа пришли на землю. 11. В шестисотый год жизни Ноевой, во второй месяц, в семнадцатый [27] день месяца, в сей день разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились; 12. и лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей. 13. В сей самый день вошел в ковчег Ной, и Сим, Хам и Иафет, сыновья Ноевы, и жена Ноева, и три жены сынов его с ними. 14. Они, и все звери [земли] по роду их, и всякий скот по роду его, и все гады, пресмыкающиеся по земле, по роду их, и все летающие по роду их, все птицы, все крылатые, 15. и вошли к Ною в ковчег по паре [мужеского пола и женского] от всякой плоти, в которой есть дух жизни; 16. и вошедшие [к Ною в ковчег] мужеский и женский пол всякой плоти вошли, как повелел ему [Господь] Бог. И затворил Господь [Бог] за ним [ковчег]. 17. И продолжалось на земле наводнение сорок дней [и сорок ночей], и умножилась вода, и подняла ковчег, и он возвысился над землею; 18. вода же усиливалась и весьма умножалась на земле, и ковчег плавал по поверхности вод. 19. И усилилась вода на земле чрезвычайно, так что покрылись все высокие горы, какие есть под всем небом; 20 на пятнадцать локтей поднялась над ними вода, и покрылись [все высокие] горы. 21. И лишилась жизни всякая плоть, движущаяся по земле, и птицы, и скоты, и звери, и все гады, ползающие по земле, и все люди; 22. все, что имело дыхание духа жизни в ноздрях своих на суше, умерло. 23. Истребилось всякое существо, которое было на поверхности [всей] земли; от человека до скота, и гадов, и птиц небесных, – все истребилось с земли, остался только Ной и что *было* с ним в ковчеге. 24. Вода же усиливалась на земле сто пятьдесят дней.

8.

1. И вспомнил Бог о Ное, и о всех зверях, и о всех скотах, [и о всех птицах, и о всех гадах пресмыкающихся,] бывших с ним в ковчеге; и навел Бог ветер на землю, и воды остановились. 2. И закрылись источники бездны и окна небесные, и перестал дождь с неба. 3. Вода же постепенно возвращалась с земли, и стала убывать вода по окончании ста пятидесяти дней. 4. И остановился ковчег в седьмом месяце, в семнадцатый день месяца, на горах Араратских. 5. Вода постоянно убывала до десятого месяца; в первый день десятого месяца показались верхи гор. 6. По прошествии сорока

дней Ной открыл сделанное им окно ковчега 7. и выпустил ворона, [чтобы видеть, убыла ли вода с земли,] который, вылетев, отлетал и прилетал, пока осушилась земля от воды. 8. Потом выпустил от себя голубя, чтобы видеть, сошла ли вода с лица земли, 9. но голубь не нашел места покоя для ног своих и возвратился к нему в ковчег, ибо вода была еще на поверхности всей земли; и он простер руку свою, и взял его, и принял к себе в ковчег. 10. И помедлил еще семь дней других и опять выпустил голубя из ковчега. 11. Голубь возвратился к нему в вечернее время, и вот, свежий масличный лист во рту у него, и Ной узнал, что вода сошла с земли. 12. Он помедлил еще семь дней других и [опять] выпустил голубя; и он уже не возвратился к нему. 13. Шестьсот первого года [жизни Ноевой] к первому [дню] первого месяца иссякла вода на земле; и открыл Ной кровлю ковчега и посмотрел, и вот, обсохла поверхность земли. 14. И во втором месяце, к двадцать седьмому дню месяца, земля высохла. 15. И сказал [Господь] Бог Ною: 16. выйди из ковчега ты и жена твоя, и сыновья твои, и жены сынов твоих с тобою; 17. выведи с собою всех животных, которые с тобою, от всякой плоти, из птиц, и скотов, и всех гадов, пресмыкающихся по земле: пусть разойдутся они по земле, и пусть плодятся и размножаются на земле. 18. И вышел Ной и сыновья его, и жена его, и жены сынов его с ним; 19. все звери, и [весь скот, и] все гады, и все птицы, все движущееся по земле, по родам своим, вышли из ковчега. 20. И устроил Ной жертвенник Господу; и взял из всякого скота чистого и из всех птиц чистых и принес во всесожжение на жертвеннике. 21. И обонял Господь приятное благоухание, и сказал Господь [Бог] в сердце Своем: не буду больше проклинать землю за человека, потому что помышление сердца человеческого – зло от юности его; и не буду больше поражать всего живущего, как Я сделал: 22. впредь во все дни земли сеяние и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекратятся.

9.

1. И благословил Бог Ноя и сынов его и сказал им: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю [и обладайте ею]; 2. да страшатся и да трепещут вас все звери земные, [и весь скот земной,] и все птицы небесные, все, что движется на земле, и все рыбы морские: в ваши руки отданы они; 3. все движущееся, что живет, будет вам в пищу; как зелень травную даю вам все; 4. только плоти

с душею ее, с кровью ее, не ешьте; 5. Я взыщу и вашу кровь, в которой жизнь ваша, взыщу ее от всякого зверя, взыщу также душу человека от руки человека, от руки брата его; 6. кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека: ибо человек создан по образу Божию; 7. вы же плодитесь и размножайтесь, и распространяйтесь по земле, и умножайтесь на ней. 8. И сказал Бог Ною и сынам его с ним: 9. вот, Я поставляю завет Мой с вами и с потомством вашим после вас, 10. и со всякою душею живою, которая с вами, с птицами и со скотами, и со всеми зверями земными, которые у вас, со всеми вышедшими из ковчега, со всеми животными земными; 11. поставляю завет Мой с вами, что не будет более истреблена всякая плоть водами потопа, и не будет уже потопа на опустошение земли. 12. И сказал [Господь] Бог: вот знамение завета, который Я поставляю между Мною и между вами и между всякою душею живою, которая с вами, в роды навсегда: 13. Я полагаю радугою Мою в облаке, чтоб она была знамением [вечного] завета между Мною и между землею. 14. И будет, когда Я наведу облако на землю, то явится радуга [Моя] в облаке; 15. и Я вспомню завет Мой, который между Мною и между вами и между всякою душею живою во всякой плоти; и не будет более вода потопом на истребление всякой плоти. 16. И будет радуга [Моя] в облаке, и Я увижу ее, и вспомню завет вечный между Богом [и между землею] и между всякою душею живою во всякой плоти, которая на земле. 17. И сказал Бог Ною: вот знамение завета, который Я поставил между Мною и между всякою плотью, которая на земле. 18. Сыновья Ноя, вышедшие из ковчега, были: Сим, Хам и Иафет. Хам же был отец Ханаана. 19. Сии трое были сыновья Ноевы, и от них населилась вся земля. 20. Ной начал возделывать землю и насадил виноградник; 21. и выпил он вина, и опьянел, и лежал обнаженным в шатре своем. 22. И увидел Хам, отец Ханаана, наготу отца своего, и выйдя рассказал двум братьям своим. 23. Сим же и Иафет взяли одежду и, положив ее на плечи свои, пошли задом и покрыли наготу отца своего; лица их были обращены назад, и они не видали наготы отца своего. 24. Ной проспался от вина своего и узнал, что сделал над ним меньший сын его, 25. и сказал: проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих. 26. Потом сказал: благословен Господь Бог Симов; Ханаан же будет рабом ему; 27. да распространит Бог Иафета, и да вселится он в шатрах Симовых;

Ханаан же будет рабом ему. 28. И жил Ной после потопа триста пятьдесят лет. 29. Всех же дней Ноевых было девятьсот пятьдесят лет, и он умер.

ИСХОД

Книга Исход – вторая книга «Пятикнижия» («Торы») посвящена описанию истории Израильского народа от начала порабощения евреев в Египте фараоном до первых лет после Исхода их из Египта и состоит из 40 глав. В помещенном ниже отрывке из 20 главы книги рассказывается о даровании Богом через пророка Моисея 10 заповедей, ставших основой для нравственного «канона» человечества.

20.

1. И изрек Бог [к Моисею] все слова сии, говоря: 2. Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства; 3. да не будет у тебя других богов пред лицом Моим. 4. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; 5. не поклоняйся им и не служи им, ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, 6. и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои.

7. Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно.

8. Помни день субботний, чтобы святить его;

9. шесть дней работай и делай [в них] всякие дела твои,

10. а день седьмой – суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни [вол твой, ни осел твой, ни всякий] скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих; 11. ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил; посему благословил Господь день субботний и освятил его.

12. Почитай отца твоего и мать твою, [чтобы тебе было хорошо и] чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе.

13. Не убивай.
14. Не прелюбодействуй.
15. Не кради.
16. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.
17. Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, [ни поля его,] ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, [ни всякого скота его,] ничего, что у ближнего твоего.
18. Весь народ видел громы и пламя, и звук трубный, и гору дымящуюся; и увидев *то*, [весь] народ отступил и стал вдали.
19. И сказали Моисею: говори ты с нами, и мы будем слушать, но чтобы не говорил с нами Бог, дабы нам не умереть.
20. И сказал Моисей народу: не бойтесь; Бог [к вам] пришел, чтобы испытать вас и чтобы страх Его был пред лицом вашим, дабы вы не грешили.
21. И стоял [весь] народ вдали, а Моисей вступил во мрак, где Бог.

ПСАЛТИРЬ

Книга псалмов, или Псалтырь, автором которой является Израильский царь Давид (XI–X вв. до Рождества Христова), – одна из важнейших книг Ветхого Завета и всей Библии. По своему характеру она может быть названа примером религиозно-поэтического творчества. Причем ее содержание, как в истории Ветхого Завета, так и в эпоху христианства, стало неотъемлемой частью ритуальной (богослужебной) практики, связанной как с религиозными праздниками, так и с повседневным бытом, и отражающее целый спектр как возвышенно-хвалебных, так и уничижительно-покаянных настроений верующих при молитвенном переживании личной встречи с Богом. Также Псалтырь принято относить к числу пророческих книг Библии. Ниже помещен текст одного из самых популярных псалмов – 50-го псалма, наполненный покаянным настроением.

50.

1. Начальнику хора. Псалом Давида, 2. когда приходил к нему пророк Нафан, после того, как Давид вошел к Вирсавии.

3. Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои. 4. Многократно омой меня от беззакония моего, и от греха моего очисти меня,

5. ибо беззакония мои я сознаю, и грех мой всегда предо мною. 6. Тебе, Тебе единому согрешил я и лукавое пред очами Твоими сделал, так что Ты праведен в приговоре Твоем и чист в суде Твоем. 7. Вот, я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя. 8. Вот, Ты возлюбил истину в сердце и внутрь меня явил мне мудрость [Твою]. 9. Окропи меня иссопом, и буду чист; омой меня, и буду белее снега. 10. Дай мне услышать радость и веселие, и возрадуются кости, Тобою сокрушенные. 11. Отврати лице Твое от грехов моих и изгладь все беззакония мои. 12. Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня. 13. Не отвергни меня от лица Твоего и Духа Твоего Святаго не отними от меня. 14. Возврати мне радость спасения Твоего и Духом владычественным утверди меня. 15. Научу беззаконных путям Твоим, и нечестивые к Тебе обратятся. 16. Избавь меня от кровей, Боже, Боже спасения моего, и язык мой восхвалит правду Твою. 17. Господи! отверзи уста мои, и уста мои возвестят хвалу Твою: 18. ибо жертвы Ты не желаешь, – я дал бы ее; к всеожжению не благоволишь. 19. Жертва Богу – дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже. 20. Облагодетельствуй, [Господи,] по благоволению Твоему Сион; воздвигни стены Иерусалима: 21. тогда благоугодны будут Тебе жертвы правды, возношение и всеожжение; тогда возложат на алтарь Твой тельцов.

НОВЫЙ ЗАВЕТ

Новый Завет – вторая основная часть (наряду с Ветхим Заветом) Библии, имеющая для христиан определяющее вероучительное и нравственное значение. Важнейшей частью Нового Завета являются Евангелия – письменные источники, описывающие жизнь, смерть и воскресение Христа. Все четыре Евангелия написаны учениками Иисуса (из которых два принадлежали к числу Его 12-ти апостолов): Матфеем, Марком, Лукой и Иоанном.

Помимо Евангелий в Новом Завете содержатся: историческая книга «Деяния», описывающая проповедническую деятельность апостолов и других учеников Христа среди иудеев и язычников, вероучительные книги («Послания...» апостолов), в которых содержатся наставления апостолов верующим образованной христианской Церкви, и пророческая книга «Апокалипсис», повествующая о последних событиях истории человечества.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИОАННА

Слово «Евангелие» переводится с греческого как «благая весть». Им названы первые четыре книги Нового Завета. Этим словом обозначается и понятие о новом – «Богооткровенном» знании о судьбе человека, благодаря пришествию Иисуса Христа, Его учении, Крестной Жертве и Воскресении.

«Четвероевангелие» – собрание четырех Евангелий (от Матфея, от Луки, от Марка, от Иоанна), внесенных Церковью в канон священных книг Нового Завета. В хрестоматии помещены отрывки из 1, 13–14, 18–20 глав Евангелия от Иоанна и отрывков Евангелия от Матфея. Если евангелисты Матфей, Лука и Марк в первых главах своих Евангельских повествований рассказывают о земном происхождении Иисуса Христа, начиная свое повествование о рождении Его от Девы Марии в I веке во время правления римского императора Октавиана Августа, то апостол и евангелист Иоанн в первой главе подчеркивает божественное происхождение Иисуса Христа. Евангелист Иоанн при этом называет Христа «Логосом» («Словом» – в русском переводе), употребляя хорошо известное в античной философии понятие. Именно вера в Божественную природу Иисуса Христа как Сына Божьего является отличительным признаком христианства. Также Иоанн в 1 главе повествует о символическом крещении Иисуса Христа от пророка Иоанна Крестителя и о призвании первых учеников-апостолов, что было свидетельством начала общественной миссии Христа. Ниже помещены также последние главы Евангелия от Иоанна. Именно апостол Иоанн подробнее других евангелистов повествует о наиболее важных событиях земной жизни Иисуса Христа, связанных с Его последними днями Крестных страданий и смерти, а также последующим Воскресением.

1.

1. В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. 2. Оно было в начале у Бога. 3. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. 4. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. 5. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его.

6. Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн. 7. Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все

уверовали чрез него. 8. Он не был свет, но *был послан*, чтобы свидетельствовать о Свете.

9. Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир. 10. В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал. 11. Пришел к своим, и свои Его не приняли. 12. А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими, 13. которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились.

14. И Слово стало плотию, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца. 15. Иоанн свидетельствует о Нем и, восклицая, говорит: Сей был Тот, о Котором я сказал, что Идущий за мною стал впереди меня, потому что был прежде меня. 16. И от полноты Его все мы приняли и благодать на благодать, 17. ибо закон дан чрез Моисея; благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа. 18. Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил.

19. И вот свидетельство Иоанна, когда Иудеи прислали из Иерусалима священников и левитов спросить его: кто ты? 20. Он объявил, и не отрекся, и объявил, что я не Христос. 21. И спросили его: что же? ты Илия? Он сказал: нет. Пророк? Он отвечал: нет. 22. Сказали ему: кто же ты? чтобы нам дать ответ пославшим нас: что ты скажешь о себе самом? 23. Он сказал: я глас вопиющего в пустыне: исправьте путь Господу, как сказал пророк Исаия. 24. А посланные были из фарисеев; 25. И они спросили его: что же ты крестишь, если ты ни Христос, ни Илия, ни пророк? 26. Иоанн сказал им в ответ: я крещу в воде; но стоит среди вас *Некто*, Которого вы не знаете. 27. Он-то Идущий за мною, но Который стал впереди меня. Я недостоин развязать ремень у обуви Его. 28. Это происходило в Вифаваре при Иордане, где крестил Иоанн.

29. На другой день видит Иоанн идущего к нему Иисуса и говорит: вот Агнец Божий, Который берет *на Себя* грех мира. 30. Сей есть, о Котором я сказал: за мною идет Муж, Который стал впереди меня, потому что Он был прежде меня. 31. Я не знал Его; но для того пришел крестить в воде, чтобы Он явлен был Израилю. 32. И свидетельствовал Иоанн, говоря: я видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на Нем. 33. Я не знал Его; но Пославший меня крестить в воде сказал мне: на Кого увидишь Духа сходя-

щего и пребывающего на Нем, Тот есть крестьящий Духом Святым. 34. И я видел и засвидетельствовал, что Сей есть Сын Божий.

35. На другой день опять стоял Иоанн и двое из учеников его. 36. И, увидев идущего Иисуса, сказал: вот Агнец Божий. 37. Услышав от него сии слова, оба ученика пошли за Иисусом. 38. Иисус же, обратившись и увидев их идущих, говорит им: что вам надобно? Они сказали Ему: Равви, – что значит: учитель, – где живешь? 39. Говорит им: пойдите и увидите. Они пошли и увидели, где Он живет; и пробыли у Него день тот. Было около десятого часа. 40. Один из двух, слышавших от Иоанна *об Иисусе* и последовавших за Ним, был Андрей, брат Симона Петра. 41. Он первый находит брата своего Симона и говорит ему: мы нашли Мессию, что значит: Христос; 42. и привел его к Иисусу. Иисус же, взглянув на него, сказал: ты – Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа, что значит: камень (Петр).

43. На другой день *Иисус* восхотел идти в Галилею, и находит Филиппа и говорит ему: иди за Мною. 44. Филипп же был из Вифсаиды, из *одного* города с Андреем и Петром.

45. Филипп находит Нафанаила и говорит ему: мы нашли Того, о Котором писали Моисей в законе и пророки, Иисуса, сына Иосифова, из Назарета. 46. Но Нафанаил сказал ему: из Назарета может ли быть что доброе? Филипп говорит ему: пойди и посмотри. 47. Иисус, увидев идущего к Нему Нафанаила, говорит о нем: вот подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства. 48. Нафанаил говорит Ему: почему Ты знаешь меня? Иисус сказал ему в ответ: прежде нежели позвал тебя Филипп, когда ты был под смоковницею, Я видел тебя. 49. Нафанаил отвечал Ему: Равви! Ты Сын Божий, Ты Царь Израилев. 50. Иисус сказал ему в ответ: ты веришь, потому что Я тебе сказал: Я видел тебя под смоковницею; увидишь больше сего. 51. И говорит ему: истинно, истинно говорю вам: отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому. [...]

13.

1. Перед праздником Пасхи Иисус, зная, что пришел час Его перейти от мира сего к Отцу, *явил делом, что*, возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их. 2. И во время вечери, когда диавол уже вложил в сердце Иуде Симонову Искариоту предать Его, 3. Иисус, зная, что Отец все отдал в руки Его, и что Он от Бога исшел

и к Богу отходит, 4. встал с вечери, снял с Себя верхнюю одежду и, взяв полотенце, препоясался. 5. Потом влил воды в умывальницу и начал умывать ноги ученикам и отирать полотенцем, которым был препоясан. 6. Подходит к Симону Петру, и тот говорит Ему: Господи! Тебе ли умывать мои ноги? 7. Иисус сказал ему в ответ: что Я делаю, тепер ты не знаешь, а уразумеешь после. 8. Петр говорит Ему: не умоешь ног моих вовек. Иисус отвечал ему: если не умою тебя, не имеешь части со Мною. 9. Симон Петр говорит Ему: Господи! не только ноги мои, но и руки и голову. 10. Иисус говорит ему: омытому нужно только ноги умыть, потому что чист весь; и вы чисты, но не все. 11. Ибо знал Он предателя Своего, потому и сказал: не все вы чисты. 12. Когда же умыл им ноги и надел одежду Свою, то, возлегши опять, сказал им: знаете ли, что Я сделал вам? 13. Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно говорите, ибо Я точно то. 14. Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу. 15. Ибо Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам. 16. Истинно, истинно говорю вам: раб не больше господина своего, и посланник не больше пославшего его. 17. Если это знаете, блаженны вы, когда исполняете. 18. Не о всех вас говорю; Я знаю, которых избрал. Но да сбудется Писание: ядущий со Мною хлеб поднял на Меня пяту свою. 19. Теперь сказываю вам, прежде нежели *то* сбылось, дабы, когда сбудется, вы поверили, что это Я. 20. Истинно, истинно говорю вам: принимающий того, кого Я пошлю, Меня принимает; а принимающий Меня принимает Пославшего Меня. 21. Сказав это, Иисус возмутился духом, и засвидетельствовал, и сказал: истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня. 22. Тогда ученики озирались друг на друга, недоумевая, о ком Он говорит. 23. Один же из учеников Его, которого любил Иисус, возлежал у груди Иисуса. 24. Ему Симон Петр сделал знак, чтобы спросил, кто это, о котором говорит. 25. Он, припав к груди Иисуса, сказал Ему: Господи! кто это? 26. Иисус отвечал: тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам. И, обмакнув кусок, подал Иуде Симонову Искариоту. 27. И после сего куса вошел в него сатана. Тогда Иисус сказал ему: что делаешь, делай скорее. 28. Но никто из возлежавших не понял, к чему Он это сказал ему. 29. А как у Иуды был ящик, то некоторые думали, что Иисус говорит ему: купи, что нам нужно к празднику, или чтобы дал что-нибудь нищим. 30. Он, приняв кусок, тотчас вышел; а была ночь.

31. Когда он вышел, Иисус сказал: ныне прославился Сын Человеческий, и Бог прославился в Нем. 32. Если Бог прославился в Нем, то и Бог прославит Его в Себе, и вскоре прославит Его. 33. Дети! недолго уже быть Мне с вами. Будете искать Меня, и, как сказал Я Иудеям, что, куда Я иду, вы не можете придти, *так* и вам говорю теперь. 34. Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, *так* и вы да любите друг друга. 35. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою. 36. Симон Петр сказал Ему: Господи! куда Ты идешь? Иисус отвечал ему: куда Я иду, ты не можешь теперь за Мною идти, а после пойдешь за Мною. 37. Петр сказал Ему: Господи! почему я не могу идти за Тобою теперь? я душу мою положу за Тебя. 38. Иисус отвечал ему: душу твою за Меня положишь? истинно, истинно говорю тебе: не пропоет петух, как отречешься от Меня трижды.

14.

1. Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога, и в Меня веруйте. 2. В доме Отца Моего обителей много. А если бы не так, Я сказал бы вам: Я иду приготовить место вам. 3. И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтобы и вы были, где Я. 4. А куда Я иду, вы знаете, и путь знаете. 5. Фома сказал Ему: Господи! не знаем, куда идешь; и как можем знать путь? 6. Иисус сказал ему: Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня. 7. Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего. И отныне знаете Его и видели Его. 8. Филипп сказал Ему: Господи! покажи нам Отца, и довольно для нас. 9. Иисус сказал ему: столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня видел Отца; как же ты говоришь, покажи нам Отца? 10. Разве ты не веришь, что Я в Отце и Отец во Мне? Слова, которые говорю Я вам, говорю не от Себя; Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела. 11. Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне; а если не так, то верьте Мне по самым делам. 12. Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит, потому что Я к Отцу Моему иду. 13. И если чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю, да прославится Отец в Сыне. 14. Если чего попросите во имя Мое, Я то сделаю. 15. Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди. 16. И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да

пребудет с вами вовек, 17. Духа истины, Которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его; а вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает и в вас будет. 18. Не оставлю вас сиротами; приду к вам. 19. Еще немного, и мир уже не увидит Меня; а вы увидите Меня, ибо Я живу, и вы будете жить. [...]

18.

1. Сказав сие, Иисус вышел с учениками Своими за поток Кедрон, где был сад, в который вошел Сам и ученики Его.

2. Знал же это место и Иуда, предатель Его, потому что Иисус часто собирался там с учениками Своими. 3. Итак Иуда, взяв отряд *воинов* и служителей от первосвященников и фарисеев, приходит туда с фонарями и светильниками и оружием. 4. Иисус же, зная все, что с Ним будет, вышел и сказал им: кого ищете? 5. Ему отвечали: Иисуса Назорея. Иисус говорит им: это Я. Стоял же с ними и Иуда, предатель Его. 6. И когда сказал им: это Я, они отступили назад и пали на землю. 7. Опять спросил их: кого ищете? Они сказали: Иисуса Назорея. 8. Иисус отвечал: Я сказал вам, что это Я; итак, если Меня ищете, оставьте их, пусть идут, 9. да сбудется слово, реченное Им: из тех, которых Ты Мне дал, Я не погубил никого. 10. Симон же Петр, имея меч, извлек его, и ударил первосвященнического раба, и отсек ему правое ухо. Имя рабу было Малх. 11. Но Иисус сказал Петру: вложи меч в ножны; неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец? 12. Тогда воины и тысяченачальник и служители Иудейские взяли Иисуса и связали Его,

13. и отвели Его сперва к Анне, ибо он был тесть Каиафе, который был на тот год первосвященником. 14. Это был Каиафа, который подал совет Иудеям, что лучше одному человеку умереть за народ.

15. За Иисусом следовали Симон Петр и другой ученик; ученик же сей был знаком первосвященнику и вошел с Иисусом во двор первосвященнический. 16. А Петр стоял вне за дверями. Потом другой ученик, который был знаком первосвященнику, вышел, и сказал придвернице, и ввел Петра. 17. Тут раба придверница говорит Петру: и ты не из учеников ли Этого Человека? Он сказал: нет. 18. Между тем рабы и служители, разведя огонь, потому что было холодно, стояли и грелись. Петр также стоял с ними и грелся.

19. Первосвященник же спросил Иисуса об учениках Его и об учении Его. 20. Иисус отвечал ему: Я говорил явно миру; Я всегда

учил в синагоге и в храме, где всегда Иудеи сходятся, и тайно не говорил ничего. 21. Что спрашиваешь Меня? спроси слышавших, что Я говорил им; вот, они знают, что Я говорил. 22. Когда Он сказал это, один из служителей, стоявший близко, ударил Иисуса по щеке, сказав: так отвечаешь Ты первосвященнику? 23. Иисус отвечал ему: если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня? 24. Анна послал Его связанного к первосвященнику Каиафе.

25. Симон же Петр стоял и грелся. Тут сказали ему: не из учеников ли Его и ты? Он отрекся и сказал: нет. 26. Один из рабов первосвященнических, родственник тому, которому Петр отсек ухо, говорит: не я ли видел тебя с Ним в саду? 27. Петр опять отрекся; и тотчас запел петух.

28. От Каиафы повели Иисуса в преторию. Было утро; и они не вошли в преторию, чтобы не оскверниться, но чтобы *можно было* есть пасху. 29. Пилат вышел к ним и сказал: в чем вы обвиняете Человека Сего? 30. Они сказали ему в ответ: если бы Он не был злодей, мы не предали бы Его тебе. 31. Пилат сказал им: возьмите Его вы, и по закону вашему судите Его. Иудеи сказали ему: нам не позволено предавать смерти никого, –

32. да сбудется слово Иисусово, которое сказал Он, давая разуметь, какую смертью Он умрет. 33. Тогда Пилат опять вошел в преторию, и призвал Иисуса, и сказал Ему: Ты Царь Иудейский? 34. Иисус отвечал ему: от себя ли ты говоришь это, или другие сказали тебе о Мне? 35. Пилат отвечал: разве я Иудей? Твой народ и первосвященники предали Тебя мне; что Ты сделал? 36. Иисус отвечал: Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан Иудеям; но ныне Царство Мое не отсюда. 37. Пилат сказал Ему: итак Ты Царь? Иисус отвечал: ты говоришь, что Я Царь. Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего. 38. Пилат сказал Ему: что есть истина? И, сказав это, опять вышел к Иудеям и сказал им: я никакой вины не нахожу в Нем. 39. Есть же у вас обычай, чтобы я одного отпускал вам на Пасху; хотите ли, отпущу вам Царя Иудейского? 40. Тогда опять закричали все, говоря: не Его, но Варава. Варава же был разбойник.

19.

1. Тогда Пилат взял Иисуса и велел бить Его. 2. И воины, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову, и одели Его в багряницу. 3. и говорили: радуйся, Царь Иудейский! и били Его по ланитам. 4. Пилат опять вышел и сказал им: вот, я вывожу Его к вам, чтобы вы знали, что я не нахожу в Нем никакой вины. 5. Тогда вышел Иисус в терновом венце и в багрянице. И сказал им *Пилат*: се, Человек! 6. Когда же увидели Его первосвященники и служители, то закричали: распни, распни Его! Пилат говорит им: возьмите Его вы, и распните; ибо я не нахожу в Нем вины. 7. Иудеи отвечали ему: мы имеем закон, и по закону нашему Он должен умереть, потому что сделал Себя Сыном Божиим. 8. Пилат, услышав это слово, больше убоялся. 9. И опять вошел в преторию и сказал Иисусу: откуда Ты? Но Иисус не дал ему ответа. 10. Пилат говорит Ему: мне ли не отвечаешь? не знаешь ли, что я имею власть распять Тебя и власть имею отпустить Тебя? 11. Иисус отвечал: ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше; посему более греха на том, кто предал Меня тебе. 12. С этого времени Пилат искал отпустить Его. Иудеи же кричали: если отпустишь Его, ты не друг кесарю; всякий, делающий себя царем, противник кесарю. 13. Пилат, услышав это слово, вывел вон Иисуса и сел на судилище, на месте, называемом Лифостротон, а по-еврейски Гаввафа. 14. Тогда была пятница перед Пасхою, и час шестый. И сказал *Пилат* Иудеям: се, Царь ваш! 15. Но они закричали: возьми, возьми, распни Его! Пилат говорит им: Царя ли вашего распну? Первосвященники отвечали: нет у нас царя, кроме кесаря.

16. Тогда наконец он предал Его им на распятие. И взяли Иисуса и повели. 17. И, неся крест Свой, Он вышел на место, называемое Лобное, по-еврейски Голгофа; 18. там распяли Его и с Ним двух других, по ту и по другую сторону, а посреди Иисуса. 19. Пилат же написал и надпись, и поставил на кресте. Написано было: Иисус Назорей, Царь Иудейский. 20. Эту надпись читали многие из Иудеев, потому что место, где был распят Иисус, было недалеко от города, и написано было по-еврейски, по-гречески, по-римски. 21. Первосвященники же Иудейские сказали Пилату: не пиши: Царь Иудейский, но что Он говорил: Я Царь Иудейский. 22. Пилат отвечал: что я написал, то написал. 23. Воины же, когда распяли

Иисуса, взяли одежды Его и разделили на четыре части, каждому воину по части, и хитон; хитон же был не сшитый, а весь тканый сверху. 24. Итак сказали друг другу: не станем раздирать его, а бросим о нем жребий, чей будет, – да сбудется реченное в Писании: разделили ризы Мои между собою и об одежде Моей бросали жребий. Так поступили воины.

25. При кресте Иисуса стояли Матерь Его и сестра Матери Его, Мария Клеопова, и Мария Магдалина. 26. Иисус, увидев Матерь и ученика тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: Жено! се, сын Твой. 27. Потом говорит ученику: се, Матерь твоя! И с этого времени ученик сей взял Ее к себе.

28. После того Иисус, зная, что уже все совершилось, да сбудется Писание, говорит: жажду. 29. Тут стоял сосуд, полный уксуса. *Воины*, напоив уксусом губку и наложив на иссоп, поднесли к устам Его. 30. Когда же Иисус вкусил уксуса, сказал: совершилось! И, преклонив главу, предал дух.

31. Но так как *тогда* была пятница, то Иудеи, дабы не оставить тел на кресте в субботу, – ибо та суббота была день великий, – просили Пилата, чтобы перебить у них голени и снять их. 32. Итак пришли воины, и у первого перебили голени, и у другого, распятого с Ним. 33. Но, придя к Иисусу, как увидели Его уже умершим, не перебили у Него голени, 34. но один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода. 35. И видевший засвидетельствовал, и истинно свидетельство его; он знает, что говорит истину, дабы вы поверили. 36. Ибо сие произошло, да сбудется Писание: кость Его да не сокрушится. 37. Также и в другом *месте* Писание говорит: воззрят на Того, Которого пронзили.

38. После сего Иосиф из Аримафеи – ученик Иисуса, но тайный из страха от Иудеев, – просил Пилата, чтобы снять тело Иисуса; и Пилат позволил. Он пошел и снял тело Иисуса. 39. Пришел также и Никодим, – приходивший прежде к Иисусу ночью, – и принес состав из смирны и алая, литр около ста. 40. Итак они взяли тело Иисуса и обвили его пеленами с благовониями, как обыкновенно погребают Иудеи. 41. На том месте, где Он распят, был сад, и в саду гроб новый, в котором еще никто не был положен. 42. Там положили Иисуса ради пятницы Иудейской, потому что гроб был близко.

20.

1. В первый же *день* недели Мария Магдалина приходит ко гробу рано, когда было еще темно, и видит, что камень отвален от гроба. 2. Итак, бежит и приходит к Симону Петру и к другому ученику, которого любил Иисус, и говорит им: унесли Господа из гроба, и не знаем, где положили Его. 3. Тотчас вышел Петр и другой ученик, и пошли ко гробу. 4. Они побежали оба вместе; но другой ученик бежал скорее Петра, и пришел ко гробу первый. 5. И, наклонившись, увидел лежащие пелены; но не вошел *во гроб*. 6. Вслед за ним приходит Симон Петр, и входит во гроб, и видит одни пелены лежащие, 7. и плат, который был на главе Его, не с пеленами лежащий, но особо свитый на другом месте. 8. Тогда вошел и другой ученик, прежде пришедший ко гробу, и увидел, и уверовал. 9. Ибо они еще не знали из Писания, что Ему надлежало воскреснуть из мертвых. 10. Итак ученики опять возвратились к себе.

11. А Мария стояла у гроба и плакала. И, когда плакала, наклонилась во гроб, 12. и видит двух Ангелов, в белом одеянии сидящих, одного у главы и другого у ног, где лежало тело Иисуса. 13. И они говорят ей: жена! что ты плачешь? Говорит им: унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его. 14. Сказав сие, обратилась назад и увидела Иисуса стоящего; но не узнала, что это Иисус. 15. Иисус говорит ей: жена! что ты плачешь? кого ищешь? Она, думая, что это садовник, говорит Ему: господин! если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его. 16. Иисус говорит ей: Мария! Она, обратившись, говорит Ему: Раввуни! – что значит: Учитель! 17. Иисус говорит ей: не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему; а иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему. 18. Мария Магдалина идет и возвещает ученикам, *что* видела Господа и *что* Он это сказал ей.

19. В тот же первый день недели вечером, когда двери *дома*, где собирались ученики Его, были заперты из опасения от Иудеев, пришел Иисус, и стал посреди, и говорит им: мир вам! 20. Сказав это, Он показал им руки и ноги и ребра Свои. Ученики обрадовались, увидев Господа. 21. Иисус же сказал им вторично: мир вам! как послал Меня Отец, *так* и Я посылаю вас. 22. Сказав это, дунул, и говорит им: примите Духа Святаго. 23. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся. 24. Фома же, один из двенадцати, называемый Близнец, не был тут с ними, ког-

да приходил Иисус. 25. Другие ученики сказали ему: мы видели Господа. Но он сказал им: если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю.

26. После восьми дней опять были в доме ученики Его, и Фома с ними. Пришел Иисус, когда двери были заперты, стал посреди них и сказал: мир вам! 27. Потом говорит Фоме: подай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим. 28. Фома сказал Ему в ответ: Господь мой и Бог мой! 29. Иисус говорит ему: ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны невидевшие и уверовавшие.

30. Много сотворил Иисус пред учениками Своими и других чудес, о которых не писано в книге сей. 31. Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ

Евангелие от Матфея – одно из четырех Евангелий (наряду с Евангелиями от Луки, Марка и Иоанна), и первая (по расположению) книга Нового Завета. Ее основная тема – жизнь и проповедническая деятельность Иисуса Христа. Причем особенности данного Евангелия связаны с тем, что оно предназначалось, прежде всего, для прочтения традиционно проживающими на территории Палестины евреями. Поэтому в ней много ссылок на пророчества Ветхого Завета о приходе Мессии – Спасителя мира, которые и исполнились в I веке в Иисусе Христе. В Евангелии содержится подробное земное родословие Иисуса Христа (от патриарха Авраама). В 5–7 главах содержится так называемая Нагорная проповедь Иисуса Христа, в которой изложено основное христианское нравственное учение (в «заповедях блаженства» и молитве «Отче наш»). Отрывок из 5 главы помещен ниже.

5.

1. Увидев народ, Он взошел на гору; и, когда сел, приступили к Нему ученики Его. 2. И Он, отверзши уста Свои, учил их, говоря:

3. Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

4. Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

5. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.
6. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.
7. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.
8. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.
9. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

10. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.

11. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. 12. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас.

13. Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на поправление людям.

14. Вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. 15. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. 16. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного.

17. Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить. 18. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все. 19. Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном. 20. Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное.

21. Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. 22. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: «рака», подлежит синедрyonu; а кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной. 23. Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, 24. оставь там дар твой пред жертвенником, и пойдй прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой. 25. Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути

с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу; 26. истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта.

27. Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. 28. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. 29. Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. 30. И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну.

31. Сказано также, что если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную. 32. А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует.

33. Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои. 34. А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий; 35. ни землю, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя; 36. ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным. 37. Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого.

38. Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. 39. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; 40. и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; 41. и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. 42. Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся.

43. Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. 44. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, 45. да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. 46. Ибо если вы будете любить любящих вас, какая

вам награда? Не то же ли делают и мытари? 47. И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?

48. Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный.

ДЕЯНИЯ АПОСТОЛОВ

Книга Деяний апостолов повествует о проповеди христианского учения в I веке апостолами и другими учениками Христа на всей территории цивилизованного мира, уместающегося большей своей частью в границах Римской империи. По содержанию данной книги можно увидеть те исторические и культурные обстоятельства, в которых происходило первоначальное распространение христианской религии. Помещенный ниже фрагмент книги (17 глава) примечателен тем, что в нем не только передается устами апостола Павла содержание христианского учения, но и отмечена религиозная, философская и социальная палитра эпохи (традиционное язычество греков и римлян, античные философские учения, иудейская среда и др.), на фоне которой осуществлялась христианская проповедь. Так, в ареопаге Афин (одном из центров эллинской культуры и науки) апостол Павел обращался к аудитории образованных людей того времени, исполненными знаниями, в том числе к философам «эпикурейским и стоическим», и его речь представила собой образец апостольской мудрости «быть для язычников как бы язычником, чтобы и язычников приобрести для Евангелия (1 Кор. 9, 19–22). Обращаясь к набожности афинян, апостол хвалит их за наличие у них «жертвенника неведомому Богу» (Деян. 17, 22–23). Действительно, язычники старались почитать всех возможных богов, а в лице некоторых своих мудрецов отрицали многобожие и идолопоклонство. Тем самым он не осуждал их, а как бы подводил религиозное чувство своих слушателей к признанию того, что и в них наблюдается бессознательное искание истинного Бога.

17.

1. Пройдя через Амфиполь и Аполлонию, они пришли в Фессалонику, где была Иудейская синагога. 2. Павел, по своему обыкновению, вошел к ним и три субботы говорил с ними из Писаний,

3. открывая и доказывая им, что Христу надлежало пострадать и воскреснуть из мертвых и что Сей Христос есть Иисус, Которого я проповедаю вам. 4. И некоторые из них уверовали и присоединились к Павлу и Силе, как из Еллинов, чтущих *Бога*, великое множество, так и из знатных женщин немало. 5. Но не уверовавшие Иудеи, возревновав и взяв с площади некоторых негодных людей, собрались толпою и возмущали город и, приступив к дому Иасона, домогались вывести их к народу. 6. Не найдя же их, повлекли Иасона и некоторых братьев к городским начальникам, крича, что эти всесветные возмутители пришли и сюда, 7. а Иасон принял их, и все они поступают против повелений кесаря, почитая другого царем, Иисуса. 8. И встревожили народ и городских начальников, слушавших это. 9. Но *сии*, получив удостоверение от Иасона и прочих, отпустили их. 10. Братия же немедленно ночью отправили Павла и Силу в Верию, куда они прибыв, пошли в синагогу Иудейскую. 11. Здешние были благомысленнее Фессалоникских: они приняли слово со всем усердием, ежедневно разбирая Писания, точно ли это так. 12. И многие из них уверовали, и из Еллинских почетных женщин и из мужчин немало. 13. Но когда Фессалоникские Иудеи узнали, что и в Верии проповедано Павлом слово Божие, то пришли и туда, возбуждая и возмущая народ. 14. Тогда братия тотчас отпустили Павла, как будто идущего к морю; а Сила и Тимофей остались там. 15. Сопровождавшие Павла проводили его до Афин и, получив приказание к Силе и Тимофею, чтобы они скорее пришли к нему, отправились.

16. В ожидании их в Афинах Павел возмущился духом при виде этого города, полного идолов. 17. Итак он рассуждал в синагоге с Иудеями и с чтущими *Бога*, и ежедневно на площади со встречающимися. 18. Некоторые из эпикурейских и стоических философов стали спорить с ним; и одни говорили: «что хочет сказать этот суеслов?», а другие: «кажется, он проповедует о чужих божествах», потому что он благовествовал им Иисуса и воскресение. 19. И, взяв его, привели в ареопаг и говорили: можем ли мы знать, что это за новое учение, проповедуемое тобою? 20. Ибо что-то странное ты влагаешь в уши наши. Посему хотим знать, что это такое? 21. Афиняне же все и живущие у *них* иностранцы ни в чем охотнее не проводили время, как в том, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое.

22. И, став Павел среди ареопага, сказал: Афиняне! по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны. 23. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано «неведомому Богу». Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам. 24. Бог, сотворивший мир и все, что в нем, Он, будучи Господом неба и земли, не в рукотворенных храмах живет 25. и не требует служения рук человеческих, *как бы* имеющий в чем-либо нужду, Сам дая всему жизнь и дыхание и все. 26. От одной крови Он произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы их обитанию, 27. дабы они искали Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли – хотя Он и недалеко от каждого из нас: 28. ибо мы Им живем и движемся и существуем, как и некоторые из ваших стихотворцев говорили: «мы Его и род». 29. Итак, мы, будучи родом Божиим, не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого. 30. Итак, оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться, 31. ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную, посредством предопределенного Им Мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых. 32. Услышав о воскресении мертвых, одни насмеялись, а другие говорили: об этом послушаем тебя в другое время.

33. Итак, Павел вышел из среды их. 34. Некоторые же мужи, пристав к нему, уверовали; между ними был Дионисий Ареопагит и женщина, именем Дамарь, и другие с ними.

ПОСЛАНИЕ СВЯТОГО АПОСТОЛА ПАВЛА К ФИЛИППИЙЦАМ

Главная тема Послания апостола Павла к верующим одной из поместных Церквей – гражданам македонского города Филиппы – догматическое учение о кеносисе Бога и нравственное учение о христианских добродетелях, являющихся следствием кеносиса Бога. Поэтому определяющий отрывок – так называемый кенотический отрывок или христологический гимн из второй главы (Фли. 2, 6–11). Кеносис (с греч. – уничтожение, самоистощание) Бога – это его любовь к человеку, отказывающаяся от обычных проявлений силы и могущества и выразившаяся в сотворении мира и человека, в воплощении Бога в ограниченной человеческой природе, и в пределе – в

добровольных Крестных страданиях и смерти Сына Божьего Иисуса Христа на Кресте. С описанием кенотического самоуничтожения Христа связано и последующее описание пребывания Его в Божественной Славе после Воскресения. Послание часто характеризуют как «послание радости», поскольку тема радости и постоянные увещания апостола филиппийцам радоваться пронизывают его от начала до конца. В соответствии с другими воззрениями, поводом для написания послания было тяжелое раздумье о судьбах гонимой веры Христовой, а также поступившие апостолу Павлу сведения о недостатке единодушия среди христиан. Поэтому с учением о кеносисе Бога связаны нравственно-практические наставления апостола Павла филиппийцам о необходимости «иметь те же чувствования», что и во Христе, т. е. смирение, отсутствие высокомерия и соперничества, единодушие и любовь.

2.

1. Итак, если *есть* какое утешение во Христе, если *есть* какая отрада любви, если *есть* какое общение духа, если *есть* какое милосердие и сострадательность, 2. то дополните мою радость: имейте одни мысли, имейте ту же любовь, будьте единодушны и единомысленны; 3. ничего *не делайте* по любопрению или по тщеславию, но по смиренномудрию почитайте один другого высшим себя. 4. Не о себе *только* каждый заботься, но каждый и о других. 5. Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе: 6. Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; 7. но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; 8. смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной. 9. Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, 10. дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, 11. и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца.

Кирилл Иерусалимский Огласительное поучение

«Огласительные поучения» в эпоху становления догматического учения Церкви представляли собой популярные разъяснения о вере для тех, кто оказался убежден в истинности христиан-

ской религии и готовился принять Таинство Крещения. Ниже помещен текст «Огласительных поучений» Кирилла, архиепископа Иерусалимского (315–386 г.) – одного из выдающихся византийских аскетов, проповедников и церковных писателей эпохи патристики.

О Боге

Итак, прежде всего да положится в основание души вашей учение о Боге:

Бог есть един, единый нерожденный, безначальный, неизменяемый, непременяющийся, не рожденный от кого-либо и не имеющий иного преемника в жизни Своей, ни начавший жить во времени, ни конца жизни не имеющий. Он есть благой и вместе правосудный; потому, если когда услышишь слова еретика, что иной бог правосудный и иной благой, тотчас вспомнив это, узнаешь яд ереси, которая дерзает единого Бога разделять нечестивым учением. – А другие говорят, что иной есть создатель и господь души, и иной тела: это безумные и вместе с тем нечестивые учителя. Ибо как может быть человек слугой двух господ, ведь говорит Господь в Евангелии: *Никтоже может двема господинома работати* (Мф. 6, 24)? Поэтому один только есть Бог – Творец души и тела. Он многого Создатель, но Единственного только предвечный Отец, Одного только Единородного Своего Сына, Господа нашего Иисуса Христа, посредством Которого сотворил все, видимое и невидимое. Отец Господа нашего Иисуса Христа не ограничен каким-либо местом и не менее неба, но, напротив, небеса есть дело рук Его и вся земля содержится в горсти Его. Он во всем, и вне всего. Не думай, будто Он меньше солнца или равен ему. Ибо Тот, Который первоначально сотворил солнце, должен быть несравненно более и светлее его. Он знает наперед будущее, Он могущественнее всего; знает и делает так, как хочет. Он не подлежит ни порядку вещей, ни велению звезд, ни случаю, ни судьбе; во всем совершенный, заключающий в Себе всю полноту совершенства, не возрастающий, но всегда одно и то же в равной степени имеющий; приготовивший грешным наказание, а праведным венец. А многие различными путями удалились от единого Бога: некоторые обоготворили солнце, чтобы по захождении солнца, во время

ночи, быть без бога; некоторые обоготворили луну, чтобы днем не иметь бога; иные – прочие части мира, иные – искусства, иные – снеди, иные – удовольствия. А некоторые, до безумия пристрастные к женщинам, на возвышенности поставив изображение нагой женщины и называя ее Венерой, в этом образе поклоняются своей страсти, а другие, быв поражены блеском золота, обоготворили как его, так и другие вещи. Если же кто положит в основание сердца своего учение о единовластительстве Божиим и уверует в Него, тот истребит всю пагубу злого идолопоклонства и еретического обольщения. Итак, эту истину благочестия прежде всего положи при помощи веры в основание души твоей.

О Христе

Веруй также и в Сына Божия, единого и единственного, Господа нашего Иисуса Христа, в Бога, от Бога родившегося, в жизнь от жизни родившегося, в Свет от Света родившегося, Который по всему подобен Родившему, Который не во времени получил бытие, но прежде всех веков рожден от Отца вечно и непостижимым образом, Который есть премудрость Божия, и сила, и правда самобытная; Который сидит одесную Отца прежде всех веков; ибо Он не после страдания, быв увенчан, получил от Бога, как некоторые думают, но с самим бытием Своим престол одесную Его. Он рожден и всегда имеет Царственное достоинство, сидит вместе с Отцом, есть Бог и Премудрость и Сила, как сказано: вместе с Отцом царствует и все творить по воле Отца, не умаляясь, впрочем, в достоинстве Божественном; знает Родившего так, как знает Его Родивший. Кратко сказать, вспомни написанное в Евангелии: *никто же знает Сына, токмо Отец; ни Отца кто знает, токмо Сын* (Мф. 11, 27). Не отделяй Сына от Отца и не смешивай также, допуская *Сыно-Отечество*, но верь, что одного Бога один есть Единородный Сын, Бог-Слово прежде всех веков; слово не то, которое, будучи произнесено, разливается по воздуху, слово, не подобное словам не самобытным, но Слово-Сын, Творец существ словесных, Слово, слышащее Отца и Само говорящее. Впрочем, об этом, если позволит Бог, со временем пространнее будет сказано вам: я помню свое намерение сделать сейчас краткие наставления в веру.

О рождении от Девы

Веруй, что Единородный Сын Божий, ради грехов наших сошел с небес на землю, приняв на Себя подобное нашему человечество и родившись от Святой Девы и Святого Духа. Не в виде и призраке, но истинно совершилось вочеловечение Его; не прошел Он чрез Деву так, как через канал, но истинно воплотился от Нее; действительно ел, как мы, и действительно пил, как мы. Ибо если вочеловечение есть призрак, то и спасение будет мечтой. Два естества имел Христос: Он был человек, поскольку был видим, и вместе Бог невидимый. Как человек, Он действительно ел как мы (ибо имел плоть подобную нашей), а как Бог, напитал пятью хлебами пять тысяч человек; действительно умер, как человек, а четверодневного мертвеца воскресил, как Бог; спал на корабле действительно, как человек, и ходил по водам, как Бог.

О Кресте

Он истинно распят за грехи наши. Если бы ты захотел это отвергнуть, то видимое место обличило бы тебя, сия блаженная Голгофа, на которой собрались мы сейчас ради Распятого на ней. Да и вся вселенная имеет уже части древа крестного, а распят Он не за Свои грехи, а для того, чтобы мы освободились от наших грехов. Он и поруган был тогда людьми, и заушен был, как человек, но познан тварью, как Бог. Ибо солнце, узрев обесславленного Владыку, с трепетом затмилось, не вынося такого зрелища.

О погребении

Он положен был в каменном гробе истинно, как человек, но ради Него расселись камни от страха; сошел в подземные места, чтобы и оттуда освободить праведных. Ибо хотел ли бы ты, скажи мне, чтоб живые наслаждались благодатью, тогда как большая часть из них неправедны, а те, которые от Адама на долгое время заключены были, не получили свободы? Пророк Исаия велегласно столь многое предвозвестил о Нем; не пожелал ли бы ты, чтобы Царь, сойдя, освободил провозвестника? Там был Давид, и Самуил, и все Пророки, и сам Иоанн, который говорит через послан-

ных: *Ты ли еси Грядый, или иного чаем* (Мф. 11, 3)? Не пожелал ли бы ты, чтобы Он, сойдя, освободил их?

О Воскресении

Но сошедший в подземные места вышел оттуда, и погребенный Иисус истинно восстал в третий день. И если когда-либо иудеи будут упрекать тебя, то ты не медля взаимно вступи к ним так: если Иона в третий день вышел из кита, то почему же и Христу не восстать из земли в третий день? Если мертвый, прикоснувшийся к костям Елиссеевым, восстал, то неужели Творец всего не мог восстать силой Отца? Итак, воистину воскрес Он и, воскреснув, опять явился ученикам; и свидетели Его Воскресения – двенадцать учеников, которые не обольстительными словами засвидетельствовали Воскресение, но подвергли себя мучениям и смерти, подвизаясь за истину Воскресения. Если, *при устех двою или триех свидетелей станет*, как говорить Писание, *всяк глагол* (Мф. 18, 16), то о Воскресении Христовом свидетельствуют двенадцать человек; и неужели еще не веришь ты Воскресению?

О Вознесении

Совершив подвиг терпения и искупив людей от грехов, Иисус взошел снова на небеса, быв поднят облаком. Ангелы предстали перед Восходящим, Апостолы были зрителями. Если же кто не верит этому повествованию, то должен поверить действиям, которые видит ныне. Все цари, умирая, вместе с жизнью лишаются и силы своей, а Распятому Христу поклоняется вся вселенная. Мы возвещаем имя Распятого, и трепещут злые духи. Многие в различные времена были распяты, но когда прогоняло злых духов имя какого-либо другого распятого? Итак, да не устыдимся Креста Христова, но хотя бы другой и утаивал его, ты открыто знаменуй им чело свое, чтобы злые духи, узнав Царское знамение, с трепетом далеко убегали от тебя. Знаменуй себя им, когда ешь, пьешь, садишься, ложишься, встаешь от сна, говоришь, ходишь, вообще при всяком случае. Ибо Распятый на Кресте пребывает на высоте неба. Если бы Распятый и Погребенный остался во гробе, тогда имели бы причину стыдиться, но Распятый на Голгофе взошел на

небо с восточной стороны горы Елеонской. Сойдя отсюда во ад, и обратно изойдя к нам, от нас опять взошел на небо, при гласе Отца, воззвавшего к Нему: *седи одесную Мене, дондеже положу враги Твоя подножие ног Твоих* (Пс. 109, 1).

О будущем суде

Сей взошедший Иисус Христос опять придет с небес, не от земли. Не от земли, говорю я, ибо от земли вскоре явятся многие противники Христу. Уже многие, как известно тебе, стали говорить: *аз есмь Христос* (Мф. 24, 5), а напоследок явится *мерзость запустения* (Мф. 24, 15), несправедливо присваивающая себе имя Христово. Но ты ожидай истинного Христа, Сына Божия Единородного, не от земли уже приходящего, но с небес; Который откроется всем быстрее молнии и лучей света, сопровождаемого Ангелами, чтобы судить живых и мертвых и воцариться в Царствии Небесном, вечном и нескончаемом. И это отметить, поскольку много таких, которые говорят, что Царство Христово будет иметь конец.

О Святом Духе

Веруй и в Духа Святого и тех же держись касательно Его мыслей, какие имеешь об Отце и Сыне, а не внимай богохульному о Нем учению. Знай, что сей Святой Дух есть единый, нераздельный, многомогущий, многодейственный, но в Себе неразделяемый, Который знает тайны, *вся испытует, и глубины Божия* (1 Кор. 2, 10), Который сошел в виде голубя на Господа Иисуса Христа, Который действовал в законе и Пророках, Который и ныне во время крещения запечатлевает твою душу. В Его освящении имеет нужду вся разумная природа. Если кто дерзнет произнести хулу на Него, тот не получит отпущения *ни в сей век, ни в будущий* (Мф. 12, 32). Равной славой Божества почтен Он с Отцом и Сыном; в Нем имеют нужду престолы и господства, начала и власти. Ибо един есть Бог Отец Христа, и един Господь Иисус Христос, Единородный Сын единого Бога, един и Дух Святой, все освящающий и Боготворящий, говоривший в законе и Пророках, в Ветхом Завете и Новом. Учение это запечатлевай в мысли твоей непрестанно, сейчас оно изложено тебе сокращенно; если же позволит Господь, то по воз-

возможности изложено будет оно с доказательствами из Священного Писания. Ибо никакая Божественная и святая тайна веры не должна быть сообщаемая без Божественного Писания и не должна основываться на одной лишь вере и избранных словах. Даже не верь ты мне, когда я просто говорю тебе о Нем, если на слова мои не будешь иметь доказательства из Божественного Писания. Ибо спасающая нас сила веры зависит не от выбора слов, но от доказательства Божественными Писаниями.

О душе

После того, как познал ты чистую и славную и всесвятую веру эту, познай и себя самого, что ты такое, познай, что ты – из двух частей состоящий человек, из души и тела, и что, как недавно сказано, тот же Бог есть Творец души и тела. Знай, что ты имеешь душу свободную, творение Божие прекрасное, сотворенное по образу Создателя, бессмертное по благодати Бога, Который делает его бессмертным, творение живое, разумное, нетленное по благодати Того, Который даровал это, творение, имеющее власть делать, что хочет. Ибо ты не потому грешишь, что родился в то или другое время, не судьба заставляет тебя любодествовать, не положение звезд, как некоторые пустословят, принуждает тебя предаваться любострастию. Для чего, не желая признаться в собственном зле, приписываешь невинным звездам его причину? Не внимай же звездочетам. Ибо Божественное Писание говорит о них: *да станут ныне, и спасут тя звездочетцы небесе, – и далее: се вси яко хвратие огнем погорят, и не изымут души своя из пламене* (Ис. 47, 13–14). Познай и то, что душа нисколько не грешила до того, как явилась в мир сей; придя в него безгрешными, грешим мы ныне по произволению. [...] Душа бессмертна, и души мужчин и женщин подобны; различны только члены тела. Не так устроены души, чтобы одни по природе грешили, а другие по природе делали добро; но то и другое зависит от произволения, а существо душ во всех одинаково и подобно. [...] Самовластна душа; потому диавол подстрекать может, а принудить против воли не имеет власти. Внушает он тебе мысль о любодеевании; если захочешь, то примешь ее, если же не захочешь, то не примешь. Ибо если бы любодествовал ты по необходимости, то к чему приготовил Бог геенну? Если

бы по природе, а не по свободе делал ты добро, то к чему приготовил Бог венцы неизъяснимые?

Изречения египетских Отцов

Произведение «Изречения египетских Отцов» относится к популярному в христианской традиции жанру назидательной аскетической литературы, в которой на наглядных примерах жизни и слова выдающихся аскетов и монахов-отшельников демонстрировались не только идеалы христианской духовности и нравственности, но и сложные перипетии аскетической практики. «Изречения египетских отцов» (Aporhthegmata Patrum Aegyptiorum) было создано в Египте во второй половине IV – первой половине V в. на греческом языке, оказалось широко распространено в христианском мире и переведено на многие языки, в том числе латинский, славянский, сирийский. Ниже помещен фрагмент произведения.

1. (Один, старец рассказывал, что некий брат желал удалиться в пустыню, но ему не позволяла родная мать. Он не оставлял своего намерения,) говоря: «Я хочу спасти мою душу». Она же старалась удержать его, (но) не смогла. После этого она отпустила его. Когда он пошел и сделался монахом, он впал в нерадение и проводил свою жизнь дурно. Случилось же, когда его мать умерла, спустя некоторое время и он заболел великой болезнью, так что случилось ему, в экстазе, быть повлеченным на суд, и он нашел свою мать там, вместе с судимыми. Она, увидев его, изумилась и сказала ему: «Что это, мой сын, что ты пришел тоже в это место, чтобы и тебя судили? Где твои слова, сказанные тобой: «Я хочу спасти мою душу»?». Он устыдился того, что услышал, и стоял опечаленный, не смея ничего сказать ей в оправдание. По определению же Бога Человеколюбца случилось, что он исцелился от болезни после того, как видел (видение). Он покаялся в своем сердце с тех пор, как это посещение было ему от Бога. Он стал затворником после этого и сидел, направив помыслы на свое спасение и оплакивая то, что он совершил сначала в нерадении. Сокрушение его было таково, что многие уговаривали его успокоиться, чтобы он не повредил (себе таким) обилием слез. Он же не хотел утешиться, говоря: «Если я не мог вынести укора моей матери, как я вынесу позор в день суда перед Христом и всеми Его ангелами?»

2. Говорил некий старец: «Если бы души людей могли умереть от страха после воскресения и при пришествии Бога, мир бы умер от ужаса и трепета. Каково видеть небеса разверзающимися, и Бога, являющимся в гневе и ярости с бесчисленным множеством ангельских воинств, чтобы все человечество видело это? Поэтому надлежит нам думать так, как если бы мы должны были давать отчет Богу ежедневно, потому что от нас требуют ответа за то, что мы сделали в течение жизни».

3. Некий брат спросил одного старца: «Мой отец, почему мое сердце жестко и не боится Бога?». Сказал старец: «Я думаю, что если человек заключит в своем сердце порицание (себе), он приобретет страх Божий». Сказал брат ему: «Что есть порицание?». Сказал старец: «Чтобы человек порицал свою душу во всяком деле, говоря ей: «Помни, что неизбежно нам предстать пред Богом» и говоря еще: «Что мне до людей?». Если кто-либо будет следовать этому, придет к нему страх Божий».

4. [...] «Некий брат сказал авве: «Что мне делать с моим сердцем, ибо оно жестко и я не боюсь Бога?». Он сказал ему: «Ступай и пристань к брату, боящемуся Бога, и благодаря (бого) боязни этого (брата) ты тоже убоишься Бога».

5. Некий человек спросил одного старца: «Почему, когда я сижу в моем жилище, мое сердце бродит повсюду?». Ответил ему старец: «Потому что больны твои чувства внешние: зрение, слух, обоняние, речь. Если же ты направишь их деятельность на чистоту, то чувства внутренние будут в покое и здравии».

6. Некий человек спросил одного старца: «Почему я сижу в моем жилище и падаю духом?». Он ответил ему: «Потому что ты еще не постиг ни покой, на который мы надеемся, ни муку будущую. Если бы ты постиг это твердо, и если бы твое жилище было полно червей, так что они доходили бы до твоей шеи, ты бы оставался в них, и терпел их, и не падал духом».

7. Некий старец увидел одного человека смеющимся и сказал (ему): «Пред небом и землей мы должны отдать Богу отчет во всей своей жизни – и ты смеешься!».

8. Авва Иперехий сказал: «Как лев страшен для диких ослов, таков и монах превосходный для помыслов похотливых».

[...]

11. Он говорил еще: «Монах целомудренный увенчан на земле, и на небесах он увенчан перед Богом».

12. Он говорил еще: «Монах, не сдерживающий своего языка, особенно во время гнева, такой монах не возобладает ни над какой страстью никогда».

13. Он говорил еще: «Не произноси никакого слова дурного из твоих уст, ибо виноградная лоза не производит терния».

14. Он говорил еще: «Хорошо есть мясо и пить вино, но не снедать плоть твоих братьев злословием».

15. Он говорил еще: «Змий соблазнил Еву, так что она была изгнана из рая. Тот, кто оговаривает своего брата, подобен этому (змюю), ибо губит душу слушающего и свою также не спасает».

16. Праздник был однажды в Скиту, и дали чашу вина одному старцу. Он сказал: «Уберите от меня эту смерть». Когда же прочие, идущие вместе с ним, увидели (это), они не приняли (вина).

17. Принесли еще меру вина нового, чтобы дали его братьям по чаше каждому. Один из братьев избежал на беседку – он убежал от этого (т. е. от раздачи вина) – и тотчас рухнула беседка. Пришли же посмотреть (что случилось) из-за шума, который произошел, нашли брата поверженным на земле и стали стыдить его, говоря: «Ты тщеславен, хорошо, что это случилось с тобой». Старец же защитил его, говоря: «Оставьте моего сына, ибо благое дело он совершил. Как жив Господь, да не отстроят эту беседку в мое время, чтобы мир весь знал, что беседка рухнула в Скиту из-за чаши вина».

18. Некий брат был охвачен гневом на одного человека. Он стал на молитву и просил о даровании долготерпения к своему брату и о миновании искушения без следа. И тотчас увидел дым, исходящий из его рта. Когда же это случилось, он перестал гневаться.

19. Отправился однажды пресвитер Скита к архиепископу Александрийскому. Когда он возвратился в Скит, спросили его братья: «Что это за город?». Он сказал им: «Поистине, мои братья, я не видел лица ни одного человека, кроме архиепископа». Они же, услышав это, укрепились благодаря (этому) слову, чтобы остерегаться развлечения для глаз.

20. Говорил некий старец: «Диавол обычно усиливает недостатки монаха. Если привычка пребывает с ним долгое время, она крепнет и становится сильной, как природное свойство. Особенно (подвержены этому) те, кто наиболее беспечен. Кушанья, которые

ты находишь приятными для утробы – не давай их ей, особенно будучи здоровым, и того, что ты будешь желать, не ешь этого. Но ешь то, что Бог послал тебе, и благодаря Его во всякое время. Мы приобрели хлебы монахов и весь их покой, дело же монахов не выполнили. Скажи себе самому: «Брат, приобрети себе печать Христа, а именно смирение».

[...]

22. Рассказывали об авве Агафоне, что он с учениками довольно долго занимался строением кельи. Выстроивши келью, они перешли в нее жить. Но в первую же неделю авва Агафон увидел здесь что-то бесполезное для себя и сказал ученикам своим: «Встаньте, пойдем отселе!». Ученики сильно смутились и сказали: «Если у тебя было твердое намерение перейти отселе, то для чего мы понесли такой труд, строив келью? И люди соблазнятся нами и станут говорить: «Вот эти непостоянные опять перешли на другое место!». Видя их малодушие, авва говорит им: «Пусть некоторые соблазнятся, но другие получают назидание и скажут о нас: «Блаженны они, ибо ради Бога переселились и все презрели». Тогда ученики поверглись на землю и умоляли его, доколе не получили позволения идти вместе с ним.

23. Сказал авва Евагрий: «Некий брат имел у себя только одно Евангелие, но и это продал и раздал полученные за него деньги нуждающимся, говоря: «Это есть Слово, которое говорит мне: «Продайте ваше имение и раздайте нищим».

24. Авва Феодор Фермейский приобрел три хорошие книги. Он пришел к авве Макарию и сказал ему: «У меня есть три хорошие книги. И я получаю от них пользу, и братья также берут их и получают пользу. Скажи мне, что надлежит мне сделать?». Ответил старец: «Хорошо дело, но нестяжание лучше всего». Когда же он услышал это, он пошел, продал их, получил за них деньги и раздал их нуждающимся.

[...]

26. Говорили некоторые из наших отцов, что пришел однажды некий брат, носящий малый куколь, в церковь, которая в Келлиях, к авве Исааку. И прогнал его старец, говоря: «Это место принадлежит монахам, ты же мирянин и не можешь пребывать в этом месте».

27. Говорил авва Исаак: «Наши отцы и авва Памбо носили одежды рваные, в лохмотьях, и одежды пальмовые, вы же теперь носите одежды дорогие. Ступайте из этого места, вы его погубили».

Когда они собирались на жатву, он сказал им: «Я не намереваюсь снова давать вам заповеди, ибо вы не соблюдаете (их)».

28. Он еще говорил: «Авва Памбо говорил: «Так надлежит монаху носить свои одежды, чтобы выбросить свой хитон из кельи на три дня, и если никто не найдет его стоящим того, чтобы его унести, тогда пусть он носит его»».

29. Говорил авва Кассиан: «Один из сенаторов, оставив свое имущество, раздал его бедным и удержал немного для себя на свои нужды, не желая жить в совершенном отречении смирения сердца. Этот же – сказал ему одно слово Василий, тот, который (ныне) среди святых, говоря: «Сенаторство ты потерял, и монашества ты не обрел»».

[...]

31. Некий брат попросил авву Серапиона: «Скажи слово мне». Сказал старец ему: «Что я скажу тебе? Что ты забрал достояния бедняков, вдов и сирот и поместил их в шкаф», ибо он увидел шкаф, полный книг.

32. Спросили блаженную Синклитику: «Совершенным ли благом является нестяжание?». Она ответила: «Благо весьма совершенное для тех, у кого есть сила (перенести это), ибо те, которые вынесли это – они страдают плотью, в душе же у них радость. Ибо как одежды жесткие, которые колотят и стирают, превращают силой в белые, таким же образом душа твердая укрепляется весьма через добровольную нищету».

33. Говорил авва Иперехий: «Сокровище монаха – не приобретать ничего материального. Затворись и копи себе (сокровище) на небесах, ибо непреходящ (там) покой вовеки».

34. Был некто из святых, называемый Филагрий, живущий в Иерусалиме и работающий тяжело, чтобы добыть себе пропитание. Когда он стоял на торгу, чтобы продать изделия своих рук, вдруг он нашел кошель, в котором десять сотен олокоптинов. Он стоял на своем месте, говоря (себе): «Тот, кто потерял его, обязательно придет». И вот этот (человек) пришел, плача. Взял же его старец, отвел в сторону и отдал ему. Этот же удержал его (т. е. старца), желая дать часть ему. Старец же не захотел взять. Тогда тот

стал кричать, говоря: «Придите, посмотрите на человека Божьего, что он сделал!». Старец же убежал потихоньку и вышел из города, чтобы не узнали, что он сделал, и не прославляли его.

35. Некий брат спросил одного старца: «Как мне спастись?». Он же снял свой левитон, препоясал чресла, распростер в воздухе руки и сказал: «Так надлежит быть монаху, чтобы он совлек с себя материю мира и распял себя в своих подвигах».

Духовные наставления Серафима Саровского

«Духовные наставления» представляют собой собрание изречений одного из самых почитаемых в православном мире русского святого – старца Серафима Саровского, жившего во второй половине XVIII – первой трети XIX века. Жизнь Серафима Саровского и его изречения свидетельствуют о специфике духовного опыта русского православия. Впервые это сочинение было издано в 1838 году и с тех пор его можно отнести к популярной назидательной аскетической литературе. Ниже помещен фрагмент из «Духовных наставлений».

О Боге

Бог есть огонь, согревающий и воспламеняющий сердца и утробы. Итак, если мы ощутим в сердцах своих холод, который от диавола, ибо диавол хладен, то призовем Господа, и Он придет согреть наше сердце совершенною любовью не только к Нему, но и к ближнему. И от лица теплоты изгонится холод доброненавистника. Отцы написали, когда их спрашивали: ищи Господа, но не испытуй, где живет.

Где Бог, там нет зла. Все происходящее от Бога мирно и полезно и приводит человека к смирению и самоосуждению.

Бог являет нам Свое человеколюбие не только тогда, когда мы делаем добро, но и когда оскорбляем и прогневаем Его. Как долготерпеливо сносит Он наши беззакония! И когда наказывает, как благоутробно наказывает!

Не называй Бога правосудным, говорит преп. Исаак, ибо в делах твоих не видно Его правосудия. Если Давид и называл Его правосудным и правым, но Сын Его показал нам, что Он более благ и милостив. Где Его правосудие? Мы были грешники и Христос умер за нас.

Поскольку совершенствуется человек перед Богом, постольку вслед Его ходит; в истинном же веке Бог являет ему лицо Свое. Ибо праведные, по той мере, как входят в созерцание Его, зрят образ как в зеркале, а там зрят явление истины.

Если не знаешь Бога, то невозможно, чтобы возбудилась в тебе и любовь к Нему; и не можешь любить Бога, если не увидишь Его. Видение же Бога бывает от познания Его: ибо созерцание Его не предшествует познанию Его.

О делах Божиих не должно рассуждать по насыщению чрева: ибо в наполненном чреве нет видения тайн Божиих.

О причинах пришествия в мир Иисуса Христа

Причины пришествия в мир Иисуса Христа, Сына Божия, суть:

Любовь Божия к роду человеческому: тако бо возлюби Богъ мир, яко и Сына Своего едиnorodнаго далъ есть (Иоан. 3, 16);

Восстановление в падшем человеке образа и подобия Божия, как о сем воспевают Св. Церковь.

О вере в Бога

Прежде всего должно веровать в Бога, яко есть и взыскающим Его мздовоздаятель бывает (Евр. 11, 6).

Вера, по учению преп. Антиоха, есть начало нашего соединения с Богом: истинно верующий есть камень храма Божия, уготованный для здания Бога Отца, вознесенный на высоту силою Иисуса Христа, т. е. крестом, помощью вервия, т. е. благодати Духа Святого.

Вера без дел мертва есть (Иак. 2, 26); а дела веры суть: любовь, мир, долготерпение, милость, смирение, несение креста и жизнь по духу. Только такая вера вменяется в правду. Истинная вера не может быть без дел: кто истинно верует, тот непременно имеет и дела.

О надежде

Все, имеющие твердую надежду на Бога, возводятся к Нему и просвещаются сиянием вечного света.

Если человек не имеет вовсе никакого попечения о себе ради любви к Богу и дел добродетели, зная, что Бог печется о нем, – таковая надежда есть истинная и мудрая. А если человек сам печется

о своих делах и обращается с молитвою к Богу лишь тогда, когда уже постигают его неизбежные беды, и в собственных силах не видит он средств к отвращению их и начинает надеяться на помощь Божию, – такая надежда суетна и ложна. Истинная надежда ищет единого Царствия Божия и уверена, что все земное, потребное для жизни временной, несомненно дано будет. Сердце не может иметь мира, доколе не стяжет сей надежды. Она умиротворит его и волеет в него радость. О сей-то надежде сказали достопоклоняемые и святейшие уста: приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вы (Мф. 11, 28), т.е. надейся на Меня и утешься от труда и страха.

В Евангелии от Луки сказано о Симеоне: и было ему обещано Духом Святым не увидеть смерти, прежде чем Христа Господня (Лук. 2, 26). И он не умертвил надежды своей, но ждал вождя для мира и, с радостью приняв Его на руки свои, сказал: ныне отпускаеши меня, Владыко, идти в вождя для меня Царствие Твое, ибо я получил надежду мою – Христа Господня.

О любви к Богу

Стяжавший совершенную любовь к Богу существует в жизни сей так, как бы не существовал. Ибо считает себя чужим для видимого, с терпением ожидая невидимого.

Он весь изменился в любовь к Богу и забыл всякую другую любовь.

Кто любит себя, тот любить Бога не может. А кто не любит себя ради любви к Богу, тот любит Бога.

Истинно любящий Бога считает себя странником и пришельцем на земли сей; ибо душою и умом в своем стремлении к Богу созерцает Его одного.

Душа, исполненная любви Божией, во время исхода своего из тела, не убоится князя воздушного, но со Ангелами возлетит, как бы из чужой страны на родину.

Против излишней попечительности

Излишнее попечение о вещах житейских свойственно человеку неверующему и малодушному. И горе нам, если мы, заботясь

сами о себе, не утверждаемся надеждою нашею в Боге, пекущемся о нас! Если видимых благ, которыми в настоящем веке пользуемся, не относим к Нему, то как можем ожидать от Него тех благ, которые обещаны в будущем? Не будем такими маловерными, а лучше будем искать прежде Царствия Божия, и сия вся приложатся нам, по слову Спасителя (Мф. 6, 33).

Лучше для нас презирать то, что не наше, т. е. временное, и преходящее и желать нашего, т. е. нетления и бессмертия. Ибо, когда будем нетленны и бессмертны, тогда удостоимся видимого Богосозерцания, подобно Апостолам при Божественнейшем Преображении и приобщимся превыше умного единения с Богом подобно небесным умам. Ибо будем подобны Ангелам и сынами Божиими, Воскресения сыновья сущие (Лк. 20, 36).

О попечении о душе

Человек по телу подобен зажженной свече. Свеча должна сгореть, и человек должен умереть. Но душа бессмертна, потому и попечение наше должно быть более о душе, нежели о теле. Если одна душа сама по себе драгоценнее всего мира и царства мирского, то несравненно дороже Царство Небесное. Душу же почитаем драгоценнее всего по той причине, как говорит Макарий Великий, что Бог ни с чем не благоволил сообщиться и соединиться своим духовным естеством, ни с каким видимым созданием, но с одним человеком, которого возлюбил более всех тварей Своих.

ИСЛАМ

Коран

Коран (с араб. «назидание», «чтение вслух») – священная книга ислама (мусульманства). Считается Откровением Бога-Аллаха пророку Мухаммеду. В современной редакции Коран является собранием-обобщением текстов, осуществленным под началом Зейда ибн Сабита и по повелению Абу Бакра ас-Сиддика и Умара ибн аль-Хаттаба. Данный канон утвержден при халифе Усмани. Согласно мусульманскому преданию, содержание Корана было передано посредством Ангела Джабраила (Гавриила) в течение 22 лет (с 610 по 632

г.). Первое Откровение Мухаммед получил в возрасте 40 лет, а сам текст был записан со его слов ближайшими учениками.

Согласно исламскому вероучению, Коран – последнее, наиболее совершенное Священное Писание, данное человечеству Богом-Аллахом, и оно является свидетельством духовного пророчества, подтвердившего истинность предшествующих Откровений и Священных Писаний (начиная от Адама, Свитков Авраама, Ветхозаветной Торы и Псалтири и заканчивая христианским Евангелием), утвердившее последнее и самое совершенное Небесное законодательство. «Земной» текст Корана является копией «Небесного» оригинала. Данная книга содержит немало параллелей с иудаизмом и христианством. Исламские толкователи Корана объясняют это тем, что ранее Бог-Аллах уже передавал свои Откровения пророку Мусе (Моисею) и Исе (Иисусу Христу), однако со временем эти заветы стали устаревать или искажаться, поэтому потребовалась миссия Мухаммеда.

Коран содержит 114 глав. Первые суры Корана представляют собой большие относительно большие тексты, в то время как последние содержат всего несколько строк. По своему содержанию текст Корана представляет собой как изложение вероучения ислама, так и основы мусульманского права и описание исторических событий. Ниже приводится текст наиболее важных 1 и 2 суры.

Сура 1. Открывающая книгу

(1). Во имя Аллаха милостивого, милосердного!

1 (2). Хвала – Аллаху, Господу миров,

2 (3). милостивому, милосердному,

3 (4). царю в день суда!

4 (5). Тебе мы поклоняемся и Тебя просим помочь!

5 (6). Веди нас по дороге прямой,

6 (7). по дороге тех, которых Ты облагодетельствовал,

7. не тех, которые находятся под гневом, и не заблудших.

Сура 2. Корова

Во имя Аллаха милостивого, милосердного!

1 (1). Алм. (2). Эта книга – нет сомнения в том – руководство для богобоязненных,

2 (3). тех, которые веруют в тайное и выстаивают молитву и из того, чем Мы их наделили, расходуют,

3 (4). и тех, которые веруют в то, что ниспослано тебе и что ниспослано до тебя, и в последней жизни они убеждены.

4 (5). Они на прямом пути от их Господа, и они – достигшие успеха.

5 (6). Поистине, те, которые не уверовали, – все равно им, увещевал ты их или не увещевал, – они не веруют.

6 (7). Наложил печать Аллах на сердца их и на слух, а на взорах их – завеса. Для них – великое наказание!

7 (8). И среди людей некоторые говорят: «Уверовали мы в Аллаха и в последний день». Но они не веруют.

8 (9). Они пытаются обмануть Аллаха и тех, которые уверовали, но обманывают только самих себя и не знают.

9 (10). В сердцах их болезнь. Пусть же Аллах увеличит их болезнь! Для них – мучительное наказание за то, что они лгут.

10 (11). А когда им говорят: «Не распространяйте нечестия на земле!» – они говорят: «Мы – только творящие благое».

11 (12). Разве нет? Ведь они – распространяющие нечестие, но не знают они.

12 (13). А когда говорят им: «Уверуйте, как уверовали люди!» – они отвечают: «Разве мы станем веровать, как уверовали глупцы?» Разве нет? Поистине, они – глупцы, но они не знают!

13 (14). И когда они встречаются тех, которые веровали они говорят: «Мы уверовали!» А когда остаются со своими шайтанами, то говорят: «Мы ведь – с вами, мы ведь только издеваемся».

14 (15). Аллах произдевается над ними и усилит их заблуждение, в котором они скитаются слепо!

15 (16). Это – те, которые купили заблуждение за правый путь. Не прибыльна была их торговля, и не были они на верном пути!

16 (17). Подобны они тому, кто зажег огонь, а когда он осветил все, что кругом него, Аллах унес их свет и оставил их во мраке, так что они не видят.

17 (18). Глухие, немые, слепые, – и они не возвращаются (к Аллаху).

18 (19). Или как дождевая туча с неба. В ней – мрак, гром и молния, они вкладывают свои пальцы в уши от ударов грома, боясь смерти, а Аллах объемлет неверующих.

19 (20). Молния готова отнять их зрения; как только она им осветит, они идут при ней. А когда окажется над ними мрак, они стоят. А если бы Аллах пожелал, то унес бы их слух и зрение: ведь Аллах над всякой вещью мощен!

(21). О люди! Поклоняйтесь вашему Господу, который сотворил вас и тех, кто был до вас, – может быть, вы будете богобоязненны! –

20 (22). который землю сделал для вас ковром, а небо – зданием, и низвел с неба воду, и вывел ею плоды пропитанием для вас. Не предавайте же Аллаху равных, в то время как вы знаете!

21 (23). А если вы в сомнении относительно того, что Мы ниспослали Нашему рабу, то принесите суру, подобную этому, и призовите ваших свидетелей, помимо Аллаха, если вы правдивы.

22 (24). Если же вы этого не сделаете, – а вы никогда этого не сделаете! – то побойтесь огня, топливом для которого люди и камни, уготованного неверным.

23 (25). И обрадуй тех, которые уверовали и творили благое, что для них – сады, где внизу текут реки. Всякий раз, как им даются в удел оттуда какие-нибудь плоды, они говорят: «Это – то, что было даровано нам раньше», – тогда как им доставлено только сходное. Для них там – супруги чистые, и они там будут пребывать вечно.

24 (26). Поистине, Аллах не смущается приводить некоей притчей комара и то, что больше этого. А те, которые веровали, знают, что это – истина от их Господа. Те же, которые неверны, скажут: «Что желает Аллах этим, как притчей?» Он вводит этим в заблуждение многих и ведет прямым путем многих. Но сбивает Он этим только распутных,

25 (27). тех, которые нарушают завет Аллаха после его закрепления и разделяют то, что Аллах повелел соединять, и творят нечестие на земле. Это – те, которые окажутся в убытке.

26 (28). Как вы не веруете в Аллаха? Вы были мертвыми, и Он оживил вас, потом Он умертвит вас, потом оживит, потом к Нему вы будете возвращены.

27 (29). Он – тот, который сотворил вам все, что на земле, потом обратился к небу и строил его из семи небес. Он о всякой вещи знающ!

28 (30). И вот, сказал Господь твой ангелам: «Я установлю на земле наместника». Они сказали: «Разве Ты установишь на ней

того, кто будет там производить нечестие и проливать кровь, а мы возносим хвалу Тебе и святим Тебя?» Он сказал: «Поистине, Я знаю то, чего вы не знаете!»

29 (31). И научил Он Адама всем именам, а потом предложил их ангелам и сказал: «Сообщите Мне имена этих, если вы правдивы».

30 (32). Они сказали: «Хвала Тебе! Мы знаем только то, чему Ты нас научил. Поистине, Ты – знающий, мудрый!»

31 (33). Он сказал: «О Адам, сообщи им имена их!» И когда он сообщил им имена их, то Он сказал: «Разве Я вам не говорил, что знаю скрытое на небесах и на земле и знаю то, что вы обнаруживаете, и то, что скрываете?»

32 (34). И вот, сказали Мы ангелам: «Поклонитесь Адаму!» И поклонились они, кроме Иблиса. Он отказался и превознесся и оказался неверующим.

33 (35). И Мы сказали: «О Адам! Поселись ты и твоя жена в раю и питайтесь оттуда на удовольствие, где пожелаете, но не приближайтесь к этому дереву, чтобы не оказаться из неправедных».

34 (36). И заставил их сатана споткнуться о него и вывел их оттуда, где они были. И Мы сказали: «Низвергнитесь, (будучи) врагами друг другу! Для вас на земле место пребывания и пользование до времени».

35 (37). И Адам принял от Господа своего слова, и обратился Он к нему: ведь Он - обращающийся, милосердный!

36 (38). Мы сказали: «Низвергнитесь оттуда вместе! А если придет к вам от Меня руководство, то над теми, кто последует за Моим руководством, не будет страха, и не будут они печальны».

37 (39). А те, которые не веровали и считали ложью наши знамения, они – обитатели огня, они в нем вечно пребывают. [...]

Аль-Мунтахаб фи тафсир аль-Куран аль-Карим (Толкование Священного Корана)

Представленный текст – является небуквальным переводом и тасфиром аль-Мунтахаб (упрощенным толкованием) Корана на русский язык, составлен в Исламском египетском университете (духовной академией) Аль-Азхар.

Сура 1 Аль-Фатиха «Открывающая книгу»

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

Эта сура мекканского происхождения. Она была ниспослана пророку Мухаммаду – да благословит его Аллах и приветствует! – до хиджры. Сура состоит из 7 аятов. Она называется «Открывающая Книгу» (аль-Фатиха), потому что это первая сура по порядку расположения в Благородном Коране и первая сура, ниспосланная полностью. В этой суре говорится о совокупности идей и общем значении Корана, который подтверждает единобожие, является благой вестью для верующих, предупреждает о наказании неверующих и грешников, указывает на необходимость поклонения Господу, на путь к счастью в настоящей и будущей жизни и рассказывает о тех, которые повиновались Аллаху и обрели блаженство, и о тех, которые не повиновались Ему и оказались в убытке, и поэтому эта сура называется «Мать Книги».

1:1. Сура начинается именем Аллаха Единого, Совершенного, Всемогущего, Безупречного. Он – Милостивый, Податель Блага (великого и малого, общего и частного) и вечно Милосердный.

1:2. Все виды прекраснейшей хвалы Аллаху Единому за все, что Он предопределил для Своих рабов! Вся слава Аллаху – Творцу и Господу обитателей миров!

1:3. Аллах – Всемиловит. Он один – Источник Милосердия и Податель всякого Блага (великого и малого).

1:4. Аллах один – Властелин Судного дня – Дня расчета и воздаяния. И никто, кроме Него, не властен ни над чем в этот День.

1:5. Тебе одному мы поклоняемся и лишь к Тебе о помощи взываем:

1:6. «Веди нас прямым путем истины, блага и счастья,

1:7. путем Твоих рабов, которых Ты наставил на веру в Тебя и которым Ты оказал Свою милость, направив их на прямой путь и оказав им Свое благоволение, но не тех, которые вызвали Твой гнев и сбились с пути истины и блага, отклонясь от веры в Тебя и не повинуюсь Тебе».

Сура 2 Аль-Бакара «Корова»

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

Эта сура мединского происхождения и состоит из 286 аятов. Она была ниспослана Мухаммаду – да благословит его Аллах и

приветствует! – после хиджры в Медину. Сура «аль – Бакара» – самая длинная сура Корана по порядку расположения сур в нем. Эта сура начинается с подробного разъяснения мыслей, содержащихся в конце суры «аль-Фатиха». Она подчеркивает, что Коран является руководством, посланным Аллахом для богобоязненных. В ней рассказывается о верующих, которым Аллах даровал Свое благоволение, и о неверных и лицемерах, вызвавших на себя гнев Аллаха. В данной суре указывается на истину Корана, на его истинный призыв к благочестию и на то, что люди делятся на три категории: на тех, которые истинно верят в Аллаха, на тех, которые не признают Аллаха, и лицемеров. Сура призывает людей поклоняться только Аллаху одному, содержит предупреждение неверующим и благую весть для верующих. В суре «аль – Бакара» рассказывается о сынах Исраила (Израиля), напоминает им о днях милости Аллаха к ним, о временах Мусы (Моисея) – мир ему! – и о наполненной удивительными событиями истории сынов Исраила с ним. Почти половина суры посвящена напоминанию сынам Исраила об усилиях Ибрахима (Авраама) и Исмаила построить Каабу. Такого типа рассказы используются в качестве назидания и совета верующим, чтобы они думали перед тем, как действовать, принимая как поучительный урок то, что случилось с иудеями и христианами. В суре содержится обращение к людям Корана, указывается на общее между народом Мусы и народом Мухаммада благодаря Ибрахиму (его руководству и потомству) и рассказывается о Кибле. В этой суре говорится о единобожии и о знаменьях Аллаха, подтверждающих это, о многобожии, о запрещенной пище и о том, что запрещать и разрешать может только Аллах. В ней разъясняется что такое благочестие, а также содержатся наставления Аллаха относительно поста, завещания, приобретения имущества людей обманым путем, возмездия, сражения на пути Аллаха, паломничества (хаджа), малого паломничества (умры), вина, майсира (азартных игр), брака и развода, установления женам срока после развода, в течение которого они не могут выйти замуж за другого человека, кормления ребенка матерью, расхода денег, торговли, долговых расписок, ростовщичества, долгов и т. п. В суре говорится также о вероучении, единобожии и воскресении – все это ясно изложено в суре, чтобы направить человека на истинный путь и научить правильно вести свои дела. Сура заканчивается мольбой верующих,

обращенной к Аллаху, поддержать их и помочь им против народа неверного. Сура содержит ряд назиданий: следование прямым путем Аллаха и его религии ведет к счастью в настоящей и в будущей жизни; не следует разумному человеку, призывая других к благочестию и благодеянию, самому уклоняться от этого; добро предпочтительно, а зло недопустимо. Сура «аль – Бакара» ясно указывает на то, что религия основана на трех постулатах: безусловное признание Аллаха, истинная вера в День воскресения и Суд и благодеяния. Воздаяние дается за веру и деяния. Условие истинной веры – полное и смиренное повиновение души и сердца всему, что ниспослано пророку. В суре говорится о том, что немусульмане до тех пор будут недовольны мусульманами, пока мусульмане не последуют за их религией. Опекунство по шариату должно принадлежать только верующим в Аллаха и людям справедливости, а не неверующим, нечестивым, несправедливым. Вера в религию Аллаха в том виде, как она была ниспослана, требует единства и согласия между людьми, и нарушение этого условия ведет к разногласию и расколу. Терпение и молитва помогают человеку совершать великие деяния. Аллах разрешил Своим рабам хорошую пищу и запретил вредную для человека пищу. И только Аллаху принадлежит право разрешать и запрещать. Если же человек в силу обстоятельств вынужден есть запрещенную пищу, чтобы спасти свою жизнь, это не будет грехом. Ведь Аллах не возлагает на человека ничего невозможного для него. Здесь также указывается на то, что никто не понесет наказания за злодеяния, совершенные другими; указано на такое качество, как добродетель, и на то, что человек не должен подвергать себя ненужной опасности для достижения своих целей, которых он может достичь общепринятыми действиями; на долг мусульманина по отношению к себе и другим и на его обязанности перед Творцом. Религия запрещает насилие. Ислам разрешает вести сражение только для того, чтобы защищаться и обеспечить свободу и суверенитет ислама в своем обществе. Каждый человек должен стараться жить по законам Аллаха в настоящей жизни, готовя себя к будущей жизни. Вера и терпение ведут к победе справедливого верующего меньшинства над несправедливым неверующим большинством. Запрещается несправедливо брать себе имущество других. Человеку воздается только за его деяния, а не за деяния других людей. Разумный человек понимает мудрую

суть шариата, содержащего истину, справедливость и защищающего интересы людей.

2:1. А (Алиф) – Л (Лям) – М (Мим). Сура «аль – Бакара» открывается этими буквами арабского алфавита, чтобы обратить внимание на чудо и неподражаемость Корана, который, хотя и ниспослан на арабском языке, но неповторим. Кроме того, эти буквы привлекают внимание слушателя к благозвучности Корана.

2:2. Данная совершенная Книга – Коран, который является Нашим руководством, не допускает никакого сомнения в том, что он ниспослан Аллахом и пронизан духом правды, ведущей к истине; Коран – руководство для богобоязненных и благочестивых.

2:3. Это – те, которые сильно верят в тайное и в то, что не может быть постижимым или понятным зрением, как ангелы или Последний день, – ведь основа искренней веры и религии – вера в сокровенное; те, которые превозносят Аллаха и смиренно выстаивают молитву; те, которые из того, чем наделил их Господь, расходуют на благие дела.

2:4. Это – те, которые искренне верят в то, что ниспослано тебе (о Мухаммад!) – Коран, – и во все, что содержится в нем, и соблюдают его заветы и установления, верят во все, что предписано Аллахом, и в Книги, что были ниспосланы до тебя (о Мухаммад!) другим пророкам, – Тору и Евангелие, поскольку у всех Посланий Аллаха одна основа, и твердо убеждены в наступлении Судного дня, в награде и наказании в этот День.

2:5. Эти люди находятся на прямом пути, и от Аллаха руководство для них, и они достигнут успеха и будут счастливы наградой от Аллаха за их повиновение Аллаху и отстранение от запрещенного.

2:6. А те, невежественные, которые не уверовали и упрямо не обращают свои сердца в сторону Аллаха, – все равно им, увещевал ты их (о Мухаммад!) или не увещевал – они не веруют.

2:7. Аллах наложил печать на их сердца и слух, и на их взорах – завеса, у них темный ум, и они не слышат Его истинного обещания и не понимают знамений Аллаха. Для них будет великое наказание.

2:8. Среди людей есть такие, у которых на языке то, чего нет в их сердцах. Они говорят, что уверовали в Аллаха и в Судный день. Но на самом деле они не веруют и не входят в число верующих.

2:9. Они пытаются обмануть Аллаха Всеведущего, который знает все, что они тайно скрывают в своих сердцах и умах, а так-

же тех, которые уверовали. На самом деле они обманывают только себя и вредят только себе.

2:10. В их сердцах болезненная зависть и ненависть к верующим, а также испорченная вера. Аллах же увеличил их заблуждение и зависть победой истины. Их ждет в земном мире и в будущей жизни мучительное наказание за то, что они лгут и отрицают истину.

2:11. А когда верующие говорят этим лицемерам, чтобы они не сеяли нечестие на земле, не вносили раскол и не разжигали войны, они, отвергая от себя все это, отвечают им, что творят благое и стараются, чтобы люди отказались от неправильного образа жизни и встали на прямой путь. Это – ложные речи каждого хитрого распутника.

2:12. О верующие! Обратите внимание на то, что на самом деле благое, о котором они говорят, это нечестивость и гибель, но они из-за высокомерия этого не понимают и не знают дурных последствий этого лицемерия. [...]

2:23. Если вы сомневаетесь относительно правды и подлинности Корана, который Мы ниспослали Нашему рабу, пророку Мухаммаду, то принесите хоть одну суру, подобную любой суре Корана по красноречию, назиданиям, науке и руководству, и призовите ваших свидетелей, помимо Аллаха, которые могли бы свидетельствовать, если вы правдивы. Но вы их не найдете. А Аллах не будет вашим свидетелем, ибо Он поддерживает Своего раба ниспосланным Писанием.

2:24. Если же вы не сможете принести суры, подобной суре, ниспосланной Аллахом, – а вы никогда не сможете этого сделать, потому что это не в силах человека, так как Коран – это слова Творца, то побойтесь огня, топливом для которого будут неверующие и камни статуй идолов. Этот огонь уготован неверным, которые не признают Аллаха.

2:25. И обрадуй (о Мухаммад!) тех, которые уверовали в Аллаха, Его пророка и Его Книгу без всякого сомнения и творили добро. Для них будут прекрасные сады блаженства, по которым текут реки. Всякий раз, как они вкусят от плодов, они будут говорить: «Это похоже на то, что было даровано нам раньше». Но эти плоды схожи только по форме. На самом же деле райские плоды отличаются своим приятным вкусом, дающим неслыханное на-

слаждение. Для них в раю – чистые, благочестивые супруги, там они пребудут вечно.

2:26. Поистине, Аллах приводит людям притчи, чтобы учить их правильному поведению, представляя маленьких и больших в Своих притчах. Аллах не смущается приводить притчу про какого-нибудь комара или про что-либо более ничтожное, прибегая к аллегории, чтобы учить людей правильным моральным и духовным отношениям. Те, которые не уверовали, критикуют такие примеры о маленьких существах и все больше углубляются в заблуждение. А те, которые уверовали, знают, что притча, приведенная Аллахом – Творцом, – истина.

2:27. Те, которые нарушают договор с Аллахом после его закрепления разумом и Божественным Посланием и разделяют то, что Аллах повелел соединить: отношения с родными, гуманность и милость, творят непотребства на земле, плохими отношениями разжигают вражду, разногласия и войны, окажутся в убытке. Они познают стыд в настоящей жизни, и их ждет наказание в жизни будущей.

2:28. Как вы можете не верить в Аллаха, если нет никакого повода для вашего сомнения, на который можно было бы опереться в вашей неверии? Он оживил вас, дал вам жизнь, и Он умертвит вас, когда наступит определенный час для вашей смерти. Потом, в predetermined срок, оживит вас, и к Нему только вы будете возвращены на Суд и наказание.

2:29. Он – Тот, который сотворил вам все благое на земле, потом обратился к небу и устроил его из семи небесных сводов. Он о всякой вещи знающий! Поистине, только Аллаху нужно поклоняться и повинаться!

2:30. Аллах – хвала Ему Всевышнему! – разъяснил, как Он сотворил человека, поставил его наместником на земле и одарил его знаниями о вещах. Вспомни (о Мухаммад!) еще другую милость Аллаха, оказанную человеку, когда Господь объявил ангелам о Своем решении поставить на земле наместника – Адама и его потомство – и даровать им знания. Ангелы спросили: «Разве Ты поставишь на ней того, кто будет творить там непотребства, проливать кровь, сеять вражду из-за своих нечистых страстей? А мы возносим Тебе хвалу, славим Тебя, отвергаем от Тебя все, что не подобает Тебе, и превозносим Твои благодеяния». Он сказал: «Поистине, Я – Всеведущий и знаю то, чего вы не знаете!»

2:31. Аллах сотворил Адама и научил его именам и названиям предметов, которые будут употребляться в жизни. Затем Он предложил ангелам предметы, связанные с человеческой мыслью и образом жизни, и сказал: «Сообщите Мне имена этих, если вы правдивы в том, что имеете больше прав быть наместниками на земле благодаря вашему поклонению и повиновению Мне и что нет лучше вас». [...]

2:40. О сыны Исраила! Вспомните милость Мою, которую Я оказал вам и вашим отцам. Думайте об этом и будьте Мне благодарны и признательны. Верно соблюдайте обет, который Я взял с вас, – веру в Аллаха и добродетель и веру в пророков, которые будут посланы после Мусы. Тогда и Я буду соблюдать Мой завет с вами – дам вам добрую награду и вечный рай. Только Меня искренне почитайте и избегайте Моего гнева!

2:41. И веруйте в Коран, который Я ниспослал в подтверждение истинности Писаний, находящихся у вас, в единобожие и в поклонение Аллаху, и в справедливость в отношениях между людьми. Не торопитесь отнестись к нему с недоверием и не будьте среди людей первыми, которые отвергают его, вместо того, чтобы быть первыми из уверовавших в него. Вы не принимаете за истину Мои пророчества, знамения и Моего пророка, отказавшись от истинной цены в угоду суете быстротечного и быстроисчезающего мира. Будьте осторожными, не вызывайте Мой гнев, идите по Моему пути и отвернитесь от заблуждения, Меня бойтесь!

2:42. И не облакайте ниспосланную Мною Истину для руководства в выдуманную вами ложь. И не скрывайте истину, в том числе и истину Мухаммада, в то время как вы знаете, что она отражает действительность!

2:43. Веруйте в Меня, выстаивайте молитву как положено, давайте закят (очистительную милостыню) тому, кто его заслуживает, и кланяйтесь вместе с совершающими коленапоклонения в совместной молитве передо Мной, чтобы получить воздаяние за молитвы. Для этого требуется, чтобы вы были мусульманами.

2:44. Неужели вы повелеваете оказывать милость и творить добро в то время, как сами не делаете того, к чему призываете, и не следуете по пути мудрости и благочестия? А ведь вы читаете Писание – Тору – и знаете ее текст, в котором есть предостережение тем, у которых слово расходится с делом. Неужели вы не образумитесь, чтобы изменить такое безрассудное поведение?

2:45. Призовите на помощь терпение, исполняя предписанные религиозные обязанности, чтобы предостеречь себя от неправильных поступков, и запаситесь чудесной молитвой, которая очищает сердце и удерживает от мерзости и гнусности. Молитва Аллаху кажется людям великой тяготой, но только не для смиренных, сердца которых наполнены религиозными и духовными добродетелями, –

2:46. для тех, у которых сердца спокойны, которые твердо верят в Последний день и в то, что они встретят своего Господа, что они к Нему одному возвратятся, и Он воздаст им за их деяния. [...]

2:61. Вспомните, о иудеи, также тот день, когда ваши предки проявили недовольство и не выразили благодарности Аллаху за Его блага, и сказали Мусе: «О Муса! Мы не можем выносить одну и ту же пищу – манну и перепелов. Воззови ради нас к твоему Господу, пусть Он низведет нам то, что произрастает на земле из овощей: огурцы, чеснок, чечевицу, лук». И сказал Муса, удивляясь: «Неужели вы просите заменить то, что лучше, тем, что хуже и ниже? Если это ваше желание, тогда спуститесь в один из городов и там вы найдете, что хотите и просите». Из-за их упрямства и неблагодарности Аллаху были ниспосланы им унижение и бедность. И навлекли они на себя гнев Аллаха. Это – за то, что они не уверовали в знамения Аллаха и несправедливо убивали пророков из своего народа. Это – за то, что они из-за упорства и бунтарства, ослушались Аллаха и были грешными преступниками.

2:62. Те из последователей пророков, которые уверовали ранее, и иудеи, и христиане, и те, кто поклонялся планетам и ангелам (сабеи), и те, кто уверовал в миссию Мухаммада, придерживался единобожия, веруя в Аллаха Всевышнего, Единого и в Последний день – День Суда – и в воздаяние, и творили благо – им награда от Господа за почтение. Нет над ними страха, и не будут они печальны! Ведь награда за добрые деяния не пропадет у Аллаха!

2:63. Вспомните, что однажды, когда вы стояли у подножия горы, Мы скрепили договор с вами и подняли над вами гору, и вас охватил благоговейный страх, и вы были покорны Богу. Мы сказали вам, чтобы вы твердо следовали тому, что Мы даровали вам – руководству, – и соблюдали его законы и правила, и следовали Нашим заповедям (может быть, вы будете богобоязненны!), и относились с глубоким покорным почтением к Аллаху, и берегли себя от наказания.

2:64. Но после всего этого вы были непокорными и, если бы не благосклонность Аллаха к вам и Его милость, то вы были бы среди заблудших, обреченных на гибель. [...]

2:109. Многие обладатели Писания – из иудеев – хотели бы, из-за зависти, отвратить вас, мусульмане, от вашей веры и ввергнуть вас в пучину неверия, боясь, что власть перейдет к вам, хотя ясна им стала истина, как было сказано в их Писании. Отвернитесь и простите их, пока Аллах не ниспошлет Свое повеление по этому поводу. В самом деле, Аллах Всемогущий всемогущ над каждой вещью!

2:110. Совершайте богослужение, выстаивайте молитву, творите закят. То благое и доброе, которое вы уготовите для душ ваших в этой жизни, вы найдете у Аллаха как награду. Ведь Господь видит, что вы делаете. Господь – Вездесущий!

2:111. Иудеи и христиане говорят, что никто, кроме них (иудеев и христиан), не войдет в рай Господний, но это только их напрасные мечты и надежды. Скажи им (о Мухаммад!): «Представьте ваши доказательства, если вы правдивы!»

2:112. Они не найдут никакого доказательства. Поистине, благочестивы те, кто творит добро; их ждет награда в День воскресения, и не будет страха над ними, и не отягчит их печаль, а будут они в садах благоденствия!

2:113. Иудеи говорят, что у христиан нет основы – истинной веры, – а христиане утверждают, что нет основы – истинной веры – у иудеев. И те и другие приводят доказательства из своих Писаний. Подобное же говорят и неверующие из арабов, которые пока не понимают и ничего не знают об их Писаниях. Они все не правы. В Судный день Аллах рассудит их относительно того, в чем они расходились. [...]

2:116. Иудеи, христиане и неверующие говорят, что у Господа есть сын. Это ложь. Хвала Аллаху! Ему не нужен сын. Он владеет всем, что на небесах и на земле. Все Ему покоряется и послушно!

2:117. Зачем Ему нужен сын?! Он – Творец небес и земли. И все Его воле послушно. Если Он задумает какое-либо творение, то только скажет: «Будь!» – и оно будет.

2:118. Многобожники из арабов проявляют большое упорство, выступая против призыва Мухаммада. Они ничего не понимают и просят у Мухаммада знамения, как их предки просили

у своих пророков, говоря: «Если бы заговорил с нами Аллах или послал бы нам знамение, мы бы уверовали!» Так говорили сыны Исраила Мусе. Последователи Исы просили, чтобы Аллах ниспослал им небесную пищу. Это потому, что слова и сердца у всех неверующих одинаковы. Верующие всей душой в Аллаха обладают ясным видением, верными знаниями – им ясны знамения Аллаха.

2:119. Мы послали тебя (о Мухаммад!) с непреложной истиной, добрым вестником для верующих и увещавателем для неверных, и ты не будешь отвечать за неверующих – обитателей огня.

2:120. Не утруждай себя (о Мухаммад!) тем, чтобы угодить упрямым иудеям и христианам. Они не будут довольны тобой, пока ты не последуешь их вере, которая, как они считают, является путем к Богу. Поистине, путь к Богу – это путь ислама! И тот, кто, постигнув истину, последует за их учением, тот не найдет в Судный день ни близкого, ни заступника, который мог бы спасти его от мучений. [...]

ХАДИСЫ

Хадисы (араб. – «рассказы», «предания») – предания об изречениях и действиях пророка Мухаммеда со слов его современников, раскрывающие более подробно предписания веры, содержащиеся в Коране. Хадис составляет: изречение (кауль), одобрение (такриф), образ (васфи) или действие (филь) пророка Мухаммада, а в совокупности они образуют Сунну, имеющую авторитетное значение для верующих-мусульман и представляющую собой одну из основ шариата. Хадисы передавались через сподвижников пророка Мухаммеда. Каждый хадис должен иметь непрерывную цепочку предания, начиная от первого сподвижника (сахаб), озвучившего хадис. Так, один из сподвижников пророка Мухаммеда Абу Хурайра поведал о 5354 хадисах.

Сунна

«Помни об Аллахе – и Он, помня о тебе, защитит тебя; помни об Аллахе – и ты почувствуешь, что Он перед тобой. Если ищешь ответа на вопрос, спрашивай у Аллаха; если ищешь помощи, взывай о ней к Аллаху». // хадис от Абу Абасса Абдуллы // Ат-Тирмизи

«Каждый мусульманин – брат мусульманину, а потому он не должен притеснять его. Всякому, кто поможет в нужде своему брату, Аллах поможет в его собственной нужде. Всякого, кто оградит мусульманина от напасти, Аллах оградит от тягот в День Суда». // хадис от Абдуллы бин Умара // Сахих аль-Бухари

«Не завидуйте друг другу; не испытывайте ненависти по отношению друг к другу; не отворачивайтесь друг от друга, а будьте, о слуги Аллаха, братьями. Один мусульманин – брат другому мусульманину: он не притесняет его и не предает его интересы, он не лжет ему и не оскорбляет его призрением. Очень дурно для каждого человека испытывать чувство презрения по отношению к своему брату мусульманину». // хадис от Абу Хурейра // Муслим

«Вера в Бога Единого заложена в каждом ребенке отроду, и только родители делают его иудеем, христианином или язычником». // хадис от Абу Хурейра // Сахих аль-Бухари

«Поистине, Аллах любит мягкость (доброту) в каждом деле». // хадис от Аиши // Бухари и Муслим

«У верующего есть шесть особых обязательств (по отношению к другому) верующему: он навещает его во время его болезни, присутствует на его похоронах, отзывается на его приглашение, приветствует его при встрече, желает ему благого, и искренен (сердечен) по отношению к нему в его присутствии и отсутствии». // хадис от Абу Хурайры // Бухари и Муслим

«Помни об Аллахе – и ты узришь Его. Поминай Господа во дни благоденствия – и он вспомнит о тебе в дни твоих тягот. И знай – победа приходит только с терпением и стойкостью духа; печаль сменяется радостью, а на смену тяготам приходит счастье». // хадис от Абу Аббаса Абдуллы // Ат-Тирмизи

«Всевышний Аллах посмотрит не на вашу внешность и состояние, а на ваши сердца и поступки». // хадис от Умара бин аль-Хаттаба // Сахих аль-Бухари

«Поистине, мягкость, в чем бы она ни выражалась, украшает, а ее отсутствие, в чем бы оно ни выражалось, поистине очерняет (порочит)». // хадис от Аиши // Муслим

«Кто призывает делать добро, тому – награда, подобная награде того, кто его делает». // хадис от Абу Мас'уда Укбы // Муслим

«Не сообщить ли вам, кому запрещен Ад? Запрещен он каждому, кто близок (к людям), снисходителен, мягок, прост (в общении)». // хадис от Абдуллаха ибн Мас'уда // Тирмизи

«То достоинство, за которое большинство людей войдут в Рай, это их набожность и хороший тон поведения». // хадис от Абу Хурейра // Ат-Тирмизи

«Не пренебрегай ничем из одобряемого, хотя бы тем, чтобы встретить своего брата с радушным лицом». // хадис от Абу Зарра Джундаба // Муслим

«Лучшим из людей является тот верующий, который дерзает на Господнем промысле всей своей жизнью и всем своим добром». // хадис от Абу Сайда аль-Кудри // Бухари и Муслим

«Улаживайте разногласия между мусульманами, так как злоба между ними губительна». // хадис от Абу ад-Дарда

«Богатство человека не в избытии мирских благ. Истинное богатство – это богатство души». // хадис от Абу Хурайры // Муслим

«Если ты испытываешь чувство любви к своему брату, поспеши сказать ему об этом». // хадис от Абу Каримы // Абу Дауд и Тирмизи

«Живи в этом мире как чужестранец или случайно забредший путник. Если вы доживете до вечера, не тешьте себя иллюзиями. что будете живы утром, а доживете до утра, не будьте уверены, что останетесь живы до вечера, и берите из вашего здоровья – в счет болезни, а из вшей жизни в счет смерти». // хадис от Ибн Умара // Сахих аль-Бухари

«Тот, кто находится среди людей и делит с ними их невзгоды, получит лучшую награду у Аллаха, нежели тот, кто сторонится людей, не разделяя их беды». // хадис от аль-Хассана ьин Али // Ат-Тирмизи

«Никто из вас не должен молиться о своей скорейшей смерти, потому что, если вы хороший человек, у вас будет больше возможностей увеличить количество благих поступков. Если же вы нехороший человек, у вас появится шанс исправить свое дурно прошлое». // хадис от Абу Хурейра // Аль-Бухари и Муслим

«Один человек попросил Пророка дать ему совет, который Пророк считает особо важным. Пророк сказал: никогда не поддавайся порыву гнева. Человек повторил свой вопрос несколько раз, но каждый раз Пророк отвечал: никогда и ни при каких обстоятельствах не поддавайся порыву гнева». // хадис от Абу Хурейра // Бухари

«На пути Аллаха истинно воюет тот, кто воюет за торжество Господнего Слова». // хадис от Абу Мусы // Сахих аль-Бухари

«Не будет помилован тот, кто сам не проявляет милосердия к другим». // хадис от Джарира бин Абдуллаха // Сахих аль-Бухари

«Праведник, который силен духом и телом, более угоден Аллаху, нежели тот, кто слаб и немощен, хотя оба они несут добро. А потому стремитесь к тому, что идет вам на пользу и крепит ваши силы, не будьте небрежны и не проявляйте апатии в борьбе». // хадис от Абу Хурейры // Муслим

«Что бы узнать, что такое праведность, обратитесь к своему сердцу. Праведность – это то, что не беспокоит душу и сердце, а прегрешение – это то, что недобро шевелится в душе и тяжело мечется в груди». // хадис от Вабиса ибн Мабада

«Когда Всевышний Аллах возлюбит кого-нибудь, Он подвергает его испытаниям. Тот, кто принимает их и с честью выдерживает, получает довольствие Аллаха». // хадис от Анаса бин Малика // Ат-Тирмизи

О Коране

«... Превосходство слова Аллаха над всеми другими словами, как превосходство самого Аллаха над всеми Его творениями». // хадис от Абу Саида

«Тот, кто не знает наизусть даже части Корана, подобен опустошенному дому». // хадис от Ибн Аббаса

«Сердца ржавеют, как железо в воде. Чтение Корана может отчистить ваше сердце». // хадис от Абдуллах ибн Умара

«Зависть запрещена, кроме как к тому, кому Аллах дал знание Корана ...» // хадис от Ибни Умара

«Тот кто слушает один аят Корана, тому двойная награда, а тот, кто читает Коран, тому в День Суда будет дарован свет». // хадис от Абу Хурейры

«Кто читает Коран и учит его наизусть, и отличает добро от зла, тот будет впущен в Рай Аллахом, который примет от него заступничество за 10 человек из его семьи, которые обречены на Ад». // хадис от Али

«В суре Фатиха есть исцеление от всех болезней». // хадис от Абдуль Малика ибн Умайра

Запретное

«Всемогущий Аллах установил для нас религиозные обязанности – не пренебрегайте ими; Он установил пределы дозволенного – не преступайте их; Он наложил запрет на некоторые вещи – не прикасайтесь к ним». // хадис от Абу Талаба аль-Хушбани // Ад-Даракутни

«К грехам первого порядка относится: почитание с Аллахом наравне другого божества; неуважение к родителям и лишение человека жизни ...» // хадис от Абдуллы ибн аль-Аас // Бухари

«Смертные грехи – это многобожие, непочтительность к родителям, самоубийство и ложная клятва». // хадис от Абдаллаха бин Амр // Сахих аль-Бухари

«Старайтесь преодолеть чувство зависти, ибо зависть пожирает добрые дела столь же быстро, как огонь пожирает древесину». // хадис от Абу Хурейра // Абу Дауд

«Не желайте встречи с недругом, но, если все же встретите его, наберитесь терпения». // хадис от Абу Хурейра // Сахих аль-Бухари

«Если мусульманин говорит дурно о мусульманине, это – грех. Если мусульманин сражается против мусульманина, это свидетельство неверия обоих». // хадис от Абдуллы бин Масуда // Сахих аль-Бухари

«Худшим в глазах Аллаха в Судный День будут двуликие люди, которые одним являют одно лицо, другим же другое». // хадис от Абу Хурейра // Сахих аль-Бухари

«Не злословьте о мертвых, ведь они уже получили то, что заработали». // хадис от Айиши // Сахих аль-Бухари

«Не занимайтесь тем, что вызывает у вас чувство сомнения. Следуйте тому, в чем у вас нет ни малейшего сомнения ...» // хадис от аль-Хассана бин Али // Ат-Тирмизи

«Если два мусульманина скрестят мечи, то и убивший и убитый попадут в Ад, потому что у них обоих было одно и то же намерение – убить своего недруга». // хадис от Абу Бакра // Сахих аль-Бухари

«Из всего разрешенного в Исламе, самым ненавистным для Аллаха является развод». // хадис от Ибн Умара // Абу Дауд

МОЛИТВЫ

«Для того, кто совершает молитву неуклонно, она станет светом, доказательством и спасением в День воскресения, а для того, кто ее не совершает, не будет ни света, ни доказательства, ни спасения, и в день воскресения он окажется в худшем положении». // Ахмад

«Первым их деяний, за которое слуга Аллаха будет держать ответ в День Воскресения, – его отношение к молитвам. Если они творились в указанном порядке, то он преуспеет и получит прибыль; если же они были неполноценны, то он потерпит провал и понесет убыток».

«Пророк обычно взывал к Богу с молитвой: О Аллах, прости мне мои грехи и незнание, мои излишества в личной жизни. О Аллах, прости мне то недоброе, что я совершил, мои проступки и все, что исходит от меня в неуютном для Тебя виде». // хадис от Абу Муса аль-Ашари // Бухари

«Повелевайте своим детям совершать молитву, когда им исполнится семь лет, и наказывайте их заслушивание в этом, когда им исполнится десять лет». // хадис от Амра ибн Шу'айба // Абу Дауд

«Пророк обычно взывал к Богу с молитвой: О, Аллах! Я ищу Твоей защиты от чувства тревоги и печали; от проявлений слабости и лени; от трусости и малодушия; от скупости и бремени долгов; а также от притеснения со стороны окружающих». // хадис от Анаса бин Малика // Бухари и Муслим

«Лучшим поминанием Аллаха является произнесение: нет иного божества, кроме Бога Единого». // хадис от Джабра // Ат-Тирмизи

МИЛОСТЫНЯ

«Каждая частичка человеческого существа должна творить милостыню, каждый день с восхода солнца; справедливо рассудить двух людей – это милостыня; доброе слово – это милостыня; каждый шаг по направлению к мечети – это тоже милостыня». // хадис от Абу Хурейра // Бухари и Муслим

«Милостыня нуждающемуся – это милостыня с одной стороны, а (милостыня) родственнику – (это милостыня) с двух сторон: милостыня (как таковая) и поддержание родственных уз». // хадис от Сальмана ибн 'Амира // Тирмизи

«Совершение каждого одобряемого дела – милостыня (благое)». // хадис от Джабира // Бухари и Муслим

«Слуга Аллаха предстанет в Судный День перед своим Господом и стоя будет отвечать на вопросы о жизни проведенной на земле: как он распорядился ею; каким знанием овладел и каким образом использовал это знание; каким богатством владел, и каким образом обрел его, и на какие нужды расходовал; в каком здравии хранил свое тело и как использовал его;» // хадис от Абу Бурза // Ат-Тирмизи

«Милостыня должна стать неотъемлемой частью каждого мусльманина. Если же у человека ничего нет, он должен зарабатывать себе на жизнь своими собственными руками и отдать часть заработанного на благотворительность. Если же физическое состояние не позволяет ему работать, то он должен просто помочь бедным и тем, кто в нужде. Если же он не может сделать даже этого, пусть побуждает других делать добро ...» // хадис от Абу Мусы аль-Ашари // Бухари и Муслим

Семья

«Поистине, среди верующих самая совершенная вера у того, кто самый благонравный и самый добрый к своей семье». // хадис от Аиши // Тирмизи

«Тот, кто желает, чтобы срок его жизни был продлен, пусть поддерживает связи с родственниками». // хадис от Анас бин Малика // Сахих аль-Бухари

«Милостыня нуждающемуся – это милостыня с одной стороны, а (милостыня) родственнику – (это милостыня) с двух сторон: милостыня (как таковая) и поддержание родственных уз». // хадис от Сальмана ибн 'Амира // Тирмизи

«Аллах запретил вам непослушание, непочтение и черствость по отношению к вашим матерям». // хадис от Аль Мугиры // Сахих аль-Бухари и Муслим

«Наиболее тяжкими грехами являются многобожие и непочтительность по отношению к родителям». // хадис от Абу Бакра // Сахих аль-Бухари

«Один человек спросил Пророка, кто из его ближайших родственников имеет самые большие права на него. Пророк ответил:

твоя мама. Человек спросил: а кто еще? Пророк ответил: твоя мама. И вновь человек спросил: а кто потом? И вновь Пророк ответил: твоя мама. Но кто все-таки потом, спросил человек. И лишь на четвертый раз, Пророк ответил: а вот теперь, твой отец». // хадис от Абу Хурейра // Бухари и Муслим

«Позор тому, кто оставит родителей в старости. Он не войдет в рай». // хадис от Абу Хурейра // Сахих аль-Бухари

«Тот, кто наносит своим родственникам всего лишь визиты вежливости – не выполняет до конца своих обязательств относительно соблюдения незыблемости родственных связей. А тот, кто сможет проигнорировать прегрешения своих родственников, простить им и посещать их ради укрепления родственных уз, выполнит свои родственные обязательства в полной мере». // хадис от Ибн Умара // Бухари

«Лучший среди вас – тот, кто лучший (по отношению) к своей семье». // хадис от Аиши // Тирмизи

«Тот, кто повинен в разрыве кровных уз родства, не войдет в Рай». // хадис от Жубайр бин Мутим

Хишам ибн аль-Калби Книга об идолах

«Книга об идолах» Хишама ибн аль-Калби (VIII – нач. IX в.) – одно из древнейших дошедших до нас мусульманских произведений, в котором излагается содержание доисламских языческих культов и обрядов на Аравийском полуострове и история борьбы пророка Мухаммеда с язычеством и уничтожения идолов в результате победы ислама.

[...]

5. Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!

Сообщил нам шейх Абу-л-Хусайн ал-Мабарак ибн 'Абд ал-Джаббар ибн Ахмад ас-Сайрафи, – [эту книгу] читали с ним, а я слушал: сообщил нам Абу Джафар Мухаммад ибн Имран ибн Маслима в 463 году: сообщил нам Абу Убайдаллах Мухаммад ибн 'Имран ибн Муса ал-Марзубани способом иджаза: рассказал мне Абу Бакр Ахмад ибн Мухаммад ибн 'Абдаллах ал-Джаухари: рассказал нам Абу 'Али ал-Хасан 'Али ибн ас-Саббах ибн ал-Фурат, се-

кретарь: я читал [эту книгу] с Хишамом ибн Мухаммадом ал-Калби в 201 году, и он сказал:

6. Рассказал мне мой отец и другие, – а я проверил все их рассказы, – что, когда Исмаил, сын Ибрахима, – да будет благословение Аллаха над ними! – поселился в Мекке и родилось у него там многочисленное потомство, так что заполнили они Мекку и изгнали амаликитов, что жили там, стала Мекка тесной для них, и начались между ними столкновения и вражда, и одни их них изгнали других. И те разошлись по стране в поисках пропитания. К поклонению истуканам и камням их привело то, что никто не покидал Мекки, не взяв с собой камня из Святылища из-за почтения к этому Святылищу и привязанности к Мекке. И где бы они не селились, они ставили этот камень и обходили вокруг него, как обходили Каабы, желая снискать этим его милость и из-за привязанности и любви к Святылищу. А еще они почитали Каабу и Исмаила, да будет мир над ними! Потом это привело их к тому, что они стали поклоняться тому, что полюбили, и забыли то, чего придерживались, и переменили веру Ибрахима и Исмаила на другую. Они начали поклоняться истуканам и обратились к тому, чему следовали народы до них. Они вернули себе тех идолов, которым поклонялся народ Нуха, да будет мир над ним, следуя воспоминаниям, сохранившимся среди них. Но у них все же осталась память о заветах Ибрахима и Исмаила, которые они исполняли: почитание Дома, обход вокруг него, хаджж и умра, стояние на горе Арафа и в Муздалифе, принесение в жертву верблюдиц и громкие обращения [к богу] во время хаджжа и умры, – хотя они и внесли в это то, чего в нем не было [раньше].

7. Низариты говорили всякий раз, когда взывали к богу: «Вот мы перед тобой, о боже! Вот мы перед тобой! Вот мы перед тобой! Нет тебе сотоварища! Кроме со-товарища, который у тебя! Ты владеешь и им, и тем, чем владеет он!»

Этим обращением они признают его единственным [богом] и ставят рядом с ним свои божества, отдавая власть над ними в его руки. Аллах, велик он и славен, говорил своему пророку, да благословит его Аллах и да приветствует: «не верует большая часть из них в Аллаха без того, чтобы не присоединить к Нему сотоварищей», то есть не считают они меня единственным, зная истину обо мне, но ставят рядом со мной сотоварища из созданных мною.

А обращением аккитов было таким: когда они отправлялись в паломничество, то ставили впереди себя двух своих черных рабов, и те шли перед их шествием и говорили: «Мы – вороны аккитов!» А аккиты говорили вслед за ними:

«Аккиты покорные идут к тебе! Рабы твои йеменские! Чтобы совершить паломничество еще раз».

А рабииты, когда совершали паломничество, исполняли обряды и останавливались в [определенных] местах, уходили в первый день нафра и не оставались до конца ташрика.

8. Первым, кто переменял веру Исмаила, да будет над ним мир, установил истуканов, освободил саибу от работы, ввел обычай с василой, резал ухо бахире и объявлял верблюдиц заповедными, был 'Амр ибн 'Амир ал-Азди, а он – прародитель племени хуза'а. Матерью 'Амра ибн Лухайя была Фухайра бинт 'Амр ибн ал-Харис, а говорят – Кам'а бинт Мудад ал-Джурхуми. Этот ал-Харис ведал всем, что связано с Каабой. Когда 'Амр ибн Духайй возмужал, он стал оспаривать у [ал-Хариса] попечение над ней и сразился с джурхумитами с помощью потомков Исмаила. И он одолел их, удалил от Каабы, изгнал их из мекканских земель и стал хранителем Дома после них.

Потом он тяжело заболел, и ему сказали: «В ал-Балка', в Сирии, есть горячий источник; если ты отправишься туда – исцелишься». И он пришел туда, искупался в [источнике] и выздоровел. Он увидел, что жители этого места поклоняются идолам и спросил: «Что это?» Они ответили: «Мы испрашиваем через них дождя и помощи против врага». Тогда он попросил их, чтобы они дали ему каких-нибудь из них, и они дали. Он привез их в Мекку и поставил вокруг Каабы. [...]

[Из арабской поэзии VIII–XII вв.] Абу аль-Атахия

Абу аль-Атахия (748–825 г.) считается первым арабским мыслителем-поэтом. Произведения Абу аль-Атахии по своему содержанию представляют популяризованные поучения в стихотворной форме на темы о преходящем значении всего земного и необходимости духовно-возвышенной жизни.

Прожита жизнь. Я не видел счастливого дня.
Нет ничего, кроме бед, у тебя, у меня.
Что будет завтра, не знаю. Сегодняшний день
Празднуй, довольствуясь малым, смиренье храня.
Смерть приготовила стрелы в колчане своем,
Цели для них выбирает в молчанье глухом.
Мы – обреченные. Нет избавленья от стрел.
Зря суетимся, напрасно по свету снуем.
Завтра, быть может, в ничто откочую, мой друг,
Так для чего ж на верблюда наваливать вьюк?
Стоит ли деньги копить, выбиваясь из сил,
Стоит ли гнуться под грузом позора и мук?
Те, для кого надрывался без устали я,
Кто они? Дети и внуки, родные, семья.
В землю отца положили – и дело с концом.
Что им, беспечным, печаль и забота моя?
Все, что для них накопил ты за множество лет,
То ли на пользу пойдет, то ли будет во вред –
Ты не узнаешь. Так празднуй сегодняшний день.
Время уйдет, и назад не вернешь его, нет.
Правит всевышний мирами по воле своей,
Смертный, смирайся. Избегнешь ли доли своей?
Бог наделяет удачей одних дураков,
А мудрецы изнывают в юдоли скорбей.

Аль-Мутанабби

Абу-т-Тайиб Ахмад ибн аль-Хусейн аль-Мутанабби (915–965 г.) – известный арабский поэт X века. Стихам аль-Мутанабби присущ возвышенный стиль, они отличаются музыкальностью, лиричностью и насыщены философскими изречениями.

Постойте, увидите ливень мой – тучи уже собрались,
И не сомневайтесь: тому не бывать, чтоб эти слова не сбылись.
Ничтожества камни швыряют в меня – их камни, как вата,
легки,
И, метясь в меня, лишь себя поразят лжецы и клеветники.
Не зная меня, не знают они, что суть им моя не видна,

Неведомо им, что ведома мне незнания их глубина,
Что я, даже всею землей овладев, сочту себя бедняком,
И, даже созвездия оседлав, сочту, что бреду пешком.
Для мыслей моих ничтожно легка любая высокая цель,
Для взоров моих ясна и близка любая из дальних земель.
Я был величавой, крепкой горой, но, видя повсюду гнет,
Почувствовал я, как в моей душе землетрясенье растет.
Тогда от гнева я задрожал, грозною думой объят,
Подобно верблюдцам, чьи бока при каждом звуке дрожат.
Но только опустится мрак ночной, искры от их копыт
Так ярко дорогу нам озарят, как факел не озарит.
На быстроногой верблюдице я – словно на гребне валов,
Меня устремляющих по морям, которым нет берегов.
Проносится весть обо мне быстрее, чем среди сплетниц –
слух,
И, в тысячи жадных ушей превратясь, страна затаила дух.
Кто ищет величья и славы такой, какую хочу обрести,
Уже не заботится, жизнь или смерть его ожидают в пути.
О нет, кроме гибели ваших душ, не знаем мы цели иной,
А средство, чтоб цели этой достичь, – только клинок
стальной.
Приходит меч, – и время в душе расстаться с жильем земным
Уходит меч, – и даже скупой не будет больше скупым.
Скудна будет жизнь, если гордость свою не утолю сполна,
Но скудной не станет она оттого, что пища моя скудна.

Непрошеным гостем пришла седина, окрасила кудри до плеч,
Уж лучше бы сразу в багряный цвет их перекрасил меч.
Исчезни, сокройся, сгинь, белизна, белее которой нет, –
Безрадостней ночи для глаз моих этот печальный цвет.
Разлука с любимой – вот пища моя, тоскою мой дух томим,
Ребенком я был, когда полюбил, а к зрелости стал седым.
Увижу чужого становья след – о ней расспросить хочу,
Увижу чужих, незнакомых дев – и сердцем кровоточу.
В тот день, навсегда расставаясь со мной, горько вздохнула
она
О том, что душа нерушимо верна, а встреча – несуждена.

Слились наши губы, – и слезы мои стремились к ее слезам,
И, страх поборов, устами она припала к моим устам.
Сок жизни вкусил я из уст ее, – в нем столько живящих сил,
Что, если б на землю пролился он, мертвых бы воскресил!
Глазами газели глядела она, а пальцы, как стебельки,
Стирали струистой росы ручейки с ее побледневшей щеки.
Но мне приговор выносить не спеши, – любимая, ты не права,
Дороже мне твой приговор, поверь, чем вся людская молва.
Ты страхом охвачена, – этот страх не в силах и я подавить:
Но боль я скрываю в своей душе, а ты не умеешь скрыть.
А если бы скрыла, – сгорела бы вмиг одежда твоей красоты,
В одежду отчаянья так же, как я, тотчас облеклась бы ты.
Пустыми надеждами тешить себя не стану я все равно, –
Уменье довольствоваться нуждой душе моей не дано.
Не жду, что страдания и беды решат меня стороной обойти.
Пока я твердостью дум своих не прегражу им пути.
Жестокие ночи кляни, – в нищету меня повергли они,
Прости же оставшегося ни с чем, безвинного не кляни.
Достойных искал я среди людей, а только овец нашел.
О щедрости слышал много речей, но только слова обрел.
Таких я увидел, что честью бедны, зато богатством горды, –
Не нажили столько чести они, сколько я нажил нужды.
Я дольше любого терпенья терпел, теперь устремляюсь в бой.
И знайте: сравниться с боем моим не сможет бой никакой.
Когда над равнинами в полный рост выпрямится война,
Коней заставлю я побледнеть – так будет она страшна.
Удары посыплются скоро на них, – и, криками оглушены,
Как в буйном безумии, задрожат и захрапят скакуны.
Жестоко изранены будут они, их участь невесела –
Как будто стебли горькой травы опутают их удила.
Сегодня любой обнаженный меч ждет, что ему передам
Державу, отданную во власть наемникам и рабам.
Считает излишними старец-меч пять ежедневных молитв:
Готов даже в храме он кровь пролить, жаждет великих битв.
В разгаре сраженья этим мечом вражеских львов бодни,
Не меч отпрянет от их брони – сами отпрянут они.
О молниях в небе заставит забыть молния в длани моей,
И долго пропитанной кровью земле не нужно будет дождей.

Черпни из источников смерти, душа, к цели себя направь:
А овцам и страусам – жалким сердцам – источники страха
оставь.

И если в сражение тебя не пуцу, с копьём, на лихом коне,
Отваги и славы братом родным больше не зваться мне!
В дни, когда голодно воронье и яростна жажда клинка,
Тому ли царить, кто лишь мяса кусок что ждет мясника?
Такой, и во сне меня увидав, от страха уже не уснет,
А если за воду примет меня, охотней от жажды умрет.
Назавтра встретиться предстоит отточенному мечу
С владыками теми, чью ложь и спесь давно усмирить хочу.
Смирятся они, – тогда ни к чему карающий блеск мечей,
А не смирятся, –
так мало мечей для этих упрямых шей!

ПРИЛОЖЕНИЕ

Федеральный Закон Российской Федерации ФЗ РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях»

(с изменениями на 6 июля 2016 года)

Принят Государственной Думой 19 сентября 1997 года

Одобен Советом Федерации 24 сентября 1997 года

Федеральное Собрание Российской Федерации, подтверждая право каждого на свободу совести и свободу вероисповедания, а также на равенство перед законом независимо от отношения к религии и убеждений, основываясь на том, что Российская Федерация является светским государством, признавая особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры, уважая христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России, считая важным содействовать достижению взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания, принимает настоящий Федеральный закон.

Глава I. Общие положения (статьи 1–5)

Статья 1. Предмет регулирования настоящего Федерального закона.

Настоящий Федеральный закон регулирует правоотношения в области прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания, а также правовое положение религиозных объединений, в том числе особенности их гражданско-правового положения. (Статья в редакции, введенной в действие с 7 апреля 2015 года Федеральным законом от 6 апреля 2015 года № 80-ФЗ)

Статья 2. Законодательство о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях.

1. Законодательство о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях состоит из соответствующих норм Конституции Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации, из настоящего Федерального закона,

принимаемых в соответствии с ними иных нормативных правовых актов Российской Федерации, а также нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации.

2. Права человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания регулируются федеральным законом. Законы и иные нормативные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации и затрагивающие реализацию права на свободу совести и свободу вероисповедания, а также деятельность религиозных объединений, должны соответствовать настоящему Федеральному закону. В случае противоречия настоящему Федеральному закону нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации по вопросам защиты права на свободу совести и свободу вероисповедания и по вопросам деятельности религиозных объединений действует настоящий Федеральный закон.

3. Ничто в законодательстве о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях не должно истолковываться в смысле умаления или ущемления прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания, гарантированных Конституцией Российской Федерации или вытекающих из международных договоров Российской Федерации.

Статья 3. Право на свободу совести и свободу вероисповедания.

1. В Российской Федерации гарантируются свобода совести и свобода вероисповедания, в том числе право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, совершать богослужения, другие религиозные обряды и церемонии, осуществлять обучение религии и религиозное воспитание, свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними, в том числе создавая религиозные объединения. (Абзац в редакции, введенной в действие с 24 июля 2015 года Федеральным законом от 13 июля 2015 года № 261-ФЗ).

Иностранные граждане и лица без гражданства, законно находящиеся на территории Российской Федерации, пользуются правом на свободу совести и свободу вероисповедания наравне с гражданами Российской Федерации и несут установленную федеральными законами ответственность за нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях.

2. Право человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания может быть ограничено федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов человека и гражданина, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

3. Установление преимуществ, ограничений или иных форм дискриминации в зависимости от отношения к религии не допускается.

4. Граждане Российской Федерации равны перед законом во всех областях гражданской, политической, экономической, социальной и культурной жизни независимо от их отношения к религии и религиозной принадлежности. Гражданин Российской Федерации в случае, если его убеждениям или вероисповеданию противоречит несение военной службы, имеет право на замену ее альтернативной гражданской службой. (Пункт в редакции, введенной в действие с 1 июля 2006 года Федеральным законом от 6 июля 2006 года № 104-ФЗ).

5. Никто не обязан сообщать о своем отношении к религии и не может подвергаться принуждению при определении своего отношения к религии, к исповеданию или отказу от исповедания религии, к участию или неучастию в богослужениях, других религиозных обрядах и церемониях, в деятельности религиозных объединений, в обучении религии. Запрещается вовлечение малолетних в религиозные объединения, а также обучение малолетних религии вопреки их воле и без согласия их родителей или лиц, их заменяющих.

6. Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и свободу вероисповедания, в том числе сопряженное с насилием над личностью, с умышленным оскорблением чувств граждан в связи с их отношением к религии, с пропагандой религиозного превосходства, с уничтожением или с повреждением имущества либо с угрозой совершения таких действий, запрещается и преследуется в соответствии с федеральным законом. Проведение публичных мероприятий, размещение текстов и изображений, оскорбляющих религиозные чувства граждан, вблизи объектов религиозного почитания запрещаются.

7. Тайна исповеди охраняется законом. Священнослужитель не может быть привлечен к ответственности за отказ от дачи по-

казаний по обстоятельствам, которые стали известны ему из исповеди.

Статья 4. Государство и религиозные объединения.

1. Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом.

2. В соответствии с конституционным принципом отделения религиозных объединений от государства государство: не вмешивается в определение гражданином своего отношения к религии и религиозной принадлежности, в воспитание детей родителями или лицами, их заменяющими, в соответствии со своими убеждениями и с учетом права ребенка на свободу совести и свободу вероисповедания; не возлагает на религиозные объединения выполнение функций органов государственной власти, других государственных органов, государственных учреждений и органов местного самоуправления; не вмешивается в деятельность религиозных объединений, если она не противоречит настоящему Федеральному закону; обеспечивает светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях.

3. Государство регулирует предоставление религиозным организациям налоговых и иных льгот, оказывает финансовую, материальную и иную помощь религиозным организациям в реставрации, содержании и охране зданий и объектов, являющихся памятниками истории и культуры, а также в обеспечении преподавания общеобразовательных дисциплин в образовательных организациях, созданных религиозными организациями в соответствии с законодательством Российской Федерации об образовании. (Пункт в редакции, введенной в действие с 1 сентября 2013 года Федеральным законом от 2 июля 2013 года № 185-ФЗ).

4. Деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления не сопровождается публичными религиозными обрядами и церемониями. Должностные лица органов государственной власти, других государственных органов и органов местного самоуправления, а также военнослужащие не вправе использовать свое служебное положение для формирования того или иного отношения к религии.

5. В соответствии с конституционным принципом отделения религиозных объединений от государства религиозное объедине-

ние: создается и осуществляет свою деятельность в соответствии со своей собственной иерархической и институциональной структурой, выбирает, назначает и заменяет свой персонал согласно соответствующим условиям и требованиям и в порядке, предусмотряемом своими внутренними установлениями; (Абзац в редакции, введенной в действие с 18 июня 2013 года Федеральным законом от 7 июня 2013 года № 119-ФЗ) не выполняет функций органов государственной власти, других государственных органов, государственных учреждений и органов местного самоуправления; не участвует в выборах в органы государственной власти и в органы местного самоуправления; не участвует в деятельности политических партий и политических движений, не оказывает им материальную и иную помощь.

6. Отделение религиозных объединений от государства не влечет за собой ограничений прав членов указанных объединений участвовать наравне с другими гражданами в управлении делами государства, выборах в органы государственной власти и в органы местного самоуправления, деятельности политических партий, политических движений и других общественных объединений.

7. По просьбам религиозных организаций соответствующие органы государственной власти в Российской Федерации вправе объявлять религиозные праздники нерабочими (праздничными) днями на соответствующих территориях.

Статья 5. Религиозное образование.

1. Каждый имеет право на получение религиозного образования по своему выбору индивидуально или совместно с другими.

2. Воспитание и образование детей осуществляются родителями или лицами, их заменяющими, с учетом права ребенка на свободу совести и свободу вероисповедания.

3. Религиозные организации вправе в соответствии со своими уставами и с законодательством Российской Федерации создавать образовательные организации. (Пункт в редакции, введенной в действие с 1 сентября 2013 года Федеральным законом от 2 июля 2013 года № 185-ФЗ).

4. По письменной просьбе родителей или лиц, их заменяющих, и с согласия детей, обучающихся в государственных или муниципальных образовательных организациях, указанные образовательные организации на основании решения коллегиального органа управления образовательной организации по согласованию

с учредителями могут предоставлять религиозной организации возможность обучать детей религии вне рамок образовательной программы. (Пункт в редакции, введенной в действие с 1 сентября 2013 года Федеральным законом от 2 июля 2013 года № 185-ФЗ).

5. Религиозные объединения вправе осуществлять обучение религии и религиозное воспитание своих последователей в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, в формах, определяемых внутренними установлениями религиозных объединений. Обучение религии и религиозное воспитание не являются образовательной деятельностью. (Пункт дополнительно включен с 24 июля 2015 года Федеральным законом от 13 июля 2015 года № 261-ФЗ).

Глава II. Религиозные объединения (статьи 6–14)

Статья 6. Религиозные объединения.

1. Религиозным объединением в Российской Федерации признается добровольное объединение граждан Российской Федерации, иных лиц, постоянно и на законных основаниях проживающих на территории Российской Федерации, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры и обладающее соответствующими этой цели признаками: вероисповедание; совершение богослужений, других религиозных обрядов и церемоний; обучение религии и религиозное воспитание своих последователей.

2. Религиозные объединения могут создаваться в форме религиозных групп и религиозных организаций.

3. Создание религиозных объединений в органах государственной власти, других государственных органах, государственных учреждениях и органах местного самоуправления, воинских частях, государственных и муниципальных организациях запрещается.

4. Запрещаются создание и деятельность религиозных объединений, цели и действия которых противоречат закону.

Статья 7. Религиозная группа.

1. Религиозной группой в настоящем Федеральном законе признается добровольное объединение граждан, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры, осуществляющее деятельность без государственной регистрации и приобретения правоспособности юридического лица. В религи-

озную группу входят граждане Российской Федерации, а также могут входить иные лица, постоянно и на законных основаниях проживающие на территории Российской Федерации. Помещения и необходимое для деятельности религиозной группы имущество предоставляются в пользование группы ее участниками. (Пункт в редакции, введенной в действие с 24 июля 2015 года Федеральным законом от 13 июля 2015 года № 261-ФЗ).

2. Руководитель (представитель) религиозной группы или руководящий орган (центр) централизованной религиозной организации в случае, если религиозная группа входит в ее структуру, в письменной форме уведомляет о начале деятельности религиозной группы орган, уполномоченный принимать решение о государственной регистрации религиозной организации, по месту осуществления деятельности религиозной группы. В уведомлении о начале деятельности религиозной группы указываются сведения об основах вероисповедания, о местах совершения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний, руководителе (представителе), гражданах, входящих в религиозную группу, с указанием их фамилий, имен, отчеств, адресов места жительства. Уведомление о начале деятельности религиозной группы составляется по форме, утвержденной органом, уполномоченным принимать решение о государственной регистрации религиозной организации.

Религиозная группа представляет уведомление о продолжении своей деятельности не реже одного раза в три года со дня последнего уведомления органа, уполномоченного принимать решение о государственной регистрации религиозной организации. (Пункт в редакции, введенной в действие с 24 июля 2015 года Федеральным законом от 13 июля 2015 года № 261-ФЗ).

3. Религиозные группы имеют право совершать богослужения, другие религиозные обряды и церемонии, а также осуществлять обучение религии и религиозное воспитание своих последователей.

Статья 8. Религиозная организация.

1. Религиозной организацией признается добровольное объединение граждан Российской Федерации, иных лиц, постоянно и на законных основаниях проживающих на территории Российской Федерации, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры и в установленном законом порядке зарегистрированное в качестве юридического лица. Вопросы участия

учредителей и иных юридических или физических лиц в деятельности религиозных организаций определяются уставом и (или) внутренними установлениями религиозных организаций. Учредитель (учредители) религиозной организации может выполнять функции органа религиозной организации или членов коллегиального органа религиозной организации в порядке, установленном уставом и внутренними установлениями религиозной организации. (Пункт в редакции, введенной в действие с 7 апреля 2015 года Федеральным законом от 6 апреля 2015 года № 80-ФЗ).

2. Религиозные организации в зависимости от территориальной сферы своей деятельности подразделяются на местные и централизованные.

3. Местной религиозной организацией признается религиозная организация, состоящая не менее чем из десяти участников, достигших возраста восемнадцати лет и постоянно проживающих в одной местности либо в одном городском или сельском поселении.

4. Централизованной религиозной организацией признается религиозная организация, состоящая в соответствии со своим уставом не менее чем из трех местных религиозных организаций.

5. Централизованная религиозная организация, структуры которой действовали на территории Российской Федерации на законных основаниях на протяжении не менее пятидесяти лет на момент обращения указанной религиозной организации с заявлением о государственной регистрации, вправе использовать в своих наименованиях слова «Россия», «российский» и производные от них. (Пункт в редакции, введенной в действие с 1 июля 2002 года Федеральным законом от 21 марта 2002 года № 31-ФЗ).

6. Религиозной организацией признается также учреждение или организация, созданные централизованной религиозной организацией в соответствии со своим уставом, имеющие цель и признаки, которые предусмотрены пунктом 1 статьи 6 настоящего Федерального закона, в том числе руководящий либо координирующий орган или учреждение, а также духовная образовательная организация. (Пункт в редакции, введенной в действие с 1 сентября 2013 года Федеральным законом от 2 июля 2013 года № 185-ФЗ)

7. Органы государственной власти при рассмотрении вопросов, затрагивающих деятельность религиозных организаций в обществе, учитывают территориальную сферу деятельности религиозной организации и предоставляют соответствующим ре-

лигиозным организациям возможность участия в рассмотрении указанных вопросов.

8. Наименование религиозной организации должно содержать сведения о ее вероисповедании. Религиозная организация обязана указывать свое полное наименование при осуществлении деятельности.

8.1. Порядок образования органов религиозной организации и их компетенция, порядок принятия решений этими органами, а также отношения между религиозной организацией и лицами, входящими в состав ее органов, определяются уставом и внутренними установлениями религиозной организации. (Пункт дополнительно включен с 7 апреля 2015 года Федеральным законом от 6 апреля 2015 года № 80-ФЗ).

9. Религиозная организация обязана информировать орган, уполномоченный принимать решение о государственной регистрации религиозной организации, об изменении сведений, указанных в пункте 1 статьи 5 Федерального закона от 8 августа 2001 года № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее – Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»), за исключением сведений о полученных лицензиях, в течение трех дней с момента таких изменений. Решение о направлении соответствующих документов в уполномоченный в соответствии со статьей 2 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» федеральный орган исполнительной власти (далее – уполномоченный регистрирующий орган) принимается в том же порядке и в те же сроки, что и решение о государственной регистрации религиозной организации. (Абзац в редакции, введенной в действие с 1 января 2004 года Федеральным законом от 8 декабря 2003 года № 169-ФЗ; в редакции, введенной в действие с 24 июля 2015 года Федеральным законом от 13 июля 2015 года № 261-ФЗ) Неоднократное непредставление религиозной организацией в установленный срок обновленных сведений, необходимых для внесения изменений в единый государственный реестр юридических лиц, является основанием для обращения органа, уполномоченного принимать решение о государственной регистрации религиозной организации, в суд с требованием о признании данной организации прекратившей свою деятельность в качестве юриди-

ческого лица и об исключении ее из единого государственного реестра юридических лиц. (Абзац в редакции, введенной в действие с 24 июля 2015 года Федеральным законом от 13 июля 2015 года № 261-ФЗ) (Абзац утратил силу с 24 июля 2015 года – Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 261-ФЗ).

Сведения о местных религиозных организациях могут представляться в порядке, установленном настоящим пунктом, соответствующей централизованной религиозной организацией. (Пункт в редакции, введенной в действие с 1 июля 2002 года Федеральным законом от 21 марта 2002 года № 31-ФЗ).

10. В отношении религиозных организаций положения пункта 5 статьи 50 и статьи 53_1 Гражданского кодекса Российской Федерации не применяются. (Пункт дополнительно включен с 7 апреля 2015 года Федеральным законом от 6 апреля 2015 года № 80-ФЗ)

Статья 9. Создание религиозных организаций.

1. Учредителями местной религиозной организации могут быть не менее десяти граждан Российской Федерации, достигших возраста восемнадцати лет и постоянно проживающих в одной местности либо в одном городском или сельском поселении. (Пункт в редакции, введенной в действие с 24 июля 2015 года Федеральным законом от 13 июля 2015 года № 261-ФЗ).

2. Централизованные религиозные организации образуются при наличии не менее трех местных религиозных организаций одного вероисповедания в соответствии с собственными установлениями религиозных организаций, если такие установления не противоречат закону.

3. Не может быть учредителем (участником, членом) религиозной организации: иностранный гражданин или лицо без гражданства, в отношении которых в установленном законодательством Российской Федерации порядке принято решение о нежелательности их пребывания (проживания) в Российской Федерации; лицо, включенное в перечень в соответствии с пунктом 2 статьи 6 Федерального закона от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»; религиозная организация, деятельность которой приостановлена в соответствии со статьей 10 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности»); (Абзац

в редакции, введенной в действие с 24 июля 2015 года Федеральным законом от 13 июля 2015 года № 261-ФЗ) лицо, в отношении которого вступившим в законную силу решением суда установлено, что в его действиях содержатся признаки экстремистской деятельности. (Пункт дополнительно включен с 14 июля 2013 года Федеральным законом от 2 июля 2013 года № 180-ФЗ).

4. Лицо, которое ранее являлось руководителем или входило в состав руководящего органа общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» либо Федеральным законом от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности, не может создавать религиозную организацию в течение десяти лет со дня вступления в законную силу соответствующего решения суда. (Пункт дополнительно включен с 11 января 2015 года Федеральным законом от 31 декабря 2014 года № 505-ФЗ; в редакции, введенной в действие с 24 июля 2015 года Федеральным законом от 13 июля 2015 года № 261-ФЗ).

5. В решении об учреждении религиозной организации указываются сведения об учреждении религиозной организации, утверждении ее устава, избрании (назначении) органов религиозной организации. (Пункт дополнительно включен с 7 апреля 2015 года Федеральным законом от 6 апреля 2015 года № 80-ФЗ).

Статья 10. Устав религиозной организации.

1. Религиозная организация действует на основании устава, который утверждается ее учредителями или централизованной религиозной организацией и должен отвечать требованиям гражданского законодательства Российской Федерации.

2. В уставе религиозной организации указываются: наименование, место нахождения, вид религиозной организации, вероисповедание и в случае принадлежности к существующей централизованной религиозной организации ее наименование; цели, задачи и основные формы деятельности; порядок создания и прекращения деятельности; структура организации, ее органы управления, порядок их формирования и компетенция; источники образования денежных средств и иного имущества организации; порядок внесения изменений и дополнений в устав; порядок распоряжения имуществом в случае прекращения деятельности;

другие сведения, относящиеся к особенностям деятельности данной религиозной организации.

Статья 11. Государственная регистрация религиозных организаций.

1. Религиозные организации подлежат государственной регистрации в соответствии с Федеральным законом «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» с учетом установленного настоящим Федеральным законом специального порядка государственной регистрации религиозных организаций. (Абзац в редакции, введенной в действие с 1 января 2004 года Федеральным законом от 8 декабря 2003 года № 169-ФЗ).

Решение о государственной регистрации религиозной организации принимается федеральным органом государственной регистрации или его территориальным органом. Внесение в единый государственный реестр юридических лиц сведений о создании, реорганизации и ликвидации религиозных организаций, а также иных предусмотренных федеральными законами сведений осуществляется уполномоченным регистрирующим органом на основании принимаемого федеральным органом государственной регистрации или его территориальным органом решения о соответствующей государственной регистрации. При этом порядок взаимодействия федерального органа государственной регистрации и его территориальных органов с уполномоченным регистрирующим органом по вопросам государственной регистрации религиозных организаций определяется федеральным органом государственной регистрации по согласованию с уполномоченным регистрирующим органом. (Абзац в редакции, введенной в действие с 1 июля 2004 года Федеральным законом от 29 июня 2004 года № 58-ФЗ; в редакции, введенной в действие с 24 июля 2015 года Федеральным законом от 13 июля 2015 года № 261-ФЗ (Пункт в редакции, введенной в действие с 1 июля 2002 года Федеральным законом от 21 марта 2002 года № 31-ФЗ).

2. Решение о государственной регистрации местной религиозной организации, а также централизованной религиозной организации, имеющей местные религиозные организации на территории одного субъекта Российской Федерации, принимается территориальным органом федерального органа государственной регистрации в соответствующем субъекте Российской Федерации.

(Пункт в редакции, введенной в действие с 1 июля 2002 года Федеральным законом от 21 марта 2002 года № 31-ФЗ; в редакции, введенной в действие с 1 июля 2004 года Федеральным законом от 29 июня 2004 года № 58-ФЗ).

3. Федеральный орган государственной регистрации принимает решение о государственной регистрации централизованной религиозной организации, имеющей местные религиозные организации на территориях двух и более субъектов Российской Федерации. (Пункт в редакции, введенной в действие с 1 июля 2002 года Федеральным законом от 21 марта 2002 года № 31-ФЗ; в редакции, введенной в действие с 1 июля 2004 года Федеральным законом от 29 июня 2004 года № 58-ФЗ).

4. Решение о государственной регистрации религиозных организаций, образуемых централизованными религиозными организациями в соответствии с пунктом 6 статьи 8 настоящего Федерального закона, принимается органом, принявшим решение о государственной регистрации соответствующей религиозной организации. (Пункт в редакции, введенной в действие с 1 июля 2002 года Федеральным законом от 21 марта 2002 года № 31-ФЗ).

5. Для государственной регистрации местной религиозной организации учредители представляют в соответствующий территориальный орган федерального органа государственной регистрации: (Абзац в редакции, введенной в действие с 1 июля 2002 года Федеральным законом от 21 марта 2002 года № 31-ФЗ; в редакции, введенной в действие с 1 июля 2004 года Федеральным законом от 29 июня 2004 года № 58-ФЗ): заявление о регистрации; список лиц, создающих религиозную организацию, с указанием гражданства, места жительства, даты рождения; устав религиозной организации; протокол учредительного собрания; документ, подтверждающий вхождение местной религиозной организации в структуру централизованной религиозной организации того же вероисповедания, выданный руководящим органом (центром) централизованной религиозной организации, в случае, если местная религиозная организация входит в структуру централизованной религиозной организации; (Абзац в редакции, введенной в действие с 24 июля 2015 года Федеральным законом от 13 июля 2015 года № 261-ФЗ); сведения об основах вероучения и соответствующей ему практики, в том числе об истории возникновения религии и данного объединения, о формах и методах его

деятельности, об отношении к семье и браку, к образованию, особенностях отношения к здоровью последователей данной религии, ограничениях для членов и служителей организации в отношении их гражданских прав и обязанностей; сведения об адресе (месте нахождения) постоянно действующего руководящего органа создаваемой религиозной организации, по которому осуществляется связь с религиозной организацией; (Абзац в редакции, введенной в действие с 1 июля 2002 года Федеральным законом от 21 марта 2002 года № 31-ФЗ); документ об уплате государственной пошлины. (Абзац дополнительно включен с 1 июля 2002 года Федеральным законом от 21 марта 2002 года № 31-ФЗ) Абзац дополнительно включен Федеральным законом от 1 июля 2011 года № 169-ФЗ; утратил силу с 24 июля 2015 года – Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 261-ФЗ).

6. В случае, если вышестоящий руководящий орган (центр) образуемой религиозной организации находится за пределами Российской Федерации, дополнительно к документам, указанным в пункте 5 настоящей статьи, в установленном порядке представляется устав или иной основополагающий документ иностранной религиозной организации, который удостоверен государственным органом государства нахождения этой организации.

7. Основаниями для государственной регистрации централизованных религиозных организаций, а также религиозных организаций, образуемых централизованными религиозными организациями, являются: заявление о регистрации; список учредителей религиозной организации; устав создаваемой религиозной организации, утвержденный ее учредителем (учредителями); сведения об адресе (месте нахождения) постоянно действующего руководящего органа создаваемой религиозной организации, по которому осуществляется связь с религиозной организацией; (Абзац в редакции, введенной в действие с 1 июля 2002 года Федеральным законом от 21 марта 2002 года № 31-ФЗ); нотариально удостоверенные копии устава и документа о государственной регистрации учредителя (учредителей); (Абзац в редакции, введенной в действие с 1 июля 2002 года Федеральным законом от 21 марта 2002 года № 31-ФЗ); соответствующее решение правомочного органа учредителя (учредителей); (Абзац в редакции, введенной в действие с 1 июля 2002 года Федеральным законом от 21 марта 2002 года № 31-ФЗ); документ об уплате государственной пошлины. (Абзац до-

полнительно включен с 1 июля 2002 года Федеральным законом от 21 марта 2002 года № 31-ФЗ).

При создании централизованной религиозной организации учредитель (учредители) представляет также уставы не менее чем трех местных религиозных организаций, входящих в ее структуру, и сведения об иных входящих в указанную структуру религиозных организациях. В случае, если учредителем (учредителями) не представлен документ о государственной регистрации учредителя (учредителей), территориальный орган федерального органа государственной регистрации самостоятельно запрашивает указанные сведения в федеральном органе исполнительной власти, осуществляющем государственную регистрацию юридических лиц, физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств. (Абзац дополнительно включен Федеральным законом от 1 июля 2011 года № 169-ФЗ).

8. Заявление о государственной регистрации религиозной организации, создаваемой централизованной религиозной организацией или на основании подтверждения, выданного централизованной религиозной организацией, рассматривается в месячный срок со дня представления всех предусмотренных настоящей статьей документов. В иных случаях орган, принимающий решение о государственной регистрации религиозной организации, вправе продлить срок рассмотрения документов до шести месяцев для проведения государственной религиоведческой экспертизы. Порядок проведения государственной религиоведческой экспертизы устанавливается уполномоченным федеральным органом исполнительной власти. (Пункт в редакции, введенной в действие с 1 июля 2002 года Федеральным законом от 21 марта 2002 года № 31-ФЗ; в редакции, введенной в действие с 1 января 2009 года Федеральным законом от 23 июля 2008 года № 160-ФЗ).

9. В случае несоблюдения заявителем (заявителями) требований, предусмотренных пунктами 5–7 настоящей статьи, орган, принимающий решение о государственной регистрации религиозной организации, вправе оставить заявление без рассмотрения с уведомлением об этом заявителя (заявителей). (Пункт в редакции, введенной в действие с 1 июля 2002 года Федеральным законом от 21 марта 2002 года № 31-ФЗ).

10. Федеральный орган государственной регистрации или его территориальный орган после принятия решения о государственной

ной регистрации религиозной организации направляет в уполномоченный регистрирующий орган сведения и документы, необходимые для осуществления данным органом функций по ведению единого государственного реестра юридических лиц. (Абзац в редакции, введенной в действие с 1 июля 2004 года Федеральным законом от 29 июня 2004 года № 58-ФЗ).

На основании принятого федеральным органом государственной регистрации или его территориальным органом решения о государственной регистрации религиозной организации и представленных ими необходимых сведений и документов уполномоченный регистрирующий орган в срок не более чем пять рабочих дней со дня получения необходимых сведений и документов вносит в единый государственный реестр юридических лиц соответствующую запись и не позднее рабочего дня, следующего за днем внесения указанной записи, сообщает об этом в орган, принявший решение о государственной регистрации религиозной организации. (Абзац в редакции, введенной в действие с 1 июля 2004 года Федеральным законом от 29 июня 2004 года № 58-ФЗ).

Федеральный орган государственной регистрации или его территориальный орган не позднее трех рабочих дней со дня получения от уполномоченного регистрирующего органа информации о внесенной в единый государственный реестр юридических лиц записи о религиозной организации выдает заявителю документ, подтверждающий факт внесения записи о религиозной организации в единый государственный реестр юридических лиц. (Абзац в редакции, введенной в действие с 1 июля 2004 года Федеральным законом от 29 июня 2004 года № 58-ФЗ) (Пункт в редакции, введенной в действие с 1 июля 2002 года Федеральным законом от 21 марта 2002 года № 31-ФЗ).

11. Изменения и дополнения, внесенные в уставы религиозных организаций, подлежат государственной регистрации в порядке, предусмотренном для регистрации религиозных организаций, и вступают в силу для третьих лиц со дня государственной регистрации.

12. За государственную регистрацию религиозной организации, изменений, вносимых в ее устав, взимается государственная пошлина в порядке и в размерах, которые предусмотрены законодательством Российской Федерации. (Пункт в редакции, введен-

ной в действие с 1 июля 2002 года Федеральным законом от 21 марта 2002 года № 31-ФЗ).

Статья 12. Отказ в государственной регистрации религиозной организации.

1. Религиозной организации может быть отказано в государственной регистрации в случаях, если: цели и деятельность религиозной организации противоречат Конституции Российской Федерации и законодательству Российской Федерации – со ссылкой на конкретные статьи законов; создаваемая организация не признана в качестве религиозной; устав и другие представленные документы не соответствуют требованиям законодательства Российской Федерации или содержащиеся в них сведения не достоверны; в едином государственном реестре юридических лиц ранее зарегистрирована организация с тем же наименованием; учредитель (учредители) неправомочен.

2. В случае отказа в государственной регистрации религиозной организации о принятом решении в письменной форме сообщается заявителю (заявителям) с указанием оснований отказа. Отказ по мотивам нецелесообразности создания религиозной организации не допускается. Отказ в государственной регистрации религиозной организации, а также его уклонение от такой регистрации могут быть обжалованы в суд. (Пункт в редакции, введенной в действие с 1 июля 2002 года Федеральным законом от 21 марта 2002 года № 31-ФЗ).

Статья 13. Представительства иностранных религиозных организаций.

1. Иностранной религиозной организацией именуется организация, созданная за пределами Российской Федерации в соответствии с законодательством иностранного государства.

2. Иностранной религиозной организации может быть предоставлено право открытия своего представительства на территории Российской Федерации. Представительство иностранной религиозной организации не может заниматься культовой и иной религиозной деятельностью, от его имени не может осуществляться миссионерская деятельность и на него не распространяется статус религиозного объединения, установленный настоящим Федеральным законом. (Абзац в редакции, введенной в действие с 20 июля 2016 года Федеральным законом от 6 июля 2016 года № 374-ФЗ).

3. Порядок регистрации, открытия и закрытия представительства иностранной религиозной организации устанавливается уполномоченным федеральным органом исполнительной власти в соответствии с законодательством Российской Федерации. (Пункт в редакции, введенной в действие с 1 января 2009 года Федеральным законом от 23 июля 2008 года № 160-ФЗ).

4. В случае принятия решения о регистрации представителя иностранной религиозной организации ее представителю выдается свидетельство, образец которого устанавливается уполномоченным федеральным органом исполнительной власти. (Пункт в редакции, введенной в действие с 1 января 2009 года Федеральным законом от 23 июля 2008 года № 160-ФЗ).

5. Российская религиозная организация вправе иметь при себе представительство иностранной религиозной организации.

Статья 13.1. Реорганизация религиозной организации.

Реорганизация религиозной организации осуществляется по основаниям и в порядке, предусмотренным гражданским законодательством. Религиозная организация не может быть преобразована в юридическое лицо другой организационно-правовой формы. (Статья дополнительно включена с 7 апреля 2015 года Федеральным законом от 6 апреля 2015 года № 80-ФЗ).

Статья 14. Приостановление деятельности религиозного объединения, ликвидация религиозной организации и запрет на деятельность религиозного объединения в случае нарушения ими законодательства (наименование статьи в редакции, введенной в действие с 10 августа 2002 года Федеральным законом от 25 июля 2002 года № 112-ФЗ).

1. Религиозные организации могут быть ликвидированы: по решению их учредителей или органа, уполномоченного на то уставом религиозной организации; по решению суда в случае неоднократных или грубых нарушений норм Конституции Российской Федерации, настоящего Федерального закона и иных федеральных законов либо в случае систематического осуществления религиозной организацией деятельности, противоречащей целям ее создания (уставным целям); по решению суда в случае, предусмотренном пунктом 9 статьи 8 настоящего Федерального закона. (Абзац дополнительно включен с 1 июля 2002 года Федеральным законом от 21 марта 2002 года № 31-ФЗ).

2. Основаниями для ликвидации религиозной организации и запрета на деятельность религиозной организации или религиозной группы в судебном порядке являются: (Абзац в редакции, введенной в действие с 1 июля 2002 года Федеральным законом от 21 марта 2002 года № 31-ФЗ) нарушение общественной безопасности и общественного порядка; (Абзац в редакции, введенной в действие с 10 августа 2002 года Федеральным законом от 25 июля 2002 года № 112-ФЗ) действия, направленные на осуществление экстремистской деятельности; (Абзац в редакции, введенной в действие с 10 августа 2002 года Федеральным законом от 25 июля 2002 года № 112-ФЗ) (Абзац исключен с 10 августа 2002 года Федеральным законом от 25 июля 2002 года № 112-ФЗ – См. предыдущую редакцию) принуждение к разрушению семьи; посягательство на личность, права и свободы граждан; нанесение установленного в соответствии с законом ущерба нравственности, здоровью граждан, в том числе использованием в связи с их религиозной деятельностью наркотических и психотропных средств, гипноза, совершением развратных и иных противоправных действий; склонение к самоубийству или к отказу по религиозным мотивам от оказания медицинской помощи лицам, находящимся в опасном для жизни и здоровья состоянии; воспрепятствование получению обязательного образования; принуждение членов и последователей религиозного объединения и иных лиц к отчуждению принадлежащего им имущества в пользу религиозного объединения; воспрепятствование угрозой причинения вреда жизни, здоровью, имуществу, если есть опасность реального ее исполнения, или применения насильственного воздействия, другими противоправными действиями выходу гражданина из религиозного объединения; побуждение граждан к отказу от исполнения установленных законом гражданских обязанностей и совершению иных противоправных действий; неоднократное непредставление религиозной организацией в федеральный орган государственной регистрации или его территориальный орган в установленный срок отчета, предусмотренного пунктом 2 статьи 25_1 настоящего Федерального закона, при наличии в деятельности религиозной организации других нарушений законодательства Российской Федерации. (Абзац дополнительно включен с 9 декабря 2015 года Федеральным законом от 28 ноября 2015 года № 341-ФЗ).

3. Органы прокуратуры Российской Федерации, федеральный орган государственной регистрации и его территориальные

органы, а также органы местного самоуправления вправе вносить в суд представление о ликвидации религиозной организации либо о запрете деятельности религиозной организации или религиозной группы. (Пункт в редакции, введенной в действие с 1 июля 2002 года Федеральным законом от 21 марта 2002 года № 31-ФЗ; в редакции, введенной в действие с 1 июля 2004 года Федеральным законом от 29 июня 2004 года № 58-ФЗ).

4. Государственная регистрация религиозной организации в связи с ее ликвидацией осуществляется в порядке, предусмотренном Федеральным законом «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», с учетом особенностей такой регистрации, установленных настоящим Федеральным законом. (Абзац в редакции, введенной в действие с 1 января 2004 года Федеральным законом от 8 декабря 2003 года № 169-ФЗ). Сведения и документы, необходимые для осуществления государственной регистрации религиозной организации в связи с ее ликвидацией, представляются в орган, уполномоченный принимать решение о государственной регистрации религиозной организации в соответствии с пунктами 2–4 статьи 11 настоящего Федерального закона. (Абзац в редакции, введенной в действие с 24 июля 2015 года Федеральным законом от 13 июля 2015 года № 261-ФЗ).

Федеральный орган государственной регистрации или его территориальный орган после принятия решения о государственной регистрации религиозной организации в связи с ее ликвидацией направляет в уполномоченный регистрирующий орган сведения и документы, необходимые для осуществления данным органом функций по ведению единого государственного реестра юридических лиц. (Абзац в редакции, введенной в действие с 1 июля 2004 года Федеральным законом от 29 июня 2004 года № 58-ФЗ).

На основании указанного решения, принятого федеральным органом государственной регистрации или его территориальным органом, и представленных ими необходимых сведений и документов уполномоченный регистрирующий орган в срок не более чем пять рабочих дней со дня получения необходимых сведений и документов вносит в единый государственный реестр юридических лиц соответствующую запись и не позднее рабочего дня, следующего за днем внесения соответствующей записи, сообщает об этом в орган, принявший указанное решение. (Абзац в редакции,

введенной в действие с 1 июля 2004 года Федеральным законом от 29 июня 2004 года № 58-ФЗ)

Порядок взаимодействия федерального органа государственной регистрации и его территориальных органов с уполномоченным регистрирующим органом по вопросам государственной регистрации религиозных организаций в связи с ликвидацией определяется федеральным органом государственной регистрации по согласованию с уполномоченным регистрирующим органом. (Абзац в редакции, введенной в действие с 1 июля 2004 года Федеральным законом от 29 июня 2004 года № 58-ФЗ; в редакции, введенной в действие с 24 июля 2015 года Федеральным законом от 13 июля 2015 года № 261-ФЗ)

Государственная регистрация религиозной организации в связи с ее ликвидацией осуществляется в срок не более чем десять рабочих дней со дня представления всех оформленных в установленном порядке документов. (Пункт дополнительно включен с 1 июля 2002 года Федеральным законом от 21 марта 2002 года № 31-ФЗ).

Пункты 4 и 5 предыдущей редакции с 1 июля 2002 года считаются соответственно пунктами 5 и 6 настоящей редакции – Федеральным законом от 21 марта 2002 года № 31-ФЗ.

5. Правоспособность ликвидируемой религиозной организации как юридического лица прекращается, а имущество указанной религиозной организации распределяется в соответствии с ее уставом и гражданским законодательством Российской Федерации.

6. Основания и порядок ликвидации религиозной организации по решению суда применяются также в отношении запрета деятельности религиозной группы.

(Пункт 6 предыдущей редакции, введенный Федеральным законом от 25 июля 2002 года № 112-ФЗ, с 1 января 2004 года считается пунктом 7 настоящей редакции – Федеральный закон от 8 декабря 2003 года № 169-ФЗ).

7. Деятельность религиозного объединения может быть приостановлена, религиозная организация может быть ликвидирована, а деятельность религиозного объединения, не являющегося религиозной организацией, может быть запрещена в порядке и по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности». (Пункт дополнительно включен с 10 августа 2002 года Федеральным законом от 25 июля 2002 года № 112-ФЗ).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Будущее религиозных верований для бытия человека, как для отдельной личности в повседневном опыте, так и для жизни общества и развития культуры, остается открытым и трудно предсказуемым. Во всяком случае, абсолютизация секулярных тенденций и атеизма, и на этой основе предсказания о скорой ненужности религии для прогрессирующего человечества, оказалась ошибочной. Вместе с тем для будущего религии можно прогнозировать опасность утраты глубины традиционных форм религиозного опыта, усиления симулятивности религиозных смыслов в культурной и социальной жизни.

Данная хрестоматия не претендует на полноту представленности как текстов-первоисточников самих религий, так и научных исследований по философии религии и религиоведению. Для подобного рода цельности религиозного опыта потребовался бы текстуальный объем, соизмеримый с объемом информации самых больших библиотек мира. Кроме того, не нужно забывать, что верное представление о религии дается не только и не столько в плане научно-теоретических трудов, но и для практического приобщения к духовному опыту, который не может быть до конца рационализируемым и высчитываемым какой-либо «информацией» и «методологией», поскольку это, прежде всего, живой опыт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Далай-лама XIV. Буддизм Тибета. / Пер. М. Кожевниковой. М., 1990.
2. Мудрость буддийских сказаний. Джатаки. / Пер. с пали А. В. Парибка. М., 2015.
3. Борхес Х. Л. Буддизм. URL: http://modernlib.ru/books/borhes_horhe_luis/buddizm/read.
4. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. 2015.
5. Кирилл, архиепископ Иерусалимский. Поучения огласительные и тайноводственные. М., 1991.
6. Изречения египетских отцов. СПб., 2001.
7. Духовные наставления Серафима Саровского. СПб., 2014.
8. Коран. 2007.
9. Аль-Мунтахаб фи Тафсир аль-Кур`ан аль Карим. Толкование Священного Корана на арабском и русском языках. Казань, 2000.
10. Хадисы Пророка. / пер. В.В. Порохова. М., 2010.
11. Хишам аль-Калби. Книга об идолах. / пер. В. В. Полосин. М., 1984.
12. Мюллер Фр. Введение в науку о религии. М., 2002.
13. Гегель Г. Ф. В. Философия религии. М., 2007.
14. Тайлор Э. Первобытная культура. М., 1989.
15. Фрэзер Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 2001.
16. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения: Антология. М., 1998.
17. Пфлейдерер О. Религия и религии. СПб., 1909.
18. Вебер М. Избранное. М., 2005.
19. Отто Р. Священное. СПб., 2008.

20. Тиллих П. Избранное: Теология культуры. М., 1996.
21. Булгаков С. Н. Свет невечерний. М., 1994.
22. Олпорт Г. Становление личности. М., 2002.
23. Лифтон Р. Технология «промывки мозгов». Психология тоталитаризма. М., 2005.

ВАКУЛА ИВАН МИХАЙЛОВИЧ,
доктор философских наук, профессор
РОЖКОВСКИЙ ВИТАЛИЙ БОРИСОВИЧ,
доктор философских наук, доцент

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Хрестоматия

Редактор *Н. А. Чуб*
Корректор *Н. А. Чуб*
Технический редактор *Н. А. Чуб*
Компьютерная верстка – *Е. Е. Пелехатая*

Сдано в набор 6.11.2018. Подписано к печати 7.03.2019.
Формат 60x84/16. Объем 16,7 п.л. Набор компьютерный.
Гарнитура Minion Pro. Печать ризография.

Бумага офсетная.

Тираж 54 экз. Заказ № .

Редакционно-издательское отделение
НИиРИО ФГКОУ ВО РЮИ МВД России.

Отпечатано в ГПиОП НИиРИО

ФГКОУ ВО РЮИ МВД России.

344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

ISBN 978-5-8928-8368-9

9

785892

883689